

ВЕСНІК

Беларускага дзяржаўнага
універсітэта

СЕРЫЯ 3

Гісторыя
Філасофія
Паліталогія
Сацыялогія
Эканоміка
Права

1'95

ВЕСНІК

Беларускага дзяржаўнага
універсітэта

НАВУКОВА-ТЭАРЭТЫЧНЫ ЧАСОПІС

Выдаецца з сакавіка 1969 года
адзін раз у чатыры месяцы

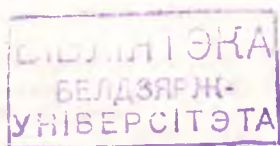

СЕРЫЯ 3

Гісторыя
Філасофія
Паліталогія
Сацыялогія
Эканоміка
Права

1'95

САКАВІК

МІНСК
„УНІВЕРСІТЭЦКАЕ”

НАШЫ ЛАЎРЭАТЫ

Прэміяй імя У. І. Пічэты за 1994 г. адзначыў вучоны савет Белдзяржуніверсітэта навуковы дасягненні доктара юрыдычных навук прафесара Юхо Іосіфа Аляксандравіча. Самаадданы прыхільнік нацыянальнага адраджэння Іосіф Аляксандравіч у апошнія гады атрымаў асаблівую прыязнасць чытачоў сваімі добрасумленнымі навуковымі пошукамі і адкрыццямі ў гісторыі дзяржавы і права Беларусі. Аргыкул лаўрэата, які публікуецца сёння ў часопісе, прысвечаны гэтай актуальнай тэме.

І. А. ЮХО

РАЗВІЦЦЁ НАВУКІ ГІСТОРЫІ ДЗЯРЖАВЫ І ПРАВА БЕЛАРУСІ Ў БЕЛАРУСКІМ ДЗЯРЖАЎНЫМ УНІВЕРСІТЭЦЕ

Гісторыя дзяржавы і права як навуковая дысцыпліна з'яўляецца арганічнай часткай агульнай гісторыі народа, яго культуры. Гэта навука аб жыцці і дзейнасці людзей у грамадстве і дзяржаве. Яна дапамагае бачыць поспехі і памылкі ў грамадска-палітычным жыцці, усведамляць сваё месца ў ланцугу пакаленняў, накіроўваць свае паводзіны з улікам лепшых народных традыцый.

Вылатны рускі гісторык Васіль Мікітавіч Тацішчаў лічыў, што нельга быць мудрым юрыстам, калі не ведаць старых законаў і іх дастасавання. Без грунтоўнага ведання гістарычных падзей і яснага разумення ўсяго ходу гісторыі немагчыма мець цвёрды і разумны светапогляд. Гістарычны аналіз заканадаўства неабходны як для правільнага разумення дзеючых норм права (гістарычнае тлумачэнне закона), так і для крытычнай ацэнкі застарэлых норм.

Уладзімір Іванавіч Пічэта яшчэ ў 1926 г. звяртаў увагу на неабходнасць распрацоўкі гісторыі права Беларусі. Ён пісаў, што беларусы, як і рускія, украінцы, жылі кожны сваім гістарычным жыццём, мелі свае звычаі і выпрацавалі сваё нацыянальнае права, як і іншыя славянскія народы: палякі, чэхі, балгары, сербы. Таму неабходна было пачынаць і распрацоўку гісторыі беларускага права як у агульнаславянскім асявятленні, так і паасобку, у нацыянальным рэчышчы. Але пачатаў У. І. Пічэтам праца была прыпынена рэпрэсіямі 30-х гг.

Задачай навукі гісторыі дзяржавы і права з'яўляецца вывучэнне гістарычнага ходу падзей у іх канкрэтнасці і храналагічнай паслядоўнасці; выяўленне асноўных заканамернасцей развіцця структуры і дзейнасці органаў дзяржаўнай улады і праваадоўжэння грамадзян, прававога становішча класаў, саслоўяў і розных сацыяльных груп; выяўленне і вывучэнне крыніц права такіх, як нормы звычайнага права, міжнародныя пагадненні, граматы (прывілеі), статуты Вялікага княства Літоўскага, пастановы вышэйшых і мясцовых дзяржаўных органаў улады; вывучэнне структуры і кампетэнцыі судовых органаў і судовай практыкі; высвятленне развіцця асобных галін права: дзяржаўнага, адміністрацыйнага, цывільнага, крымінальнага, судова-працэсуальнага і іншых.

На юрыдычным факультэце Белдзяржуніверсітэта склаліся свае беларускія навуковыя школы па тэорыі дзяржавы і права, дзяржаўнага права, цывільнага права і працэсу, крымінальнага права і працэсу, крыміналістыкі, міжнароднага права.

Значныя поспехі дасягнуты ў развіцці навукі гісторыі дзяржавы і права Беларусі. Першыя навуковыя працы па гэтай дысцыпліне былі выдадзены ў 20-я гг. У. М. Ігнатоўскім, В. Дружыцам і У. І. Пічэтам. Абапіраючыся на працы даследчыкаў Расіі, Польшчы, Беларусі і Украіны, у пасляваенны час вучоныя Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта стварылі сваю школу па гісторыі дзяржавы і права Беларусі. Так, яшчэ ў 1958 г. быў выдадзены навучальны дапаможнік «Очерки по истории государства и права БССР», выпуск першы, а ў 1969 г. выйшаў з друку другі выпуск. З 1963 г. пачалася распрацоўка курса лекцый па гісторыі дзяржавы і права Беларусі, праграмы курса, метадычных дапаможнікаў і заданняў па правядзенню семінарскіх заняткаў, падрыхтоўцы курсавых і дыпломных работ. Распрацаваную ў Белдзяржуніверсітэце праграму курса па гісторыі дзяржавы і права Беларусі амаль без змяненняў ужываюць Гродзенскі і Гомельскі ўніверсітэты, Акадэмія мліцыі і іншыя юрыдычныя навучальныя ўстановы рэспублікі.

Значэнне гісторыі дзяржавы і права Беларусі як навукі і вучэбнай дысцыпліны, якія садзейнічаюць павышэнню самасвядомасці народа і дазваляюць

дакладна акрэсліць месца беларускай дзяржавы ў сусветным супольстве, асабліва ўзрадо пасля прыняцця Дэкларацыі аб незалежнасці рэспублікі. У гэтай працы пачэснае месца належыць навукоўцам юрыдычнага факультэта Бездзярж-універсітэта, дзе ўпершыню быў распрацаваны курс лекцый па гэтай дысцыпліне, падрыхтаваны праграма і метадычныя дапаможнікі, уведзены ў навуковы абарот старажытныя прававыя акты і помнікі права, даследаваны гістарычныя падзеі, крытычна прааналізаваны працы навуковых папярэднікаў.

Для таго, каб больш дакладна высветліць характар феадальнай дзяржавы і права беларускага народа, неабходна было даследаваць, як і калі называўся наш народ і ў сувязі з чым з'явілася назва «Беларусь». У 1968 г. мне давялося ўста-навіць, што самая старажытная назва нашага народа сустракаецца ў гісторыі Герадота, дзе ён пісаў аб будзінах і неўрах, якія жылі па басейнах Заходняй Дзвіны, вярхоўяў Дняпра, Прыпяці і Заходняга Буга. Далей, з дапамогай шмат-лікіх дакументаў я даказаў, што на працягу з XII па XIX ст. беларусаў называлі літвінамі. У канцы XVIII ст. па загаду расійскага імператара Паўла I была ўтворана Беларуская губерня, аднак толькі пасля ўтварэння Беларускай Народнай Рэспублікі, а затым і Беларускай Савецкай Рэспублікі ўся наша тэрыторыя пачала называцца Беларуссю (гл.: Польшча. 1968. № 1).

Абапіраючыся на вучэнні Арыстоцеля і Ж. Ж. Русо аб дзяржаве, мне удалося акрэсліць яе сутнасць як тэрытарыяльнага, суверэннага саюза людзей (сем'яў), утворанага з мэтай абароны іх жыцця, свабоды і маёмасці, рэгламентаванага прававымі нормама і правіламі маральных паводзін, выкананне якіх забяспечваецца сістэмай грамадскага кіравання і выхавання. Зыходзячы з гэтага вызначэння дзяржавы і абапіраючыся на шэраг гістарычных фактаў, я прышоў да высновы, што дзяржаўны лад у старажытнага насельніцтва Беларусі існаваў у той самы час, як і ў скіфаў, што жылі на тэрыторыі сучаснай Украіны ў перыяд VI—II стст. да нашай эры. Дакладнае абгрунтаванне гэтых поглядаў выкладзена мною ў артыкуле «Паходжанне дзяржавы на Беларусі» (Спадчына. 1990. № 4).

Складанымі гісторыка-тэарэтычнымі праблемамі з'яўляюцца адносіны Вялікага княства Літоўскага з Польшчай у XIV—XVIII стст., Крэўская і Люблінская уніі. Мне пагасцацца даказаць, што ў выніку Крэўскага пагаднення Польшча і Вялікае княства Літоўскае захоўвалі сваю адасобленасць і свой дзяржаўны суверэнітэт, знаходзячыся ў саюзе пад верхавенствам агульнага гасу-дара.

Гэтая унія спрыяла збліжэнню народаў Польшчы і Вялікага княства Літоўскага, аб'яднанню іх вайсковых сіл у бітве пад Грунвальдам, спыненню нямецкай каланізацыі Польшчы. Крэўская унія садзейнічала адраджэнню сла-вянскай культуры ў Польшчы, бо Ягайла, які ўступіў на польскі каралеўскі прастол, карыстаўся толькі беларускай мовай.

Даследаванне юрыдычных актаў і практыкі іх выкарыстання, а таксама прак-тыкі фактычных дачыненняў, што склаліся паміж Польшчай і Вялікім княствам Літоўскім у выніку Люблінскай уніі 1569 г., дазволіла зрабіць выснову, што ўзнікла новая канфедэратыўная дзяржава — Рэч Паспалітая. У ёй суверэннае Вялікае княства Літоўскае захоўвала самастойнасць дзяржаўнага апарату кіраван-ня, заканадаўства, арміі, фінансаў, судовай сістэмы. Агульнымі былі толькі кароль, ён жа вялікі князь літоўскі, і сойм, які збіраўся адзін раз у два гады і не больш як на шэсць тыдняў. Але ў гэты час сойм заставаўся малаэфектыўнай установай, бо кожны дэпутат, карыстаючыся так званым правам «ліберум вета», мог забараніць любую пастанову сойма і тым самым паралізаваць яго дзейнасць. Захоўвалася адасобленасць грамадзянства Вялікага княства Літоўскага; толькі яго грамадзяне (урадженцы) мелі права займаць кіруючыя пасады ў дзяржаўным апарце і набываць землеўладанні.

Даследаванне гісторыяграфіі навуковых прац па гісторыі дзяржавы і права Бе-ларусі немагчыма без разгляду дзяржаўна-прававых ідэй, выказаных у творах Ф. Скарыны. Аналіз асаблівасцей стылю і ідэйна-прававых поглядаў дазваляе ўпэўнена сцвярджаць, што Скарына прымаў удзел у напісанні і рэдагаванні Ста-тута Вялікага княства Літоўскага 1529 г. Ён лічыў неабходным дабівацца, каб усе правы ў цэлым і кожны закон паасобку былі добрапрыстойнымі, справядлівымі, магутнымі, неабходнымі, карыснымі, выдзенымі ў адпаведнасці са звычкамі далёкай зямлі, часам і месцам, яўнымі, не маючымі ў сабе двухсэнсавага зместу, і былі накіраваны на дасягненне агульнага дабрабыту, а не да выгады некаторых асоб (падрабязней гл.: Франціск Скарына і яго час. Мн., 1988. С. 136).

Важнае значэнне для гісторыяграфіі дзяржавы і права маюць навуковыя даследаванні, што праводзіліся ў першай палове XIX ст. Т. Чацкім, які падвергнуў абгрунтаванай крытыцы меркаванні польскіх юрыстаў XVII—XVIII стст. аб тым, нібыта права Вялікага княства Літоўскага мела сваёй крыніцай рымскае права. Але і сам Чацкі зыходзіў з памылковай нарманскай тэорыі паходжання ўсходнеславянскіх дзяржаў і права, сцвярджаючы, што права, запісанае ў Статуце

1529 г., мае сваёй крыніцай права, звычаі і традыцыі паўночных народаў і германцаў. Яго погляды пераканаўча абвергнуты гісторыкамі права С. Ліндэ, І. Ракавецкім, І. Даніловічам, Т. Нарбутам, Ю. Ярашэвічам.

Распрацоўваючы гісторыяграфію гісторыі дзяржавы і права Беларусі, немагчыма абыйсці ідэалагічную барацьбу дзвюх рускіх гістарычных школ «заходнікаў» і «славянафілаў». Да заходнікаў адносіліся гісторыкі права С.-Пецярбургскага і Маскоўскага універсітэтаў І. І. Лапо, С. А. Бершадскі, А. Е. Прэсянкаў, В. І. Сергеевіч. Выдатны прадстаўнік дзяржаўнай школы ў рускай буржуазнай гісторыяграфіі М. К. Любаўскі зрабіў спробу напісаць гісторыю Вялікага княства Літоўскага з асвятленнем прававога становішча саслоўяў і асобных груп насельніцтва, дзяржаўных устаноў і іх службовых асоб.

Гісторыкі-славянафілы выпрацавалі свае канцэпцыі па крытэцы нямецкай гістарычнай школы права, паказалі памылковасць поглядаў польскіх гісторыкаў права, якія лічылі беларускае права польскім, выявілі рэакцыйны характар каталіцкай ідэалогіі і яе адмоўны ўплыў на развіццё культуры Беларусі. Асноўная заслуга прадстаўнікоў Кіеўскай школы гісторыі дзяржавы і права заключалася ў тым, што яны пачалі вывучаць прававыя праблемы ў цеснай узамасуязі з жыццём народа.

Для распрацоўкі курса гісторыі дзяржавы і права Беларусі асабліваю каштоўнасца уяўляюць працы польскіх гісторыкаў дзяржавы і права ад Адама Нарушэвіча, І. Лявелея, А. Мацееўскага (XIX ст.) да сучасных — Ю. Бардаха, Г. Лаўмянскага, Е. Ахманьскага. Курс гісторыі дзяржавы і права немажлівы без даследавання багатай прававой спадчыны беларускага народа. Крыніцам беларускага феадальнага права належыць пачэснае месца сярод сусветна вядомых помнікаў права, такіх, як Законы Ману, Законы Хамураці, Законы дванаціці табліц, Кодэкс Юстыніяна, Руская Праўда. Галоўнымі сярод гэтых крыніц з'яўляюцца статыты Вялікага княства Літоўскага 1529, 1566 і 1588 гг.

Мне ўпершыню ўдалося даказаць, што статыты былі хутчэй не кодэксамі, а зводамі законаў, якія ўключалі канстытуцыйнае, адміністрацыйнае, цывільнае, зямельнае, крымінальнае і судова-працэсуальнае права. У статытах былі выкладзены нормы розных галін права, сістэматызаваныя на аснове прагрэсіўных тэарэтычных прынцыпаў: захоўванне суверэнітэту дзяржавы, адзіства права для ўсёй дзяржавы і ўсіх паўнапраўных грамадзян, прыярытэт пісанага права. Сістэма феадальнага права Беларусі мяшчала як нормы агульнага права, так і спецыяльныя нормы, якія забяспечвалі прывілеі пануючаму класу і яго асобным групам. Гэтыя прывілеі не складалі выключэння ў сістэме права, а з'яўляліся яе састаўной часткай, хаця і былі ў супярэчнасці з усёй прававой сістэмай, у чым і праяўлялася ўнутраная супрацьлегласць феадальнай сістэмы права.

Даследаванне першакрыніц прыводзіць да высновы, што ў беларускіх гарадах у XV—XVI стст. узнікла і дзейнічала самастойная галіна права — феадальнае гарадское права, якое абгрунтавалася спецыяльнымі граматамі (прывілеямі) на магдэбургскае права, статытамі, мясцовым звычаёвым правам і іншымі дакументамі, дагаворамі, статытамі цэхаў, прыстасаваных да правасвядомасці і патрэб гарадскога насельніцтва, якое выдзялялася ў асобнае саслоўе мяшчан.

Аналіз важнейшых крыніц беларускага феадальнага права, актаў, выдзеных дзяржаўнымі ўстановамі і службовымі асобамі, сведчыць аб высокай ступені развіцця заканадаўчай тэхнікі. Па тэарэтычнай і практычнай распрацоўцы крыніцы права феадальнай Беларусі займалі выдатнае месца ў тагачаснай Еўропе.

Вынікі маіх даследаванняў аб крыніцах права выкладзены ў кнігах: «Крыніцы беларуска-літоўскага права» (Мн., 1991), «Правое положение населения Белоруссии в XVI в.» (1978). На працягу 1985—1986 гг. я клапаціўся аб перавыданні Статута Вялікага княства Літоўскага 1588 г., але толькі ў 1987 г. мая ініцыятыва была падтрымана кіраўніцтвам Беларускай Савецкай Энцыклапедыі імя Пётруся Броўкі. З гэтага часу пачалася праца па падрыхтоўцы перавыдання Статута. Разам з вялікім калектывам аўтараў, мастакоў, навукоўцаў і рэдактараў мы зрабілі першае на Беларусі выданне, у якім змешчаны арыгінальны і адаптаваны тэксты Статута, а таксама яго пераклад з беларускай на рускую мову. Пераклад выкананы мною сумесна з дацэнтам Т. І. Доўнар. У кнізе змешчаны даведнік, у якім разглядаюцца прававая тэрміналогія Статута, яго крыніцы, выданне, ужыванне і вывучэнне. Я ўдзельнічаў у напісанні некаторых артыкулаў даведніка і часткі ўступнага парыва «Сацыяльна-гістарычныя ўмовы ўзнікнення Статута Вялікага княства Літоўскага 1588 года». Сумесна з Т. І. Доўнар мы напісалі падрабязныя каментарыі да Статута, у якіх разглядаюцца глумачэнні сутнасці і гісторыя крыніц важнейшых артыкулаў Статута, а таксама матэрыялаў, змешчаных ва ўступе да яго.

Вяртаючы гістарычную памяць пра сусветна вядомых ураджэнцаў беларускай зямлі, я правёў даследаванне аб жыцці і дзейнасці Андрэя Тадэвуша Касцюшкі, у выніку чаго была выдана брашура «За вольнасць нашу і вашу» (1990). У ёй чытач знойдзе звесткі аб беларускім паходжанні Касцюшкі, яго вайсковым таленце, адданасці змаганню за свабоду і незалежнасць краіны. Тут распавядаецца

таксама пра дзейнасць папличнікаў Касцюшкі, ураджэнцаў Беларусі: Міхала Клефаса Агінскага, Тамаша Ваўжэцкага, Якуба Ясінскага. Аб паўстанні 1794 г. на Беларусі гаворыцца і ў брашуры, напісанай мною разам з У. Емельянчыкам, «Нарадзіўся я ліцьвінам» (1994).

У 1992 г. выданыя мной першы падручнік «Кароткі нарыс гісторыі дзяржавы і права Беларусі», у якім разгледжаны асноўныя этапы нашай дзяржаўнасці са старажытных часоў да 1917 г. У падручніку значная ўвага надаецца становішчу розных класаў, саслоўяў і асобных катэгорый людзей, іх сацыяльнаму становішчу ў грамадстве і дзяржаве. Найбольш прывілеяванае становішча ў дзяржаве займала саслоўе шляхты і яго вершаліна — князі і пань. Працэс выдзялення багатых і ўплывовых людзей у саслоўі шляхты праходзіў на працягу некалькіх стагоддзяў, пачынаючы з XIII—XIV, а канчатковае прававое афармленне іх ільгот і правоў было замацавана ў граматах XV ст. і Статутах Вялікага княства Літоўскага 1529, 1566 і 1588 гг. М. К. Любаўскі памыляўся, калі сцвярджаў, што саслоўе шляхты было ўтворана адным актам — Гарадзельскім прывілеем 1413 г., бо на самой справе саслоўе шляхты складалася паступова, на працягу доўгага часу.

Правое палажэнне ўсіх катэгорый сялян характарызавалася іх палітычным бяспраўем, абмежаванай грамадзянскай праваздольнасцю, павышанай крымінальнай адказнасцю. Ім забаранялася займаць значныя пасады ў дзяржаўным апарате. Яны не дапускаліся на соймы. Іх удзел у палітычным жыцці абмяжоўваўся толькі мясцовымі валаснымі справамі. Асноўнае абмежаванне правоў сялян заключалася ў адмаўленні іх права ўласнасці на зямлю і забароне ім набываць маёмасці і землі, свабодна выбіраць род заняткаў і месца жыхарства.

Правое палажэнне мяшчан беларускіх гарадоў вызначалася мясцовым звычайным і пісаным правам і мела некаторыя асаблівасці для кожнага горада. Разам з тым меліся і нормы агульныя, якія вызначалі структуру гарадскіх органаў кіравання і суда, а таксама ўстанаўлівалі павіннасці і некаторыя льготы для мяшчан. Усе ж маёмасныя і асабістыя праваадносіны мяшчан рэгуляваліся агульнымі нормама мясцовага права. Палітычнымі правамі мяшчане не валодалі. Яны не мелі сваіх прадстаўнікоў ні ў радзе, ні ў сойме. Яны не ўдзельнічалі і ў рабоце мясцовых павятовых соймаў. Асноўнымі сродкамі іх уплыву на заканадаўства былі падача чалавічых і паўстанні. Важным правам мяшчан было іх права аб'ядноўвацца ў саюзы па прафесіях — цэхі і братэрствы. Мяшчане лічыліся асабіста свабоднымі людзьмі і маглі набываць маёмасць і свабодна ёю распараджацца (акрамя зямельных маёмкаў, населеных залежнымі сялянамі), выбіраць род заняткаў і месца жыхарства.

Побач з агульнымі нормама права у Беларусі ў XVI ст. складалася асаблівае гарадское права. Мне удалося ўпершыню паказаць поўную структуру сістэмы судовых органаў, што дзейнічалі на Беларусі ў перыяд феадалізму і капіталізму. Да іх адносіліся суды: гаспадарскі і яго разнавіднасці (суд паноў рады, соймавы, камісарскі); галоўны суд або трыбунал; гродскі або замкавы, які дзейнічаў у двух складах — вышэйшым і ніжэйшым; земскі выбарны суд, што складалася з судзі, падсудка і пісара; вайтоўска-лаўмічы суд, што дзейнічаў у гарадах; копны сялянскі суд. Даследаваны асноўныя рысы працэсуальнага права і найбольш важныя галіны права: дзяржаўнае і ваеннае, цывільнае і крымінальнае. Высветлены асноўныя моманты грамадска-палітычнага ладу і права Беларусі ў перыяд яе ўваходжання спачатку ў склад Рэчы Паспалітай, потым ў склад Расійскай імперыі.

Такім чынам, намаганнямі аўтара і калектыву навукоўцаў юрыдычнага факультэта ў Беларускай дзяржаўнай універсітэце створана новая навуковая і вучэбная дысцыпліна — «Гісторыя дзяржавы і права Беларусі».

А. Д. ТОГУЛЕВА

БЕЛАРУСКАЯ САЦЫЯЛІСТЫЧНАЯ ГРАМАДА ў 1917 — 1918 гг.

З першых дзён Лютаўскай рэвалюцыі беларускі нацыянальны рух набыў незвычайны размах і глыбіню. Распушчаныя летам 1907 г. Беларускае сацыялістычнае грамада адрэдзілася 25 сакавіка 1917 г. у Мінску, дзе адбылася яе канферэнцыя, якая прыняла рэзалюцыю аб падтрымцы Часовага ўрада і выказалася за працяг вайны. БСГ прэтэндавала на ролю выразніка інтарэсаў беларускага сялянства, але ў той жа час выступала супраць захопу сялянскай памешчыцкай земляў, прапаноўвала чакаць, пакуль зямельнае пытанне вырашыць «краёвы сейм аўтаномнай Беларусі». У рэзалюцыі па аграрнаму пытанню зазначалася: «У дадзены момант канферэнцыя арганізацыі БСГ асуджае неарганізаваныя, анархічныя выступленні на падставе аграрных адносін»¹. БСГ заклікала актыўна рыхтавацца да Усерасійскага ўстаноўчага сходу, «арганізоўвацца на грунце класавай барацьбы за ажыццяўленне праграмы-мінімум БСГ»², праводзіла агітацыю за Расійскую федэратыўную рэспубліку і аўтаномію Беларусі ў ёй. Канферэнцыя выбрала Мінскі камітэт, на які да склікання з'езду былі ўскладзены функцыі кіруючага органа партыі.

Улетку 1917 г. БСГ карысталася найбольшай папулярнасцю ў масах сярод усіх існуючых беларускіх партый і арганізацый. Да гэтага часу яна колькасна вырасла, значна пашырыла свой уплыў на дробнабуржуазную інтэлігенцыю, частку сялянства, асабліва заможных пластоў, чыноўнікаў, салдат. У яе арганізацыі ўваходзілі і рабочыя. Арганізацыі БСГ актыўна дзейнічалі ў Мінску, Петраградзе, Маскве, Бабруйску, Віцебску, Саратаве, Адэсе, Гомелі, Слуцку, а таксама ў многіх павятовых цэнтрах Беларусі, у часцях Заходняга фронту. Восенню БСГ аб'ядноўвала ў сваіх радах каля 10 тыс. чалавек³. Аб прыналежнасці да БСГ тым часам заявіла Беларускае сацыял-дэмакратычнае рабочае група, якая дзейнічала ў Вільня. Прадстаўнікі грамады З. Х. Жылуновіч і П. А. Бадунова ўваходзілі ў склад Петраградскага Савета.

Працоўныя масы Беларусі, галоўным чынам сялянства, па меры развіцця рэвалюцыі ў першую чаргу імкнуліся вырашыць свае сацыяльныя праблемы (спыненне вайны, знішчэнне памешчыцкага землеўладання). Але паступова ў масах расце зацікаўленасць і да нацыянальнага пытання. Улічваючы гэта, БСГ ў маі — чэрвені 1917 г. амаль у ва ўсіх гарадах, дзе былі яе арганізацыі, правяла дэманстрацыі, сходы і мітынгі, на якіх паспрабавала выставіць нацыянальныя лозунгі. Па ініцыятыве Грамады 1 чэрвеня адбыўся мітынг рабочых-беларусаў Нарвскага раёна Петраграда. Яго ўдзельнікі патрабавалі ад Часовага ўрада, каб беларускаму народу, як і іншым прыгнечаным народам Расіі, «было дадзена права на сваё культурна-нацыянальнае самавызначэнне на аўтаномна-федэратыўных пачатках у складзе Расійскай дэмакратычнай рэспублікі»⁴. Яны асудзілі контррэвалюцыйную палітыку Часовага ўрада, патрабавалі неадкладнага прыняцця аграрнага закону аб зямлі. На мітынг салдат і афіцэраў Заходняга фронту — ураджэнцаў Беларусі, які праходзіў у Мінску 15 мая 1917 г., былі прыняты рэзалюцыі аб канфіскацыі памешчыцкай зямлі, увядзенні ў школах беларускай мовы, самавызначэнні беларускага народа ў складзе Расійскай федэратыўнай рэспублікі. Удзельнікі мітынгу аднагалосна выказаліся «супраць аддзялення Беларусі ад Расійскай дзяржавы»⁵. Аднак прад'яўляючы гэтыя патрабаванні, БСГ не звязвала іх ажыццяўленне з шырокімі сацыяльна-эканамічнымі пераўтварэннямі рэвалюцыйнага характару. Яна, як і большасць дробнабуржуазных партый, лічыла, што ўсе сацыяльныя праблемы будуць вырашаны Устаноўчым сходам. Такая пазіцыя БСГ выклікала апазіцыю з боку яе левага крыла, звязанага з працоўным ся-

лянствам. У выніку ў Грамадзе, як і ў іншых дробнабуржуазных партыях, паскараўся працэс палітычнай дыферэнцыяцыі, выкршталізоўваліся левыя групы. Яны сфарміраваліся ў Петраградскай, Віцебскай і Бабруйскай арганізацыях БСГ. Актывізацыя левых сіл прымусіла партыю мяняць тактыку, прыстасоўвацца да новых палітычных абставін.

3 гэтай мэтай 4 ліпеня 1917 г. у Петраградзе была склікана канферэнцыя БСГ. Пад уплывам левага крыла, якое абапіралася на рабочых-беларусаў петраградскіх заводаў, садат і матросаў, канферэнцыя паспрабавала выпрацаваць новую тактыку партыі з улікам развіцця рэвалюцыі і сфармуляваць некаторыя праграмныя патрабаванні. Кіраўніцтва БСГ прадставіла на абмеркаванне праект праграмы-мінімум. Праект, па сутнасці, паўтарыў старыя праграмныя патрабаванні БСГ ў сацыяльна-эканамічнай галіне, прынятыя ў 1906 г.: падзел зямлі паміж сялянамі праз мясцовыя органы самакіравання, прапаганда ідэй сацыялізацыі ўсёй прамысловай вытворчасці, уводзенне 8-часовага працоўнага дня, мінімальнай заробтнай платы і інш. Прычым, як сведчаць матэрыялы канферэнцыі, БСГ зноў адкладвала вырашэнне ўсіх сацыяльных праблем да Устаноўчага сходу. Заява Грамады аб тым, што галоўнай яе мэтай з'яўляецца «ажыццяўленне сацыялістычнага ладу шляхам развіцця класавай барацьбы і сацыяльнай рэвалюцыі»⁶, было хутчэй палітычным лозунгам, разлічаным на прыцягненне на бок партыі шырокіх мас насельніцтва Беларусі. На справе ж БСГ працягвала падтрымліваць буржуазную праграму Часовага ўрада.

Па пытаннях вайны і міру Грамада таксама засталася на старых пазіцыях. «Нягледзячы на цяжкае становішча і нечуванныя пакуты роднай краіны, — зазначалася ў рэзалюцыі канферэнцыі, — БСГ лічыць, што пакуль дэмакратыя краін, якія ваююць, не ачуняла ад згубнага мілітарызму, руская рэвалюцыйная армія павінна цвёрда стаяць на варце сваёй свабоды»⁷.

У нацыянальным пытанні БСГ ставіла задачу дамагацца развіцця нацыянальнай культуры, заканадаўчага прызнання ўжывання беларускай мовы ў школах, а таксама ў дзяржаўных і грамадскіх установах Беларусі.

Разглядаючы пытанне аб дзяржаўным ладзе, Грамада выступала за аўтаномію Беларусі з заканадаўчым органам — Краёвай Радай, выбранай на аснове ўсеагульнага, роўнага, прамога, тайнага і прапарцыянальнага выбарнага права; супраць мытных межаў паміж Беларуссю і іншымі часткамі будучай Расійскай Федэрацыі, за поўнае палітычнае і эканамічнае раўнапраўе ўсіх нацыянальнасцей на тэрыторыі Беларусі.

Канферэнцыя выбрала таксама ЦК партыі (часовы). У яго ўвайшлі: П. Бадунова, З. Жылуновіч, Я. Варонка, К. Душэўскі, Э. Будзька, А. Барысёнак, В. Лузгін, А. Смоліч, У. Ігнатоўскі, А. Бурбіс, Р. Астроўскі, М. Мясешка і інш.

Рост рэвалюцыйнай барацьбы паскорыў працэс размежавання ў БСГ, перадумовы якога наспелі яшчэ летам 1917 г. З моманту ўзнікнення Грамада ніколі не была аднароднай партыяй. У ёй суіснавалі самыя розныя плыні — ад буржуазна-нацыяналістычнай да рэвалюцыйна-дэмакратычнай, што адбівалася на класавым складзе партыі і з'яўлялася адпостраваннем няўстойлівасці і хістання дробнай буржуазіі. Ужо ўвосенні 1917 г., у перыяд нарастання рэвалюцыі, ад БСГ адкалолася частка рэвалюцыйна настроеных рабочых-беларусаў Петраграда і матросаў Балтыйскага флоту. Напярэдадні Кастрычніцкай рэвалюцыі яны ўтварылі Беларускаю сацыял-дэмакратычную рабочую партыю (БСДРП). «Дзяніца» (орган Белкамнаца) у гэты час паведамляла, што «з першых дзён рэвалюцыі многія рабочыя Петраграда, уваходзячы ў агульнарасійскія партыі, сталі ствараць свае нацыянальныя арганізацыі. Беларускія сацыял-дэмакраты (прадстаўнікі левага крыла БСГ) аб'ядналіся і стварылі некалькі арганізацый беларускіх сацыял-дэмакратаў у Нарвскім, Ліцейным і Неўскім раёнах. Гэтыя арганізацыі цалкам прынялі праграму РСДРП (б), падтрымліваючы таксама і тактыку гэтай партыі»⁸.

Адзін з ідэёлагаў БСГ Ф. Турук у кнізе «Белорусское движение» зазначаў, што БСДРП першапачаткова «мела ў ліку членаў 500 чалавек, арганізаваных рабочых Петраграда (пунілаўцаў, абухоўцаў, фаб. «Треугольник» і інш.). Да Петраградскай арганізацыі большавікоў у хуткім часе далучылася і Гельсінгфорская арганізацыя БСГ, якая складалася з маракоў (каля 200 членаў)»⁹. Левая плынь узмацнілася і ў іншых арганізацыях БСГ — Маскоўскай, Бабруйскай, Віцебскай.

Расстаноўка сіл у партыі паўплывала і на работу III з'езда БСГ, які праходзіў у Мінску 14–25 кастрычніка 1917 г. Прадстаўнікі левай плыні рэзка крытыкавалі згодніцкую палітыку ЦК БСГ ў адносінах да нацыяналістычных партый і Часовага ўрада, патрабавалі перагледзець тактыку Грамады. Узніклі разнагалоссі па аграрнаму, нацыянальнаму, рабочаму пунктам праграмы, а таксама па пытанню аб нацыянальных вайсковых фарміраваннях. Лідэры правага крыла па-ранейшаму падтрымлівалі палітыку правядзення вайны, а вырашэнне аграрнага і іншых сацыяльных пытанняў яны адкладвалі да склікання Усерасійскага Устаноўчага сходу.

Палярнасць пазіцый прывяла да таго, што 18 кастрычніка з'езд перапыніў сваю работу і аднавіў яе толькі 25 кастрычніка. Гэта было яго апошняе пасяджэнне. Дэлегатам не ўдалося дасягнуць адзінства поглядаў па многіх пытаннях. «З'езд, — як адзначаў потым яго ўдзельнік А. Л. Бурбіс, — хаця і спрабаваў перагледзець праграму і тактыку, аднак жа ён выявіў выразна распад партыі»¹⁰. З'езд выбраў новы ЦК, у склад якога ўвайшлі 12 чалавек: А. Прушынскі, В. Адамовіч, П. Бадунова, С. Рак-Міхайлоўскі, А. Смоліч, Г. Мамонька, Я. Дыла, З. Жылуновіч, Я. Варонка, Б. Тарашкевіч, М. Шыла, М. Муха¹¹.

Лозунг свабоднага самавызначэння народаў аж да дзяржаўнага аддзялення, які быў абвешчаны пасля Кастрычніцкай рэвалюцыі ў Расіі, паставіў усе беларускія арганізацыі перад пытаннем афармлення нацыянальнага і дзяржаўнага самавызначэння Беларусі. БСГ на працягу ўсяго часу, пачынаючы з лютага 1917 г., прымала актыўны ўдзел у рабоце беларускіх нацыянальных органаў (Беларускім Нацыянальным Камітэце, Цэнтральнай Радзе Беларускіх арганізацый і партый і інш.), а таксама ў падрыхтоўцы і правядзенні I Усебеларускага з'езда, які адкрыўся ў Мінску ў снежні 1917 г. На з'ездзе прысутнічалі 1872 дэлегаты, з якіх 1167 з правам рашаючага голасу. З'езд аднагалосна прыняў рэзалюцыю аб устанавленні «рэспубліканскага дэмакратычнага латэ ў межах Беларускай зямлі з мэтаю аховы яе ад падзелу і адарвання ад Расійскай Федэратыўнай Рэспублікі» у форме «Усебеларускага Савета Сялянскіх, Салдатскіх і Рабочых Дэпутатаў»¹². Але ў ноч на 18 снежня ён быў разарваны салдатамі па загаду начальніка мінскага гарнізона. Прэзідыум і некаторыя дэлегаты з'езда былі арыштаваны.

У рэзалюцыі БСДРП адзначалася, што разгон I Усебеларускага з'езда з'яўляецца ў лепшым выпадку непаразуменнем. Партыя патрабавала, каб для расследавання абставін разгону і яго віноўнікаў была створана камісія з прадстаўнікоў БСДРП, ЦК РСДРП (б) і Наркамнаца. Заява аб гэтым была паддзена ў ЦК РСДРП (б)¹³.

Ва ўмовах нямецкай акупацыі (люты — снежань 1918 г.) нацыянальныя дэмакраты, якія разлічвалі стварыць незалежную Беларускаю дзяржаву, аказаліся палітычнымі банкрутамі. У гэтых абставінах узмацніўся працэс распаду дробнабуржуазных партый. Перш за ўсё ён ахапіў БСГ.

У лютым 1918 г. грамадаўцы, прыхільнікі неадкладнага стварэння беларускай дзяржавы, выступілі з ініцыятывай фарміравання ўрада ў выглядзе Народнага сакратарыята Беларусі, а затым прынялі ўдзел у абвешчэнні Беларускай Народнай Рэспублікі. Тым часам Петраградская і Маскоўская арганізацыі БСГ, адмежаваныя ад лініі ЦК, патрабавалі ўтварэння беларускай дзяржаўнасці на савецкай аснове і аб'явілі Народны сакратарыят самазванай установай¹⁴. У выніку абстрактнай супярэчнасцей па пытаннях аб адносінах ад германскіх акупантаў, аб беларускай дзяржаўнасці і аб зямлі БСГ да лета 1918 г. распалася на Беларускаю сацыял-дэмакратычную партыю (А. Смоліч, Я. Лёсік, А. Прушынскі, І. і А. Луцкевічы), Беларускаю партыю сацыялістаў-рэвалюцыянераў (Ф. Грыб, П. Бадунова, І. Мамонька, М. Шыла і інш.) і Беларускаю партыю сацыялістаў-федэралістаў (Я. Варонка, П. Крычэўскі, К. Езавітаў і інш.). Выхадцы з левага крыла БСГ удзельнічалі ў рабоце Беларускага нацыянальнага камісарыята, некаторыя з іх уступілі ў беларускія секцыі РКП (б). У студзені 1919 г. З. Жылуновіч, А. Чарвякоў, Я. Дыла, Д. Чарнушэвіч і Ф. Шантыр увайшлі ў склад першага ўрада БССР. На пачатку 1919 г. ў Вільня непрацяглы час дзейнічала Левае фракцыя Беларускай сацыялістычнай грамады.

У разлажэнні БСГ выявілася агульная рыса, характэрная для ўсіх дробнабуржуазных партый: адсутнасць адзінства ў поглядах і дзеяннях паміж кіраўнікамі і радавымі членамі, наяўнасць шматлікіх плыняў і груповак, якія сапернічаюць паміж сабой. Усё гэта было адлюстраваннем неакрэсленага сацыяльнага складу партыі.

У той жа час трэба зазначыць, што БСГ заўсёды выступала за адраджэнне беларускай нацыі, развіццё яе мовы і культуры, за нацыянальную беларускую дэмакратычную дзяржаву, якая забяспечвала б роўныя правы ўсім яе грамадзянам, у тым ліку і нацыянальным меншасцям.

1. Революция и национальный вопрос: Документы и материалы по истории нац. вопроса в России и СССР. Февр. — окт. 1917 г. М., 1930. Т. 3. С. 26.

2. Жылуновіч Д. Люты — Кастрычнік у беларускім нацыянальным руху. Беларусь. Мн., 1924. С. 184.

3 Там жа. С. 185.

4 Вольная Беларусь. 1917. 24 чэрв.

⁵ Там жа. 20 чэрв.

⁶ Чаго хоча Беларуска сацыялістычная грамада: Праект праграмы. Мн., 1917. С. 3.

⁷ Там жа. С. 6.

⁸ Дзянніца. 1918. 1 сак.

⁹ Турук Ф. Беларускае движение. М., 1921. С. 42.

¹⁰ Вестн. Нар. Камісарыята асветы ССРБ. 1921. № 2. С. 7.

¹¹ Гл.: Луцкевіч А. За дваццаць пяць гадоў. Вільна, 1928. С. 41 і наст.

¹² Турук Ф. Беларускае движение. С. 105 і наст.

¹³ Гл.: Канчэр Е. Из истории общенационального и революционного движения белорусов. М., 1918. Т. 2. С. 146.

¹⁴ Дзянніца. 1918. 19 сак.

І. А. ЛІТВІНОЎСКИ У ВЫТОКАЎ ЭЛЕКТРЫФІКАЦЫ НАРОДНАЙ ГАСПАДАРКІ БЕЛАРУСІ

Прамысловасць і сельская гаспадарка Беларусі на пачатку 20-х гг., разбураныя войнамі і акупацыямі, маглі адрадіцца і паспяхова развівацца толькі пры дапамозе сучаснай тэхнікі, заснаванай на выкарыстанні электрычнай энергіі. Пашырэнне вытворчасці электрычнай энергіі ўжо ў гады аднаўлення перыяду дазволіла разгарнуць работы па электрыфікацыі прамысловых прадпрыемстваў. Створаная ў лютым 1922 г. Віцебская электратэхнічная кантора толькі на працягу гэтага года здзейсніла ўстаноўку электраабсталявання на абутковай, швейнай, валасапрадзільнай фабрыках, скурзаводзе № 11.

Арыентацыя часткі магутнасцей Ленінградскага электрабудаўнічага трэста (Элмаштрэст) з моцнай вытворчай базай на Беларусі дазволіла ўзняць электрыфікацыю фабрык і заводаў рэспублікі на новую ступень. Толькі ў адным Гомелі ім былі электрыфікаваны заводы «Пролетарый», «Двигатель революции», шчэцінная фабрыка, паліграфічнае прадпрыемства «Полеспечать», бойня і іншыя прадпрыемствы². 27 чэрвеня 1924 г. Элмаштрэст заключыў дагавор на ўстаноўку электраабсталявання на Рагачоўскім дрэвапрацоўчым заводзе. У той жа час трэстам устанаўліваліся электрарухавікі на Шклоўскай папяровай фабрыцы, удакладняліся магчымасці электрыфікацыі віцебскай ленапрадзільнай фабрыцы «Дзвіна», барысаўскіх прадпрыемстваў і г. д.³ Усяго на канцы 1924 г. у гомельскае аддзяленне Элмаштрэста паступілі заказы на электрыфікацыю з Гомельскай губерні на 398.480,3 руб., з Мінскай акругі на 171.154,9, з Віцебскай акругі — на 22.006 руб.⁴

Намаганні, накіраваныя на паскарэнне электрыфікацыі прамысловасці, прывялі да таго, што ўжо да 1926 г. колькасць электрычных рухавікоў на фабрыках і заводах Беларусі ўзрасла амаль што ў тры разы ў параўнанні з 1913 г. (з 190 да 562 адзінак), а іх магутнасць — нават больш чым у тры разы (з 1940 да 5850 конскіх сіл). Прамысловасць стала галоўным спажыўцом усёй выпрацаванай у рэспубліцы электраэнергіі, выкарыстоўваючы звыш 60 % яе гадавой вытворчасці⁵.

Электрыфікацыя прамысловых прадпрыемстваў з'явілася часткай іх тэхнічнай перабудовы. На нарадзе працаўнікоў гаспадарчых і прафесійных аб'яднанняў (сакавік 1926 г.) была пастаўлена задача засяродзіць увагу на ўзیاцы прадукцыйнасці працы шляхам удасканалення тэхнічнага абсталявання прадпрыемстваў, механізацыі і рацыяналізацыі вытворчасці.

У выніку хуткага ўкаранення на фабрыках і заводах значнай колькасці новага электраабсталявання, росту выкарыстання электрычнай энергіі павялічыўся каэфіцыент электрыфікацыі прамысловых прадпрыемстваў. Калі ў 1913 г. каэфіцыент электрыфікацыі беларускай прамысловасці не перавышаў 8 %, то ў 1925—1926 гг. ён дасягнуў 21,4 %⁶.

Асновай для шырокай электрыфікацыі прамысловасці стала ўзрастаючая вытворчасць электраэнергіі на рэканструяваных і новых электрастанцыях. Калі, напрыклад, да 1925—1926 гг. Гомельская ЦЭС прапавала амаль што выключна на асвятленне горада, то з сярэдзіны 1926 г. у сувязі з намечаным уводам на станцыі дадатковых энергетычных магутнасцей прамысловыя прадпрыемствы пачалі падрыхтоўку да пераходу на гарадскі электраток. Першымі ў 1926 г. былі падключаны да сетак электрастанцыі заводы «Пролетарый», «Двигатель революции», запалкавая фабрыка «Везувий», рыхтавалася падключэнне «Полеспечати», гарбарнага завода «Пролетарский путь» і іншых прадпрыемстваў. На працягу 1926—1928 гг. на электраток Гомельскай ЦЭС пераведзены буйнейшыя заводы горада, а да 1929 г. уся гомельская прамысловасць ужо атрымлівала электраэнергію ад цэнтральнай гарадской электрастанцыі⁷.

Такія ж з'явы назіраліся і ў іншых індустрыяльных гарадах БССР. Напрыклад, з пускам у 1925 г. першага турбагенератара на Мінскай электрастанцыі на шэрагу прадпрыемстваў горада, такіх як «Красная заря», «Пролетарый», «Белорусь»,

«Варшавянка» і іншых, разгарнуліся работы па іх электрыфікацыі. Электрычную энергію, атрыманую ад новых агрэгатаў станцыі, было намечана выкарыстоўваць выключна на патрэбы прамысловасці⁸.

Індустрыялізацыя народнай гаспадаркі павялічыла размах электрыфікацыі фабрык і заводаў. Найбольш складанымі і адказнымі работамі праводзіліся спецыялізаванай арганізацыяй — Беларускай аддзяленнем дзяржаўнага электратэхнічнага трэста (ДЭТ). ДЭТ здзяйсняў даследаванне прадпрыемстваў, рабіў практы, устаўляў электратэхнічнае абсталяванне.

Укараненне новых электрыфікаваных машын і механізмаў значна пашырыла вытворчыя магчымасці прадпрыемстваў, узяло прадукцыйнасць працы, знізіла сабекошт прадукцыі, дала вялікую эканомію паліва і зніжала расход сыравіны. Так, электрыфікацыя гомельскага завода «Пролетарый» абыйшла ў 11 тыс. руб., але атрыманая ў выніку штогадовая эканомія сродкаў складала дзсяткі тыс. руб. ДЭТам быў распрацаваны план электрыфікацыі буйнейшага ў краіне крухмальнага завода, што будаваўся ў мястэчку Талачын Аршанскай акругі. Дзякуючы выкарыстанню новага абсталявання сабекошт крухмалу на заводзе знізіўся ў параўнанні з іншымі прадпрыемствамі на 28 %, прадукцыйнасць працы ўзрасла на 125 %⁹.

Выкарыстанне электрыфікаваных механізмаў змяніла і знешні выгляд заводаў і фабрык. Рэканструкцыя прыводзіла да ўзнікнення на месцы старога завода з архаічнай тэхнікай, па сутнасці, новага прадпрыемства. Электрыфікацыя значна палепшыла ўмовы працы.

Хуткі рост электраэнергетычнай гаспадаркі даў магчымасць узяць электраўзброенасць прамысловых прадпрыемстваў. У 1926–1927 г. сярэдняя магутнасць адной электраўстаноўкі ў цэнзавай прамысловасці БССР узрасла ў параўнанні з даваеннай на 180 %, а аднаго электраураховіка — на 105 %. На прадпрыемствах ВСНГБ гэты рост быў яшчэ больш значным. Там сярэдняя магутнасць электраўстановак павялічылася ў параўнанні з 1913 г. больш чым у тры разы, а матораў на 192 %.

Выкарыстанне электрычнай энергіі ўзрасло ва ўсіх індустрыяльных цэнтрах рэспублікі. Калі ў 1925/26 гаспадарчым годзе на прадпрыемствах Мінска выкарыстоўвалася каля 100 тыс. кілават-гадзін электраэнергіі, то ў 1926/27 г. — 800, гэта значыць у 8 разоў больш¹⁰. На пачатку 1926/27 гаспадарчага года штомесечнае спажыванне электрычнасці гомельскай прамысловасцю складала 26,7 % вытворчасці гарадской электрастанцыі, а ў 1927/28 г. яно ўзрасло ўжо да 33,9 %¹¹.

Вялікая работа па падрыхтоўцы да прыёму таннай энергіі раённай электрастанцыі разгарнулася ва ўсходняй індустрыяльнай частцы БССР. Для каардынацыі гэтых работ на прадпрыемствах трох акруг (Віцебскай, Магілёўскай, Аршанскай) трэба было стварыць адзіную арганізацыю. Ёй належала наладзіць перабудову энергагаспадаркі мноства будучых спажыўцоў энергіі раённай электрастанцыі, якая раней была арыентавана на асобныя маламагутныя электраўстаноўкі. З гэтай мэтай Савет Народных Камісараў БССР стварыў асобную арганізацыю, якая атрымала назву Камісіі па падрыхтоўцы спажыўцоў току Асінстрой¹². У склад камісіі ўваходзілі тры прадстаўнікі ВСНГ БССР, па аднаму прадстаўніку ад будаўніцтва, Беларускага аддзялення Дзяржаўнага электратэхнічнага трэста, буйных спажыўцоў і трох акрыванкамаў (Віцебскага, Аршанскага і Магілёўскага). Старшынёй камісіі быў прызначаны член прэзідыума ВСНГБ, намеснік галоўнага інжынера Асінаўскай ДРЭС Сяргей Іванавіч Шэршнёў¹³.

Становішча электрагаспадаркі будучых спажыўцоў вывучала рабочая частка камісіі. Ёй давялося пераадолець шмат перашкод. Некаторыя недальнабачныя кіраўнікі фабрык і заводаў моцна трымаліся за свае маларэнтабельныя сілавыя ўстаноўкі. Але ўжо ў выпіку першых чатырох месяцаў працы камісія дабілася пэўных поспехаў. Па папярэдніх падліках агульная магутнасць электраабсталявання прадпрыемстваў, арыентаваных на атрыманне току ад першай чаргі раённай электрастанцыі, складала 9300, а ад другой чаргі — 17600 кВт¹⁴. У далейшым гэтыя лічбы былі значна ўдакладнены.

Камісія вызначыла юрыдычных асоб, адказных за дастаўку і размеркаванне электраэнергіі па фабрыках, заводах, за асвятленне гарадоў і задавальненне патрэб насельніцтва. У Віцебску такой асобай стаў трэст камунальных прадпрыемстваў, у Оршы — гарсавет. Распаўсюдка праектаў электрыфікацыі прамысловых прадпрыемстваў і іх выкананне было даручана аддзелу Дзяржаўнага электратэхнічнага трэста. Для пераабсталявання гарадскіх электрасетак і ўстаноўкі электраабсталявання на фабрыках і заводах, якія павінны былі атрымліваць ток першай чаргі ДРЭС, патрабавалася звыш 3 млн. руб. З іх у 1928/29 г. намячалася скарыстаць 1.465.500, а ў 1929/30 г. — 1.694.000 руб.¹⁵

Камісія па падрыхтоўцы спажыўцоў увесь час трымала ў полі зроку ўвесь ход падрыхтоўкі прамысловасці да прыёму току БелДРЭС. Яна дабівалася максімальнага скарачэння тэрмінаў падрыхтоўкі на кожным прадпрыемстве, паскарэння разгляду і зацвярджэння праектаў у ВСНГ рэспублікі, своєчасовага забеспячэння фабрык і заводаў электраабсталяваннем, працоўнай сілай для яго мантажу і г. д.

У выніку ўжо на пачатку студзеня 1929 г. для 16 прадпрыемстваў Віцебска, Оршы і Барані было заказана на ленінградскім заводзе «Электросила» і Харкаўскім электрамеханічным заводзе 226 электрарухавікоў¹⁶.

Працягвалася штодзённае ўдакладненне патрэб заводаў і фабрык у электраэнергіі. На 1 ліпеня 1929 г. камісія вывучыла 48 спажывічоў току першай чаргі ДРЭС. К гэтаму часу 42 з іх ужо зрабілі заказы неабходнага электраабсталявання. Да прыёму энергіі другой чаргі БелДРЭС рыхталіся яшчэ 63 прадпрыемствы¹⁷. Усяго ток Асінаўскай ДРЭС павінны былі атрымаваць каля 20 буйных фабрык і заводаў Віцебшчыны, Магілёўшчыны і Аршаншчыны. Асабліва ўзмоцненымі тэмпамі вялася ўстаноўка электрычных матараў і новых станкоў на важнейшых прадпрыемствах. На працягу першых месяцаў 1930 г. ДЭТ скончыў мантаж электраабсталявання на шэрагу віцебскіх заводаў, такіх як гарбарны, хлебазавод, алеезавод і г. д. Поўным ходам ішла электрыфікацыя аршанскага птушкайкавага камбіната, тэкстыльнай фабрыкі «Днепровская мануфактура» у Дуброўна і іншых.

У раёне Асінаўскай ДРЭС павінны былі выраслі новыя буйныя спажывы электраэнергіі: элеватар, беконны завод, ільнопрадзільны камбінат у Оршы, цвіковы завод у Барані і г. д.¹⁸

Атрыманне таннай электраэнергіі давала прамысловасці вялікія магчымасці для мадэрнізацыі і прадукцыйнага выкарыстання машын і механізмаў. Даволі сказаць, што калі ў 1927/28 г. сабекошт адной кілават-гадзіны электрычнай энергіі на гарадскіх электрастанцыях рэспублікі ў сярэднім складваў 18 кап., а ў канцы пяцігодкі планавалася дасягнуць яго да 8 кап., то практычна сабекошт адной кілават-гадзіны на Беларускай ДРЭС складваў 4 кап., а ў далейшым планавалася знізіць яго да 2–3 кап.¹⁹ Таннасць энергіі Асінаўскай ДРЭС садзейнічала ўзняццю рэнтабельнасці прадпрыемстваў буйнейшага прамысловага раёна Беларусі.

¹ ДА Віцебскай вобл. Ф. 15, воп. 1, спр. 5, арк. 11 – 12.

² ДА Гомельскай вобл. Ф. 24, воп. 1, спр. 84, т. 1, арк. 255.

³ БДА. Ф. 143, воп. 1, спр. 44, арк. 142; спр. 29, арк. 6; спр. 14, арк. 40, 83.

⁴ ДА Гомельскай вобл. Ф. 24, воп. 1, спр. 14, т. 1, арк. 256.

⁵ Гл.: В о л о ш и н И. Ф. Развитие энергетики в Белоруссии. Мн., 1960. С. 54; Ад з'езду да з'езду. Мн., 1929. С. 169.

⁶ Гл.: Энергетика Белоруссии. Мн., 1968. С. 95; Белорусская ССР в цифрах: К десятилетию существования БССР (1919 — 1929). М., 1929. С. 260 — 261.

⁷ Гл.: НАРБ. Ф. 3, воп. 1 спр. 148, арк. 40; ДА Гомельскай вобл. Ф. 296, воп. 1, спр. 299, арк. 5; Ф. 24, воп. 1, спр. 116, арк. 42.

⁸ НАРБ. Ф. 12, воп. 1, спр. 203, арк. 154.

⁹ Гл.: Звезда. 1928. 15 сакавіка; Савецкая Беларусь. 1928. 24 студзеня, 4 лютага.

¹⁰ Н е т ы л ь к и н А. В борьбе за индустриализацию. Мн., 1970. С. 72, 110 — 111.

¹¹ Разлічана па дадзеным ДА Гомельскай вобл.: Ф. 1288, воп. 1, спр. 17, арк. 84; Ф. 296, воп. 1, спр. 299, арк. 5 — 6.

¹² БДА. Ф. 31, воп. 1, спр. 56, арк. 1.

¹³ НАРБ. Ф. 22, воп. 1, спр. 613, арк. 15.

¹⁴ Савецкая Беларусь. 1928. 3 жніўня.

¹⁵ НАРБ. Ф. 22, воп. 1, спр. 871, арк. 82.

¹⁶ БДА. Ф. 63, воп. 1, спр. 2093, арк. 292 — 293.

¹⁷ ДА Віцебскай вобл. Ф. 130, воп. 2, спр. 1, арк. 8 — 9; спр. 2, арк. 8 — 9.

¹⁸ Звезда. 1930. 12 сакавіка, 8 кастрычніка.

¹⁹ Стэнаграфічная справаздача XII з'езду КП (б) Б. Мн., 1929. С. 338.

О. И. МАЛЮГИН

ПЕРВЫЕ БРИТАНСКИЕ МУЧЕНИКИ

Время проникновения христианства на территорию Британских островов точно не установлено. Устные предания и легенды относят проникновение новой веры на острова к 60-м годам I столетия, когда правил император Нерон. Однако археологические памятники и данные письменных источников позволяют отнести время проникновения христианства в римскую Британию в лучшем случае к III столетию.

Именно к III столетию относятся упоминания о британском христианстве у Тертуллиана и Оригена, первые подписи британских епископов на документах континентального собора в Арле появляются только в начале IV столетия (314 г.). Также к III столетию относятся сведения о св. Албане, названном «протомучеником Британии»¹.

Наиболее полный рассказ о мученичестве св. Албана из Веруламия встречается у англосаксонского летописца Беда Достопочтенного. По его сведениям, в период гонения Диоклетиана 303 — 304 гг. в Британии пострадали многие христиане, в том числе Албан из Веруламия (ныне Сент-Олбанс), а также Юлий и Аарон из города Легионов (ныне Карлеон) (Hist. eccl. I, VII).

Албан, бывший римский солдат и язычник, во время гонения спрятал в своём доме христианского священника, который сумел обратить его в свою веру. Через несколько дней к его дому приблизились солдаты в поисках сбежавшего священника. Чтобы спасти своего духовного наставника, Албан поменялся с ним одеждою и был схвачен солдатами. Приведенный к судье, Албан назвал себя христианином и отказался совершить жертвоприношение языческим богам. За это он был подвергнут бичеванию и приговорен к смерти. По пути к месту казни Албан совершал чудеса. Так, он заставил расступиться воды реки, которую и перешел посуху. Палач, отказавшийся после этого чуда казнить Албана, был обезглавлен, а тот, который заменил его, сразу после казни ослеп.

Излагая эти сведения, Беда ссылался на сочинение Гильдаса (De exc. Brit., X), хотя последний не упоминает о том, что Албан был солдатом, у него это просто — романизированный бритт, который дал убежище христианину (а не священнику); будучи арестован, он был приговорен к смерти.

Впервые же о св. Албане упомянул еще в конце V в. Констанций, автор «Жизни св. Германа Оксерского» (1,25)². Гильдас использовал легенду о св. Албане в том виде, в каком она сложилась в первой половине VI в.³ Позднейшие хронисты расцветили тексты Гильдаса и Беда такими фантастическими подробностями (см., напр.: Гальфрид Монмутский. История Бриттов, 72), что св. Албан воспринимается не иначе как личность легендарная.

В настоящее время историки дискутируют по двум проблемам, связанным с именем св. Албана: были ли в Британии гонения на христиан в начале IV в. и является ли вообще Албан исторической личностью.

Лишь немногие историки считают, что в 303–304 гг. в Британии исполнялись указы Диоклетиана, направленные против христиан⁴. Большинство же исследователей склоняется к мысли, что в этот период гонений в Британии не было, так как цезарем Галлии, Испании и Британии тогда был Констанций Хлор, который очень либерально относился к христианам (Eusebius, Historia Ecclesiastica. VIII, 13)⁵.

Естественно, что те историки, которые признают факт гонений в Британии при Диоклетиане, не сомневаются, что св. Албан действительно существовал и мученичество его относится именно к периоду гонения Диоклетиана⁶.

Среди ученых, оспаривающих факт гонений при Диоклетиане, преобладают две точки зрения:

— если факт гонений христиан в Британии при Диоклетиане не подтверждается, то и мученичества св. Албана не было, и сам он вряд ли существовал⁷;

— хотя гонений и не было, но из этого автоматически не следует, что и мученичества св. Албана не было. Скорее всего, св. Албан — личность историческая, а его смерть следует отнести к III в.⁸

Однако точно установить год гибели св. Албана ученым не удалось. Разброс дат тут составляет почти столетие (от 209 до 304 г.)⁹, а основными источниками этой датировки являются тексты Гильдаса и Беда, которые исследователи пытаются связать с реальными событиями III в. В ряде энциклопедических статей датой смерти Албана называется 286 или 287 г.¹⁰ Авторы этих статей, исходя из того, что Беда называет Албана солдатом римской армии, относят его к разряду солдатских мучеников, которые пострадали в первые годы правления Диоклетиана. Р. Коллигуд объясняет это тем, что многие современники Беда считали, будто все римляне на острове были солдатами¹¹. Поэтому вряд ли правомочно считать Албана «солдатским мучеником» эпохи Диоклетиана. Кроме того, и Гильдас, и Беда приурочивают гибель св. Албана именно ко всеобщему гонению, а не рассматривают ее как изолированное событие.

Сторонники другой точки зрения, преобладающей в современной науке, относят мученичество Албана к гонению Деция¹². Поводом для появления такой точки зрения является упоминание в источниках о всеобщности гонения, во время которого погиб Албан. А раз это происходило не во время гонения Диоклетиана, то наиболее вероятным из них было гонение Деция. В принципе, серьезных возражений против этой даты не выдвинуто, впрочем, как и убедительных доказательств.

В последние годы, преимущественно среди английских исследователей, получила распространение гипотеза, которая приурочивает мученичество Албана ко времени пребывания Септимия Севера в Британии (между 208 и 211 гг.)¹³. Аргументы здесь таковы: Беда упоминает о том, что Албан принял смерть как вновь обращенный христианин. Но именно это — переход язычников в иудаизм и христианство запретил Септимий Север своим эдиктом в 202 г.¹⁴ Если признать,

что этот эдикт имел общеимперский характер, то его исполнение в Британии не вызывает удивления. Но, например, исследователь Дж. Линдсей относит мученичество св. Албана, как минимум, к 208 г. Неужели этот эдикт действовал в Британии так долго (шесть лет)? Ведь на других территориях сведений о длительных преследованиях не сохранилось. Или же с прибытием императора местные чиновники усердно взялись за исполнение эдикта, официально так и не отмененного?

При более внимательном прочтении источников против данной гипотезы можно выдвинуть следующее возражение. Беда говорит, что Албан пострадал не за то, что принял христианство, а потому, что переоделся в одежду священника и принял за него смерть. Иначе говоря, солдаты, не зная в лицо священника, которого им было приказано схватить, не заметили подмены.

Значит, Албан пострадал за другого человека — священника. Но за что по эдикту Септимия Севера могли разыскивать солдаты христианского священника? За обращение язычника в христианство. Но как раз такого поступка, по словам Беда, этот священник еще не совершил. Кроме того, Гильдас говорит не о священнике, а о бежавшем христианине.

Таким образом, и данная гипотеза вряд ли соответствует истине. Как мы убедились, ни одно из этих предположений не доказано. Поэтому наиболее убедительным представляется отнесение мученичества Албана ко времени гонения Деция, когда преследованию подлежали только отказники от жертвы. В рассказе Беда и говорится о том, что Албан перед лицом императорского судьи отказался совершить жертву и этим обрек себя на смерть. Ничего подобного эдикт Септимия Севера не предписывал. Впрочем, надо еще раз подчеркнуть, что это предположение, как и остальные, не подкрепляется убедительными историческими фактами, и 251 г. может быть принят лишь условно.

Но в целом можно не сомневаться в историчности личности св. Албана, так как сведения о его почитании появляются в письменных источниках Англии с V в.¹⁵ В VI в. его имя было известно уже в южной Галлии. Так, в 580 г. галльский поэт Венанций Фортунат упомянул его в строчке: «*Albanum egregium fecunda Britannia profert*» (Плодovitая Британия превозносит имя Албана)¹⁶.

Позднее описание мученической смерти св. Албана было дополнено различными подробностями, а его смерть приурочена к периоду гонения Диоклетиана как самому жестокому и запомнившемуся христианскому миру. Вот как характеризует это гонение Гальфрид Монмутский в своей хронике: «...были перебиты также достопочтенные священнослужители со всей своей паствой, так что они плотною толпою, обгоняя друг друга, торопились в безмятежное царство небесное, точно в свои собственные жилища» (История бриттов, 72).

Вместе с Албаном первыми британскими мучениками являются упомянутые Гильдасом и Бедой Юлий и Аарон, а также наставник Албана — Амфибал с несколькими спутниками. Имя последнего впервые появляется в «Истории бриттов» Гальфрида Монмутского. Согласно легенде, Амфибал избежал смерти в Веруламий, но через несколько дней фанатики забросали его камнями в Редборне, в четырех милях от нынешнего Сент-Олбанса, где в 1178 г. найдены якобы его останки¹⁷. Реальными фактами, подтверждающими правдивость этой легенды, мы не располагаем.

Не более достоверны и противоречивы сведения о мучениках Юлии и Аароне. По традиции их мученичество также относят к периоду гонения Диоклетиана. С таким же успехом их гибель можно отнести к середине III в., к периоду гонения Деция¹⁸. В советской исторической науке высказывалось мнение, что эти мученики в действительности никогда не существовали, так как Аарона нет среди святых католической церкви, а Юлий известен как римский солдат, принявший мученичество в северной Фракии в 302 г.¹⁹ Однако в католических мартирологах 3 июля отмечается как день святых Аарона и Юлия, британских мучеников.

Итак, можно утверждать, что первые христианские мученики появились в Британии в середине III в. Несмотря на утверждения христианских авторов о многочисленности жертв императорских гонений, с достаточной определенностью можно говорить лишь о трех пострадавших христианах: Албане, Юлие и Аароне. Нет ничего удивительного в том, что такое великое событие для британского христианства, как появление первых мучеников, было приурочено к наиболее памяtnому гонению Диоклетиана, хотя фактически такой связи не выявлено. Кроме того, после воцарения Константина (306 г.) начинается ускоренное распространение христианства в Британии, когда св. Албан и другие мученики стали символами стойкости древнебританской церкви, не дрогнувшей во времена тяжелых испытаний.

¹ См.: The Dictionary of National Biography. Supplement. London, 1938. V. 22. P. 27; The Oxford Dictionary of the Christian Church. New York, 1993. P. 28.

- ² См.: MGH: *Scriptores Rerum Merovingicarum*. 1919. Т. VII. P.225.
- ³ *The Catholic Encyclopedia*. New York, 1907. V.1. P. 253.
- ⁴ См.: Collingwood R. G., Myres J. N. L. *Roman Britain and English Settlements*. Oxford, 1937. P. 270; Дониини А. У истоков христианства. М., 1989. С. 216; Моршкин И. //ЖМНП, 1872. Т. 163. С. 272.
- ⁵ См.: Корсунский А. Р., Гюнтер Р. Упадок и гибель Западной Римской империи и возникновение германских королевств. М., 1985. С. 99; McNeill J. T. *The Celtic Churches*. Chicago; London, 1974. P. 19; Moorman J. R. H. *A History of Christian Church in England*. London, 1973. P.4.
- ⁶ См.: Болотов В. В. *Лекции по истории древней церкви*. Спб., 1910. С. 296; Collingwood R. G., Myres J. N. L. *Roman Britain and English Settlements*. P. 270; Моршкин И. //Указ. издание. С. 272.
- ⁷ McNeill J. T. *The Celtic Churches*. P. 19.
- ⁸ *The Dictionary of National Biography*. V. 22. P. 27.; Корсунский А. Р., Гюнтер Р. Упадок и гибель Западной Римской империи. С. 99.
- ⁹ *Encyclopedia of Early Christianity* / Ed. by E. Ferguson. New York; London, 1990. P. 19.
- ¹⁰ См.: *Encyclopedia International*. New York, 1963. V. 1. P. 240; *Encyklopedia katolicka*. Т. 1. Col. 293.; *Православная богословская энциклопедия*. Т. IX. Стл. 399.; *Podreczna encyklopedia Koscielna*. Krakow, 1904. Т. I — II. S. 104.
- ¹¹ Collingwood R. G., Myres J. N. L. *Roman Britain and English Settlements*. P. 271.
- ¹² См.: Бобер А. *Anglia, Szkocia, Irlandia: Teksty zrodlowe do historii kosciola i patrystyki*. Lublin, 1991. S. 10; Carrington Ph. *The Early Christian Church*. Cambridge, 1957. P. 478; *The New Encyclopedia Britannica*. V. 1. P. 206.
- ¹³ См.: Lindsay J. *The Romans were Here*. S. d. P.324.; *The Oxford Dictionary of the Christian Church*. P. 28.; *The Penguin Dictionary of Saints*. Harmondsworth, 1983. P. 34.
- ¹⁴ См.: Федосик В. А. *Церковь и государство*. Мн., 1988. С. 46.
- ¹⁵ *The Catholic Encyclopedia*. V. 1. P. 253.
- ¹⁶ Venantius Fortunatus. *De Virginitate*. L. VIII, C. 6 // PL. T. 88. Col. 267.
- ¹⁷ *The Dictionary of National Biography*. V. 22. P. 28.
- ¹⁸ *The Penguin Dictionary of Saints*. P. 27.
- ¹⁹ См.: Бобович А. С., Бобович М. А. // Гальфрид Монмутский. *История Бриттов*. М., 1984. С. 202.

М. Г. НИКИТИН

К ВОПРОСУ О ДОБРОВОЛЬНОСТИ ПРИСОЕДИНЕНИЯ БЕЛОРУССКОЙ ШЛЯХТЫ К ТАРГОВИЦКОЙ КОНФЕДЕРАЦИИ (1792 г.)

В последние годы белорусские историки, по новому осмысливая прошлое своей Родины, все чаще обращаются к тем трагическим последним годам XVIII столетия, когда с политической карты Европы исчезла Речь Посполитая, а вместе с ней и Великое княжество Литовское — несостоявшаяся в итоге попытка создания белорусского национального государства. Интерес этот понятен, естественным представляется стремление раскрыть и правильно объяснить злоеущий механизм распада и гибели государства, чтобы современники и потомки не допустили его повторения на новом этапе исторического развития. Однако, и это вполне объяснимо исторически, в публикациях по данной тематике пока преобладают небольшие, преимущественно историко-публицистического плана, материалы, напечатанные в различных газетах и журналах, причем не всегда научных. В качестве редкого исключения можно назвать вышедшую в 1994 г. в издательстве «Беларусь» брошюру Вл. Емельяничка «Паланез для касінераў», где проблемы последних лет существования Речи Посполитой рассматриваются в свете восстания польского, литовского и белорусского народов под предводительством Т. Костюшко, рассматриваются на солидной научной базе, с использованием многочисленных материалов белорусских и зарубежных архивов.

Капитальные же научные труды белорусских историков о последних годах Речи Посполитой и Великого княжества Литовского пока еще только пишутся. Когда они выйдут в свет, в них, несомненно, найдет отражение и чрезвычайно важный для национального исторического самосознания вопрос о степени виновности белорусской шляхты, как единственного в те времена политически активного слоя общества, в гибели своего государства. Сама по себе эта историческая вина несомненна. Шляхта белорусских земель, в массе своей, дала себя вовлечь в Генеральную Литовскую конфедерацию — отрасль Тарговицкой конфедерации, облегчившую российскому царизму захват и аннексию центральной Беларуси, лишение Речи Посполитой остатков самостоятельности. Однако имеет принципиальное значение вопрос о том, было ли это соучастие в гибели Родины добровольным, вызванным местническими амбициями патриотов Великого княжества

Литовского, лишённого по Конституции 3 мая 1791 г. автономии, или стало следствием угроз и грубого насилия. Важно также знать, имело ли место на белорусских землях активное и сколько-нибудь широкое сопротивление тарговичанам в осуществлении их планов.

Существующая на данный момент историческая литература либо не даёт внятного ответа на этот вопрос, либо замалчивает его вовсе, либо даже утверждает, что белорусская шляхта, проникнувшись идеями автономизма, охотно позволила обмануть себя конфедератам. Подобным образом объясняли суть происшедшего в своих работах С. М. Соловьёв (История падения Польши. М., 1863, С. 266–276), Г. А. Павский (Краткая история Западно-Русского края. Мн., 1910. С. 40) и другие историки царской России. Счастливым исключением не только из их трудов, но и из всего написанного до сего дня по данной тематике, представлял по-настоящему объективная и бесстрастная работа В. В. Тимощука «Тарговицкая конфедерация» (Русская старина. 1905. Т. 121. Янв. С. 211–240, февр. С. 335–361). Автор использовал материалы архивов МИД и военного ведомства. Документы и материалы российской стороны, связанные с событиями 1792 г., ныне сосредоточены главным образом в Российском государственном архиве древних актов и Российском государственном военно-историческом архиве. Важный исторический документ — подробные «Дневные записки о движении и действиях войск русских в Великом княжестве Литовском и Польше в 1792 г., находившихся под начальством генерал-аншефа Михаила Никитича Кречетникова», составленные П. М. Грохольским, — был опубликован в 1863 г. в Москве, в 4-й книге «Чтений в Императорском обществе истории и древностей Российских» (С. 21–104).

Опираясь на документы названных архивов и на материалы указанных публикаций, мы и попытаемся прояснить вопрос, вынесенный в заголовок статьи.

Прежде всего, необходимо сразу и определенно сказать о том, чем на деле являлась так называемая Генеральная Литовская Конфедерация и что представлял собой ее фактический вождь Шимон Корвин Коссаковский. Генеральная Литовская Конфедерация была задумана в Санкт-Петербурге и организована на средства Российской казны. Ш. К. Коссаковский, некогда деятельный участник Барской конфедерации, теперь был генерал-поручиком российской армии. Он прибыл из Петербурга в Полоцк в апреле 1792 г., имея от Екатерины II, по словам генерал-аншефа М. Н. Кречетникова, возглавлявшего подготовленную к вторжению в ВКЛ армию, «особенную всевысочайшую доверенность по части политической»¹. Он имел также письмо фактического руководителя Коллегии иностранных дел графа А. А. Бибуродко, адресованное Великому канцлеру Литовскому Александру Михалу Сапеге, с призывом возглавить будущую Генеральную Литовскую Конфедерацию. (А. М. Сапега это позорное предложение принял)². Коссаковский периодически получал крупные средства на подкуп сановников и шляхты от М. Н. Кречетникова, которому Казна выделила на эти цели 200 000 рублей серебром. В ходе начавшегося 11–12 мая 1792 г. вторжения российских войск в ВКЛ М. Н. Кречетников и его генералы, как об этом свидетельствуют документы, в приказном порядке и планомерно, при участии «надежных поляков», повсеместно насаждали органы «вольной Литовской конфедерации». Одним из этих генералов, скорее даже чем «надежным поляком», числил себя и сам фактический вождь «вольной конфедерации» Ш. К. Коссаковский. Свои регулярные рапорты Кречетникову он чаще всего так и подписывал: «Генерал-поручик Семион Коссаковский»³. В одном из рапортов (от 29.06.1792 г.) сей патриот ВКЛ и «ревнитель древней шляхетской вольности» откровенно называл свою деятельность по формированию Генеральной конфедерации в Литве «высочайшей ея Императорского Величества службой»⁴.

Накануне вступления российских войск в ВКЛ Ш. К. Коссаковский обещал главнокомандующему М. Н. Кречетникову и и. о. президента Военной коллегии генерал-аншефу Н. И. Салтыкову, даже самой императрице, что шляхта активно поддержит мероприятия литовских тарговичан. Однако первые же переходы российских войск в земле ВКЛ заставили генерал-аншефа М. Н. Кречетникова разочароваться и по литовской шляхте, и в самом Коссаковском, о котором он писал Салтыкову: «Знал самохвалом и партизаном, тем же и теперь вижу... Он Вам больше обещал, нежели может сделать»⁵. Личные впечатления Кречетникова были мрачными. 5 июня 1792 г. он доносил Н. И. Салтыкову: «При всевозможном сохранении строгости воинской и спокойствия жителям не видал я еще и тени того к нам доброжелательства и податливости, которые прежде мне обещали: и признательно доложу, что опасение только заставляет их повиноваться»⁶. Почему вельможа пришел к такому заключению? На это у него были свои причины.

17 мая 1792 г. генерал-аншеф М. Н. Кречетников во главе Первого корпуса своей армии (корпус Ш. К. Коссаковского) прибыл в город Ушачи, где размещались административные учреждения Полоцкого воеводства и созывались сейми-

ки. Здесь Кречетников рассчитывал утвердить в воеводской канцелярии заранее составленный и многими шляхтичами подписанный Акт Полоцкой воеводской конфедерации. Для торжественной процедуры утверждения Акта требовались стечение местной шляхты и сотни новых подписей. Но Ушачи были пусты; под влиянием варшавских патриотических воззваний шляхта разъехалась по своим имениям. Кречетников вынужден был отдать Коссаковскому и кавалеру Корсаку приказание «созвать» хоть кого-нибудь из ближайших поместий. С трудом собрали 110 человек в Доминиканском костеле и с их участием кое-как утвердили Акт. От них была принята присяга на верность Литовской конфедерации. В своем лагере Кречетников оказал только что присягнувшим воинские почести, однако выступая перед ними, не сдержал раздражения. Покорным, т. е. вступающим в конфедерацию, он обещал царскую милость, но при этом объяснил, что к тем, кто станет упорствовать и избегать конфедерации, будут применены меры, как к «врагам Отечества»⁷.

Аналогичные ситуации повторялись и позже. Шляхта не только не спешила приветствовать россиян и вступать в ряды конфедератов, но и, напротив, узнав о приближении «освободителей», бежала как черт от ладана в дальние имения, либо вступала добровольцами в Литовскую армию, воевавшую против России. Российские войска и конфедераты не застали шляхты в Минске, Новогрудке, Браславе⁸... Брестские шляхтичи оказали вооруженное сопротивление захватчикам, обороняя воеводский город⁹.

Примером почти полного отсутствия поддержки литовских конфедератов со стороны местной шляхты может служить город Браслав — повестовый город Виленского воеводства. Как и в Ушачах, для этого повета уже был заготовлен подписанный девятью десятками шляхтичей Акт местной антиконституционной конфедерации¹⁰, который предстояло утвердить в костеле и зарегистрировать в повестовой канцелярии. Не исключено, что многие подписи были поддельными, о чем можно судить по последующим событиям.

14 (25) мая 1792 г. в Браслав прибыл командир Динабургского корпуса российской армии генерал-поручик князь Долгорукий с командой. Он имел с собой «плакат» (объявление) Кречетникова и приказ проконтролировать церемонию утверждения Акта Браславской повестовой конфедерации, направленного против Конституции 3 мая. Но оказалось, что ничего не готово и дело следует начинать с нуля. Браслав был пуст. Долгорукий нашел здесь только Троцкого кастеляна графа Августа Платера, заранее согласившегося быть главой повестовой конфедерации, да графа Мануция с сыном. Не оказалось на месте и тех шляхтичей, которые якобы подписались под актом.

Раздосадованный Долгорукий написал Кречетникову: «В Браславе весьма мало нашел я людей, расположенных к нашему намерению. Граф Платер, хотя и берется быть маршалком, но видно, что он мало смыслит и в здешних делах мало бывал»¹¹. Отец и сын Мануции говорили князю о местных шляхтичах, что «хотя некоторые и подпишут, но как скоро войска выйдут, то они скажут, что принуждены были оную подписку сделать»¹². Долгорукий, как мог, успокоил Мануциев и отправил их уговаривать по-хорошему близко живущих шляхтичей. Сам он от себя тоже разослал шляхтичам письма¹³, но этим не ограничился. Как писал В.В. Тимошук (к сожалению, без ссылки на источник), Долгорукий, используя своих солдат и казаков, силой согнал в Браслав более сотни шляхтичей. Остальные бежали в направлении Вильно. Местная канцелярия отказалась регистрировать сфабрикованный Акт Браславской повестовой конфедерации, но ее членов все же принудили сделать это угрозами и побоями¹⁴. В конце концов, 17 мая 1792 г. 125 браславских шляхтичей утвердили своими подписями Акт местной конфедерации и присягнули ей на верность¹⁵.

Подписываться под актами и протоколами повестовых и воеводских конфедераций шляхтичей вынуждала безнадзорность положения. Кречетников и Коссаковский объявили непокорных «врагами Отечества», что влекло за собой конфискацию имений, разорение, арест. В своем универсале от 15 (26) июня 1792 г. самозванный Великий Литовский гетман Ш. К. Коссаковский, обращаясь к населению Виленского воеводства, откровенно угрожал: «Сенаторам, послам и разным должностным лицам, стоящим во враждебных отношениях к Конфедерации, предоставляется известный срок для присоединения к оной; в случае же неповиновения, имения их подвергаются секвестру... Снисхождение сие не распространяется на бунтовщиков из лиц частных»¹⁶. Под определение «бунтовщик» автоматически попадал любой шляхтич, несогласный с идеями конфедератов, не желавший ставить свою подпись под их документами.

Присутствие генерал-аншефа М. Н. Кречетникова при утверждении Акта конфедерации Полоцкого воеводства не спасло от неприятностей и осложнений тех, кто оставался в Ушачах для собирания новых сотен подписей и приведения к присяге основной массы шляхетства. Маршалок воеводской конфедерации кавалер Корсак высказывал российским военным властям опасение, что 15 июня

1792 г. в день, назначенный для общей присяги, шляхтичи, приехав большой массой, вместо того, чтобы присягать, разгромят конфедератские учреждения. Корсак просил прислать в его распоряжение хотя бы два полка российской пехоты. По его словам, наибольшую опасность представляли собой «мелкие дворяне, зараженные столько фанатизмом, что в состоянии и жизни пожертвовать, только бы не присоединиться к конфедерации»¹⁷. В конце мая 1792 г. в Полоцком воеводстве отказывались присягать Конфедерации местечко Дисна, королевская Куриловская волость, деревня Голомысль — всего 800 дворов¹⁸.

Наконец, и в самой столице Великого княжества Литовского тоже возникли трудности с утверждением Акта Генеральной Конфедерации. Российские войска заняли Вильно без боя 3 (14) июня 1792 г. Ш. К. Коссаковский прибег здесь к насилиям, арестам и всевозможным ухищрениям¹⁹, но только к 14 (25) июня ему и его приспешникам удалось собрать 1000 подписей под Актом Генеральной Литовской Конфедерации, что и позволило начать торжества по ее провозглашению²⁰. М. Н. Кречетников рассчитывал, что это удастся сделать на несколько дней раньше, и целую неделю держал два корпуса своей армии в окрестностях Вильно²¹.

Из всего вышеизложенного можно сделать вывод, что, по признаниям самого российского главнокомандующего и его генералов, на территории ВКЛ, т. е. на белорусских землях, не было даже намска на активное стремление большинства шляхты вступить в Генеральную Литовскую Конфедерацию и тем самым вольно-невольно способствовать очередному разделу своей Родины. Напротив, наблюдалось повсеместное уклонение от участия в конфедерации, а иногда и сопротивление шляхтичей конфедератам, которых они справедливо воспринимали как часть враждебной российской силы. О том же свидетельствовали в своих отчаянных письмах к российским военным властям и сами конфедераты. Генеральная Литовская Конфедерация, ее местные отделения и органы были в конце концов созданы только благодаря тому, что они насаждались российскими генералами при помощи немногочисленных «надежных поляков». При этом широко использовались угрозы, насилие, репрессии, страх перед которыми и сыграл решающую роль в достижении конфедератами формального успеха.

¹ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 12, д. 218, л. 18.

² Там же.

³ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 41, оп. 1/199, д. 173, л. 28 об.

⁴ РГАДА. Ф. 12, д. 218, л. 134.

⁵ РГВИА. Ф. 41, оп. 1/199, д. 174, л. 146.

⁶ Там же. Л. 77 об.

⁷ РГАДА. Ф. 12, д. 218, л. 85.

⁸ См.: Чтения в Императорском обществе Истории и древностей Российских. СПб., 1863.

Кн. 4. Октябрь — декабрь. С. 42, 55.

⁹ Там же. С. 93.

¹⁰ РГАДА. Ф. 12, д. 218, л. 40 — 47 об.

¹¹ РГВИА. Ф. 41, оп. 1/199, д. 174, л. 143.

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ Т и м о щ у к В. В. // Русская старина. 1905. Т. 121. С. 212.

¹⁵ РГАДА. Ф. 12, д. 218, л. 86 об.

¹⁶ Акты, издаваемые Виленскою Археографическою комиссиею. Вильна, 1878. Т. IX. № 188. С. 566.

¹⁷ РГВИА. Ф. 41, оп. 1/199, д. 167, л. 33 об.

¹⁸ Там же. Л. 33.

¹⁹ Т и м о щ у к В. В. Указ. соч. С. 214.

²⁰ РГАДА. Ф. 12, д. 218, л. 117.

²¹ Там же. Л. 107 об.

В. В. ФУРС

ПОНЯТИЕ ДИСКУРСА В «АРХЕОЛОГИИ ЗНАНИЯ» МИШЕЛЯ ФУКО

«Археология знания» — работа, подводящая итог исследованиям по истории безумия, проблемам клинической медицины, проблемам обоснования знания, — представляет собой попытку построения радикально неклассической концепции знания. Традиционно в классической философии это понятие трактуется как продукт познавательной деятельности субъекта (или «чистого разума»). Определенные умозрительные процедуры позволяют сознанию, изначально полагаемому как абсолютная точка зрения, достичь объективно истинного знания. Знание, получаемое таким путем, отождествляется с наукой и замыкает цепь: сознание — познание — наука (= знание), Сознанию же (или, в иной терминологии, субъекту) в познании отводится активная роль¹.

Иную точку зрения предлагает М. Фуко. Ставя под сомнение возможность достижения абсолютной «чистоты разума», а тем самым — возможность достижения абсолютной точки зрения, философ предлагает рассматривать знание в иной системе координат, которая, не отвергая полностью роль субъекта, превращает последнего в «пассивного» агента познания. Он трансцендирует саму область знания, вынося ее за пределы возможностей постижения отдельным субъектом. Эту область знания Фуко называет Дискурсом — совокупностью вербальных манифестаций культуры в целом или в ее отдельные периоды.

Понятие Дискурса значительно шире понятия «знание». Оно включает в себя не только это последнее как продукт, но и сам процесс его производства. Фуко отказывается от модели «сознание — познание — наука», предлагая взамен модель «дискурсивная практика — знание — наука». Фуко стремится дистанцировать знание от субъекта и придать ему особую материальность, а значит — свои внутренние закономерности. Тем самым снимается критерий «истинное/ложное»: становясь материальным, любое знание получает право на существование, оно включается в ткань общего Дискурса. Являясь базовым понятием постмодернизма, Дискурс, тем не менее, с трудом поддается определению. Однако представляется уместным выделить в понимании его две стороны: Дискурс как «речь, «рассуждение» и Дискурс, понимаемый как совокупность вербальных манифестаций культуры. Рассматриваемый в этом значении Дискурс предстает как сложное, многоуровневое образование, в котором одни практики оказываются выставлены на обозрение, другие же, напротив, скрыты от случайного взгляда. Взятое в целом это образование само представляет собой вид социальной практики.

Дискурс характеризуется наивысшей степенью дисперсности, каждый отдельный элемент его абсолютно уникален, а различие оказывается единственной характеристикой. А значит, и описание Дискурса в целом невозможно: оно ведет лишь к его удвоению. К описанию Дискурса, полагает Фуко, следует подходить иначе: анализ необходимо начинать с отдельных фрагментов, связанных либо тематически, либо же совпадающих во времени.

Дискурс состоит из отдельных высказываний, уникальных по своей форме, однако способных неограниченно воспроизводиться (содержательно и функционально). Именно независимая от субъекта воспроизводимость высказывания и позволяет Фуко говорить о его материальности.

Фуко всячески стремится уйти от языковой природы высказывания, видя в нем лишь экстралингвистический элемент. Высказывание так же, как и другие продукты социальной деятельности, материально, хотя его материальность спе-

цифична. Однако она позволяет включить высказывание в сферу материального производства индивидов в качестве такого же продукта, как и прочие, которые индивиды обменивают, потребляют.

В Дискурсе высказывание приобретает двойное значение: с одной стороны, оно рассматривается как бы независимо от своего конкретного содержания, представляя собой общую модель, допускающую бесконечное число ситуативных вариантов. С другой стороны, именно его конкретное содержание обеспечивает высказыванию фиксированность во времени и пространстве Дискурса. Говоря о высказывании, Фуко подчеркивает его функциональный аспект: «Высказывание есть... функция существования знаков, начиная с которой можно определять, в соответствии с какими правилами они (знаки) следуют друг за другом и сопоставляются, что они означают, и какого рода акт оказывается исполнен посредством их формулирования (устного или письменного)»².

Тем самым автор стремится придать высказыванию значимость двоякого рода: высказывание, заключая в себе определенное содержание, уместное и своевременное, является в то же время условием существования, причиной появления следующего высказывания (т. е. внутри Дискурса как бы заложен автономный механизм, обеспечивающий необратимый и неостанавливаемый процесс возникновения все новых групп знаков).

В структуре Дискурса Фуко выделяет два типа высказываний — простые и события-вещи³. Последние образуют системы, функционирование которых, с одной стороны, определяет появление простых высказываний, а с другой — оказывается ими подготовлено. Эти системы высказываний философ предлагает называть архивом. Архив представляет собой скелет Дискурса, который не позволяет «всему, что сказано, сбиться в неопределенную аморфную массу... Архив — это внутренний закон существования Дискурса, определяющий и регулирующий появление высказываний»⁴.

Ясно, что при таком положении вещей субъект уже не может оставаться центральной фигурой, продуцирующей высказывания (из которых впоследствии складывается знание) по своему собственному усмотрению. До субъекта уже существуют высказывания, определяющие, направляющие, структурирующие ход его мысли. Субъект оказывается в плену предшествующего знания, и это знание, независимо от желания субъекта, воздействует на него самым активным образом.

Именно архив предопределяет и предписывает субъекту ту нормативность, в соответствии с которой, хотя и не осознавая этого, он строит свои последующие высказывания. И если мы задаемся целью описывать, систематизировать, анализировать некоторое знание, мы должны в первую очередь направить свои усилия на поиск и описание его архива.

Архив — это открытая система, аккумулирующая в себе все новые и новые высказывания. Отдельные фрагменты архива служат историческими априори определенной эпохи, ее типом позитивности. Как и положено априорным суждениям, высказывания, составляющие тот или иной фрагмент архива, лежат в основании определенной конфигурации знания, являются условием ее существования. Вместе с тем они не даны раз и навсегда, они переходящи, историчны: накопление высказываний внутри конфигурации ведет к ее постепенному изменению и образованию новых оснований для новой конфигурации. Этим и объясняется столь шокирующее название — историческое априори.

Первичную систематизацию Дискурса позволяет осуществить тип позитивности⁵: налицо присутствие, помимо различий, и позитивного момента. В данном случае таковым являются высказывания, служащие условием существования прочих (что предполагает наличие между ними некоторого сходства). В соответствии с этим критерием — типом позитивности — в Дискурсе выделяются дискурсивные формации⁶.

Последующее, более узкое тематическое членение позволяет выделить в дискурсивной формации дискурсивные практики, состоящие из совокупностей высказываний, направленных на определенное поле объектов. Именно в ткани отдельных дискурсивных практик возникает знание, на основе которого впоследствии могут сформироваться науки.

Знание, по определению Фуко, это «совокупность элементов, регулярно образующих дискурсивной практикой, предназначенных для создания науки, хотя и не обязательно, что из них возникнет некоторая наука»⁷. Как видим, данное определение мало что проясняет в содержании понятия знания и целиком направлено на то, чтобы подчеркнуть функциональный аспект. Знание перестает быть принадлежностью одной лишь науки: оно пронизывает культуру целиком, имея в качестве условия собственной возможности «проговоренность» (дискурсивность).

Как явствует из приведенного определения, знание с необходимостью возникает в ткани дискурсивной практики. Однако такой необходимости не возникает при образовании науки (или, по словам Фуко, научной области) на основе знания. «Существуют знания, независимые от наук, не представляющие собой

ни их исторического наброска, ни их оборотной стороны, но нет знания без определенной дискурсивной практики, и всякая дискурсивная практика может определяться знанием, которое она формирует»⁸.

Вполне оправданно возникает вопрос о том, что же необходимо для формирования науки? Решить этот вопрос философ пытается, опять-таки не прибегая к помощи внешнего фактора, коим, по его мнению, является субъективность. Наука (или, точнее, научное знание) представляется ему звеном в цепи «дискурсивная практика — знание — наука». Так что вопрос о связи знания и науки может и должен быть поставлен им иначе: каким образом знание достигает своей наивысшей формы и становится научным?

Для ответа на этот вопрос философ вводит два понятия: идеологии и порога. Первое понятие ему необходимо для того, чтобы обозначить силу,двигающую знание к вершине его возможностей. Второе обозначает систему фильтров, прохождением через которые знаменует отдельные этапы этого движения. Идеология — не внешняя сила, она сама является видом дискурсивной практики: «Власть идеологии над научным Дискурсом и идеологическое функционирование наук... артикулируются там, где наука выделяется на фоне знания. И если вопрос об идеологии и может быть задан в отношении науки, то лишь в той мере, в какой идеология, не отождествляя себя со знанием, но и не уничтожая и не исключая его, в нем локализуется, структурируя некоторые из его объектов, систематизируя некоторое содержание, формализуя его понятия и стратегию; и в той мере, в какой эта обработка, с одной стороны, четко проговаривает знание, модифицирует и перераспределяет его, с другой — его утверждает и позволяет оценивать в той мере, в какой наука находит свое место в дискурсивной закономерности и тем самым разворачивается и функционирует в любом поле дискурсивных практик. Одним словом, вопрос об идеологии по отношению к науке — это вопрос о ее (идеологии) существовании как дискурсивной практики и ее функционировании среди других практик»⁹.

Определив свое видение идеологии и ее роли в познании, Фуко далее рассматривает понятие порога, олицетворяющего собой этапы перехода от одной формы знания к другой. В частности, он выделяет четыре вида порогов.

1. Порог позитивности, характеризующийся тем, что в результате выделения из дискурсивной формации дискурсивной практики начинает функционировать одна единственная система образования высказываний.

2. Порог эпистемологизации. В процессе образования высказываний формируется совокупность высказываний, претендующая на роль модели, нормы для всех прочих элементов данной дискурсивной практики. Именно здесь, видимо, и вступает в игру идеология (т. е. выбор некоторой совокупности высказываний оказывается произвольным).

3. Порог научности, преодоление которого связано с тем, что образованная модель также должна подчиняться формальным критериям. Эти формальные критерии Фуко довольно туманно обозначил как «соответствие высказываний эпистемологической фигуры определенным законам строения предложений», а М. М. Бахтин более емко назвал стилем (т. е. «отбором словарных, фразеологических и грамматических средств языка»)¹⁰.

4. Порог формализации, преодоление которого связано с самым жестким отбором выразительных средств, с предельной степенью «говoreния по существу». Такое знание полностью лишено метафоричности, образности, связь между означаемым и означающим в понятии исключает всякую возможность инотолкования последнего.

Из этой иерархии видно, что порог позитивности характеризует появление знания вообще, тогда как началом собственно научного знания может служить порог эпистемологизации. Что касается порога формализации, то чаще всего это — скорее желанная цель, нежели реальность: это тот Порядок, к которому стремится Дискурс, но которого сам он целиком никогда не достигает.

Таким образом, в «Археологии знания» Фуко рассматривает знание не как набор истин, проверенных практикой или же принятых на веру, но как продукт одной единственной практики — практики говорения. И этот продукт способен почти полностью дистанцироваться от субъекта, который хотя и необходим для полноты картины, но слишком мал по сравнению с Дискурсом. Индивид не способен не только произвести, но даже воспроизвести весь Дискурс целиком: это под силу лишь «чистому разуму». Но коль скоро мы отказываемся от последнего, то не можем анализировать Дискурс иначе, как дистанцировав его от самих себя, что позволит хотя бы помыслить его как таковой.

Дискурс парадоксальным образом подчиняет себе субъект, пополняясь им постоянно, но в соответствии со своими внутренними законами. И субъект не в силах что-либо изменить: он остается субъектом лишь до тех пор, пока осуществляет акты говорения, а значит — характеризуется совокупностью своих собственных высказываний. Он не может не говорить, хотя и обрекает себя на подчинение Дискурсу.

Предлагая модель «дискурсивная практика — знание — наука», Фуко тем самым ставит под сомнение как возможность активного участия субъекта в производстве знания, так и возможности познания вообще, хотя и не отвергает их полностью. «Археология знания» не проясняет до конца роль, которая отводится субъекту, однако это, видимо, можно объяснить той целью, которую ставил перед собой Фуко, создавая свою методологию: обнаружить внутри гуманитарного знания структуры, позволяющие анализировать и описывать его без помощи внешнего фактора. Кроме того, эта работа может служить тем порогом (пользуясь терминологией Фуко), начиная с которого субъект рассматривается как подчиненное звено в треугольнике «субъект — власть — знание» и обретает телесность.

«Генеалогия власти», тщательно разработанная в последующих работах философа, вполне может считаться продолжением «археологии знания» на ином уровне.

¹ Подробнее об этом см.: Проблема сознания в современной западной философии. М., 1989. С. 3. и след.

² Foucault M. Archéologie du savoir. Paris, 1960. P. 115.

³ Строго говоря, Фуко выделяет «высказывания-события» и «высказывания-вещи». И те, и другие обнаруживаются в Дискурсе на уровне его тематического членения. Для «высказываний-событий» характерно наличие собственных условий и области возникновения, для «высказываний-вещей» — собственные возможности и сферы применения. Однако «высказывание-событие» именно вследствие уникальности происхождения приобретает ценность и, следовательно, может рассматриваться как «высказывание-вещь», получая возможность быть использованным.

⁴ Foucault M. Archéologie du savoir. P. 170–171.

⁵ Тип позитивности не вполне синонимичен историческому априори. Однако при первичном членении Дискурса он выполняет те же функции, что и историческое априори в дальнейшем (на уровне тематического членения).

⁶ Деление Дискурса на дискурсивные формации возможно благодаря материальности высказывания. Дискурсивные формации — это членение человеческой истории на эпохи, критерием которого служат изменения в способе производства высказывания.

⁷ Foucault M. Archéologie du savoir. P. 236.

⁸ Там же. С. 238–239.

⁹ Там же. С. 241–242.

¹⁰ Бахтин М. М. Литературно-критические статьи. М., 1986. С. 428.

С. Н. МИЗЯКИНА

КРИТИКА КЛАССИЧЕСКОГО ИДЕАЛА РАЦИОНАЛЬНОСТИ В ФИЛОСОФИИ ЛЬВА ШЕСТОВА

Критическое отношение Шестова к основополагающим принципам и категориям классического идеала рациональности находится в русле общей ситуации в философии начала XX в., характеризующейся переосмыслением основных положений классической философии, отходом от веры в абсолютную мощь разума, поиском новых способов познания, поворотом к антропологической проблематике.

Шестов отвергает несомненные ценности классического идеала рациональности с позиций экзистенциальной философии: его критика направлена прежде всего на выявление разрушающих человеческую индивидуальность негативных последствий, которые вытекают из распространения основ научного мышления и классической философии на духовную жизнь человека, на восприятие мира в целом.

Резкое неприятие вызывала у Шестова господствующая в классической философии установка на восприятие последней в качестве научного знания. Мыслитель убежден, что «при выработанных наукой методах разыскания истины — мы роковым образом обречены на то, чтобы самое важное, самое значительное для нас казалось несуществующим *par excellence*»¹. Рассмотрение самых значимых для человека вопросов через призму категорий научного мышления приводит к замыканию нашего существования на обыденном, к невозможности общения по поводу действительно волнующих нас проблем, к одиночеству и бессмысленности жизни. Шестов твердо уверен, что научный подход к реальности не способен на исчерпывающее ее объяснение.

Философ считает, что исходным мировоззренческим основанием классического идеала рациональности оказывается субъект-объектный раскол мироздания. «Весь мир для нас только «объект», который никогда не сливается с субъектом»².

При объектном восприятии мира люди начинают переживать свою полную выделенность и противопоставленность окружающему, из которого исключается все мыслящее, активное, волящее, свободное. Все эти способности теперь стягиваются в категорию субъекта. При этом природа воспринимается как пассивная, мертвая, механическая реальность. «Очевидно, первым условием и предположением научного мышления является гибель одушевленного»³. А субъект познания выступает прежде всего как некоторый гипотетический наблюдатель, находящийся во всех точках пространства и одновременно рассматривающий объект под всевозможными углами зрения, создавая целостную и объективную картину мироздания. Такой «чистый» или «теоретический» разум воспринимается как очевидное ручательство за возможность полного и адекватного отражения мира.

В силу необходимости придания субъекту познания классической философии абсолютного характера он превращается в «божественный интеллект». Шестов замечает, что тем самым разум онтологизируется и отождествляется с Богом. А могущество разума в познании мира и его ключевая роль в человеческой духовности становятся несомненной очевидностью рационального мышления.

Шестов отмечает, что при таком мировосприятии человеку как конкретной познающей личности уже нет места. «Теория познания уже окончательно установила, что субъект, высказывающий суждения, ничего общего с эмпирическим субъектом не имеет, что даже вообще судит не психологический субъект, а сам объективный разум»⁴.

Таким образом, уникальный мир личности в классической философии, согласно Шестову, уничтожается. Человек может быть воспринят только в качестве объекта. Шестов противопоставляет абстрактному субъекту познания классической философии конкретную эмпирическую личность, вовлеченную в постижение мира всем своим существом.

Но для классической философии, замечает Шестов, характерна и абстрактность объекта познания. Философ подчеркивает, что даже в эмпирическом исследовании, когда мы имеем дело, казалось бы, с индивидуальными проявлениями бытия, царствуют обобщения и абстракции. Эмпирический и теоретический объекты научного исследования суть с самого начала идеализированные объекты с ограниченным набором свойств, типичных для любого проявления изучаемой сущности.

Таким образом, за установкой классической философии на субъект-объектное восприятие окружающего Шестов обнаруживает как ее следствие обезличивание человеческой индивидуальности. Личность лишается активности, свободы, права желать и творить. Она может выступать лишь объектом научного исследования или материалом для осуществления целесообразной деятельности.

Трагизм такого мировосприятия заключается еще и в леденящем ужасе метафизического одиночества. Человек, если он воспринимает себя как личность, оказывается противопоставленным природе и обществу. Ведь вокруг него только объекты, а с ними возможно лишь функциональное общение. Шестов твердо уверен, что исключение из бытия волящего и желающего начала чревато уничтожением духовности в человеке.

Шестов противопоставляет такому мироощущению субъект-субъектное восприятие действительности, которое дает возможность приблизить бытие к человеку, воспринимать его как равное себе начало, способствует проникновению в метафизическую реальность, помогает более полному раскрытию человеческой индивидуальности.

Из субъект-объектного восприятия действительности вытекает стремление философии к объективности. Считая правомерной такую установку сознания для научного исследования, Шестов убежден в невозможности и ненужности быть объективным при решении метафизических проблем. Ведь любая философская теория в своем основании есть результат глубинных экзистенциальных переживаний личности, ее страхов и надежд, а не бесстрастное незаинтересованное исследование. Если Б. Спиноза призывал познающего человека «не смеяться, не плакать, не проклинать, а понимать», то Шестов противопоставляет ему «капризное, ропшущее, беспокоящее, тоскующее Я, никогда не соглашающееся добровольно признать над собой власть «истин» — будут ли они материальные или идеальные»⁵.

С субъект-объектным разделением мира связана также утилитарная направленность науки и философии. Объект, в принципе, не может быть воспринят иначе, как материал целесообразной деятельности, поскольку в нем нет желаний, воли, переживаний. Иными словами — всего того, что делает возможным ценностное отношение к окружающему. Объектное восприятие человека как средства, игнорирование его значимости есть также, согласно Шестову, результат направленности науки на практически полезное, на внешнее предметное благополучие и психологический комфорт любой ценой. Утилитаризм ограничивает человека рамками будничного, выхолащивает его уникальность. И потому философия со всей страстью обрушивается на «вещное» отношение к миру и человеку.

Реализация практических целей невозможна без гарантированности осуществления целеполагающей деятельности. Для достижения власти над миром человеку необходимо быть уверенным в возможности рассчитать технологию своих действий. Для этого мир должен представлять собой некую целостность, подчиняющуюся определенным законам, которые обладают характером абсолютности, всеобщности и необходимости, существуют независимо от человеческого сознания и воли (как, впрочем, и от любой другой воли). Именно идеи закономерности и причинности дают возможность построить такую картину мира, в которой мы можем осуществить целеполагающие акты без опоры на внешние (Бог, мистические силы и т. д.) источники.

Но вместе с тем закон полагает предел желаниям человека, ограничивает его свободу. Поэтому критика принципа причинности и закономерности, а также категорий необходимости и всеобщности занимает большое место в творчестве Шестова. Ведь весь пафос его философии обращен на спасение уникального в человеке, на создание такой картины мира, в которой личность могла бы полностью осуществлять свои творческие потенции.

Философ не отрицает, однако, правомочности использования данных категорий в научном познании и практике обыденной жизни. «Закон причинности, принцип закономерности явлений и вообще идея самодовлеющего порядка есть в высшей степени полезные, но совершенно необоснованные и лживые допущения»⁶. Возражения Шестова касаются возможности использования названных ценностей научного мышления в экзистенциальном по своей природе философском познании. Философ также отмечает, что все эти категории, полагаемые как непререкаемые очевидности бытия и мышления, на самом деле являются лишь способами ориентации разума в окружающем и принимаемыми на веру ценностями.

Критика Шестовым принципа причинности направлена главным образом против механистического детерминизма. Философ разделяет представление идеотерминизма об ограниченности принципа причинности рамками научно-практического. В то же время он часто говорит о возможности волевого полагания событий человеком и Богом, тем самым обнаруживая близость к телеологически ориентированной философии.

В механистическом детерминизме ключевую роль играет категория необходимости. Для Шестова она является основополагающим принципом рационализма, представители которого «убеждены, что только там начинается философия, где открывается царство «строгой» необходимости. Наше мышление, в последнем своем определении, есть не что иное, как разыскание этой строгой необходимости»⁷.

Шестов показывает, что необходимость как принцип организации бытия и познания укоренена в глубинных пластах мифологического сознания человечества. Он правомерно подчеркивает, что идея правящего миром Рока, Судьбы, стоящей над богами, была одним из оснований греческой философии. Образы Мойр, Ананке символизировали переживание некоей преддрешенности человеческого и божественного бытия. Позже эти мифологемы трансформировались в идею логоса-закона, осуществляющего необходимую смысловую связь сущего, его устойчивости, упорядоченности. Постепенно Логос в сознании античных философов отождествился с разумом. Шестов указывает, что развитие идеи Логоса-Разума от античности через работы Филона Александрийского приходит в христианство, где приобретает титул божественного. На идее разума-необходимости строится, по мнению Шестова, и вся дальнейшая философия.

Однако духовный опыт, который оформляется философским знанием, по глубокому убеждению Шестова, не содержит в себе всеобщности и необходимости. У каждого человека свои экзистенциальные переживания. Одни общаются с Богом, другие чувствуют власть неумолимых законов природы. Если бы философы были до конца честны перед собой, они, считает Шестов, вынуждены бы были признать, что все их доказательства и необходимости держатся на желании, чтобы их истины были признаны всеобщими.

На самом деле, задачей мыслителя является не установление необходимых связей бытия, а открытие неповторимого, уникального в мире и собственной душе. Если вслушиваться в «случайное», то возможно, по мнению Шестова, проникнуть в истинную реальность, жить в значимом. Именно случайность воспринимается мыслителем как коренная черта действительности и противопоставляется категории необходимости. «Смысл настоящего рассуждения в том и состоит, чтобы спасти от забвения случайное»⁸. Понимание Шестовым случайности отлично от традиционного представления о ней как виде причинно-следственной зависимости, вытекающей не из сущностной связи, а из нахождения явлений в одной пространственно-временной плоскости. Для Шестова случайность — уникальное, волящее начало бытия, существующее за рамками закономерно организованной реальности.

Критика идеи необходимости (как и принципов закономерности и всеобщности) отталкивается у Шестова от ее экзистенциального смысла принуждения, который философ находит еще у Аристотеля. Необходимость и закон превращают мир в непреодолимые для человека «каменные стены», которые бесполезно просить о воплощении заветного. Свобода воли, реализация творческого начала в управляемом неотвратимыми законами мире невозможны.

Шестов уверен, что приверженность основополагающим принципам классической философии обусловлена экзистенциальными по своей природе переживаниями страха перед новым и неизвестным, желанием спрятаться от негарантированности бытия. Принципы классического мышления помогают создать уютное, защищенное от неожиданностей мировосприятие. Ко всегда себе равному миру можно приспособиться, научиться предсказывать события, и, быть может, даже управлять им. Но это произойдет лишь тогда (с иронией замечает Шестов), когда человек подчинится всем законам и необходимым и потеряет саму возможность обретения собственного Я и истинной гармонии с миром.

В заключение отметим, что шестовский радикализм по отношению к классической гносеологии не является отрицанием возможности и необходимости познавательной деятельности вообще. Шестов отвергает лишь возможность использования традиционных форм познания в философии, поскольку сущность последней, по его убеждению, базируется на экзистенциальных переживаниях человека и порождает опыт, который не может быть выражен с помощью научного исследования. Философ формирует свой идеал мышления, базирующийся на идее откровенного знания, которое по своей природе является мышлением о смыслах и ценностях, основанном на субъективных человеческих переживаниях и абсурдной вере в невозможное.

¹ Шестов Л. Соч. М., 1993. Т. 2. С. 22.

² Там же. С. 213.

³ Там же. Т. 1. С. 282.

⁴ Там же. Т. 2. С. 95.

⁵ Там же. С. 305 — 306.

⁶ Там же. С. 202.

⁷ Там же. Т. 1. С. 351.

⁸ Там же. С. 36.

Ф. В. ПЕКАРСКИЙ

ФИЛОСОФИЯ ЯЗЫКА ВЕЛИМИРА ХЛЕБНИКОВА

О философских основаниях поэтики Велимира Хлебникова (1885–1922) говорят очень мало. Тем не менее это оригинальный мыслитель, создавший разветвленную философскую систему, где философия языка тесно связана с философией истории и базируется на концепции будущего как креативной составляющей культуры.

Поэтические концепции В. Хлебникова, на первый взгляд, экзотичны, «нелюдны» для принятия их в качестве ориентиров творчества вне контекста мировоззрения поэта. В этой связи первостепенной задачей является реконструкция философских основ его поэтики, которые афористично сформулированы самим Хлебниковым: «Я помнил слова седого жреца: «У вас три осады: осада времени, слова и множеств»¹.

Согласно идеям В. Хлебникова, история — вереница повторяющихся событий, равноотделенных друг от друга числом лет. Эти временные промежутки строго заданы Роком и являются проявлением фатальности Мирового Единства. Столь же, как исторические события и явления, взаимодетерминированы и взаимосвязаны предметы вещественного, пространственного мира. Их связь обеспечивается языком.

Мир для В. Хлебникова, если следовать современной терминологии, представляется «миром текстов». Изначальное единство природного и социального, органического и неорганического, «Единого» и «Множественного» имеется и проявляется, согласно основной идее мыслителя, уже в их различности. Дискретные «тексты», полярно противоположные, одновременно задают собой метакультурное поле, «сочетаясь в простейшие чертежи так, что лишь одновременное существование нескольких чертежей создает кажущуюся путаницу и неясность». «Язык так же мудр, как и природа, и мы только с ростом науки учимся читать его»², — утверждал В. Хлебников. Уже в ранних работах, посвященных языковой проблематике, поэт декларирует: «Слово управляет мозгом, мозг — руками, руки — царствами. Мост к самовитому царству — самовитая

речь... Слово имеет тройственную природу слуха, ума и пути для рока... Это было открыто языку заговоров — рок в двух значениях... слово и судьба»³.

В. Хлебников неоднократно подчеркивал, что «стихи должны строиться по законам Дарвина»⁴. Это один из главных пунктов его поэтической программы. Тем более, что суть хлебниковского подхода к слову такова: «Речи — здания из глыб пространства. Частицы речи — части движения. Слова — нет, есть движения в пространстве и его части — точек, площадей... Плоскости, прямые площади, удары точек, божественный круг, угол падения, пучок лучей прочь из точки и в нее — вот тайные глыбы языка. Поскоблите язык — и вы увидите пространство и его шкуру»⁵.

Выделяя «пласты» русского языка, поэт на пути разработки концепции «заумного» языка таких «пластов» насчитал пятьдесят три. Среди них: Числослово, Звукопись, Словотворчество, Разложение слова, Иностранные слова, Даль (словарь), Жестокие слова, Нежные слова, Косое созвучие, Целинные созвучия, Вывихи слова, Перевертень, Народные слова, Общеславянские слова, Звездный язык, Вращение слова, Бурный язык, Безумные слова, Тайные слова и др.

В 1921 г. А. Крученых, Г. Петников и В. Хлебников опубликовали «Декларацию заумного языка», где, в частности, утверждалось: «Мысль и речь не успевают за переживанием вдохновенного, поэтому художник волен выражаться не только общим языком (понятиям), но и личным (творец индивидуален), и языком, не имеющим определенного значения (не застывшим), *заумным*. Общий язык связывает, свободный позволяет выразиться полнее (пример: го оснег кайд и т. д.)».

Заумь — первоначальная (исторически и индивидуально) форма поэзии... Заумные теории могут дать всемирный поэтический язык, рожденный органически, а не искусственно, как эсперанто»⁶. Это исходный пункт концепции В. Хлебникова.

Принимая гегелевский тезис «мышление — бытие», уходящий своими корнями в теории первых античных философов, поэт констатирует: «Пространство звучит через Азбуку»⁷. Развивая свою идею, В. Хлебников утверждает, что когда-то языки объединяли людей, это было на первом этапе формирования мировых языков на основе принципов, впоследствии названных «заумными». Теперь же «языки как таковые служат разъединению человечества и ведут призрачные войны»⁸. Вернуть давно утраченное единство человечества можно, создав единый мировой язык, который будет языком «заумным» в своем основании.

Есть и другая причина, обуславливающая необходимость создания единого мирового «заумного» языка. Она коренится в наблюдаемом сегодня отсутствии «чистоты смыслов слова». Самовитое (самоценное) слово в «заумной» интерпретации, по Хлебникову, сохраняет первоначальную чистоту языка: «Слово делится на чистое и на бытовое. Можно думать, что в нем скрыт ночной звездный разум и дневной солнечный. Это потому, что какое-нибудь одно бытовое значение слова так же закрывает все остальные его значения, как днем исчезают светила звездной ночи. Но для небоведа солнце — такая же пылинка, как и все остальные звезды. И это простой быт, это случай, что мы находимся именно около данного солнца. И солнце ничем не отличается от других звезд. Отделяясь от бытового языка, самовитое слово так же отличается от живого, как вращение земли кругом солнца отличается от бытового вращения солнца кругом земли. Самовитое слово отрешается от признаков данной бытовой обстановки и на смену самоочевидной лжи строит звездные сумерки»⁹.

Памятуя о том, что неудачно построенное слово наносит огромный вред языку, В. Хлебников осторожен в поисках «самовитого» слова. Он предупреждает своих последователей и постоянно напоминает самому себе, что «слабое и непонятное слово может разрушить мир»¹⁰.

Поэт призывает рассматривать слово, которое всегда самоценно, «самовито», не как средство, а как самоцель. Достигаться это должно через «словотворчество» — художественную практику, освобождающую смысловую наполненность языка, все многообразие слов и значений которого исходит из его основных звуков, их телеологических характеристик и комбинаторики.

В русском языке он выделяет 28 звуков, которые называет «семенами слова», «зернами языка». Словотворчество «взрывает» их «глухонемые пласты», поскольку «азбука, общая для многих народов, есть краткий словарь пространственного мира».

«Первый путь словотворчества» в поэтике В. Хлебникова состоит в том, что, «заменяв в старом слове один звук другим, мы сразу создаем путь из одной долины языка в другую, и как путеводцы, пролагаем пути сообщения через хребты языкового молчания»¹¹.

«Другой путь словотворчества» — это «внутреннее склонение слов». Оно заключается в том, что не только слово в целом склоняется по падежам, но, что особенно важно, склоняются корни слов, придавая возникающим при таком «внутреннем склонении» словам обратные по отношению к исходному значения.

Например: «бык» есть то, откуда следует ждать удара, а «бок» — то место, куда следует направлять удар...

«Найти, не разрывая круга корней, волшебный камень превращения всех славянских слов одно в другое, свободно плавить славянские слова — вот мое первое отношение к слову... Увидя, что корни лишь признаки, за которыми стоят струны азбуки, найти единство вообще мировых языков, построенное из единичной азбуки, — мое второе отношение к слову. Путь к мировому заумному языку»¹², — провозглашает В. Хлебников в автобиографической статье «Свояси». Так, поэт концентрирует свое внимание на непосредственных связях звуков и выражаемых ими смыслов. Эти связи от языка не зависят, — внутренний телеологизм присущ каждому звуку речи априори. Тем не менее В. Хлебников при выявлении основных телеологических функций согласных звуков русского языка пользуется не интуитивными изысканиями, как А. Крученых, и не мистическими откровениями, как сектанты Нового времени, а особым «научно-символическим» методом (А. Туфанов), определяя звуко-смысловые связи внутри одного языка через подбор неоднотипных слов, начинающихся с одной и той же буквы или содержащих одно и то же звукосочетание.

В. Хлебников приводит следующую дефиницию: «Заумный язык — значит находящийся за пределами разума... То, что в заклинаниях, заговорах заумный язык господствует и вытесняет разумный, доказывает, что у него особая власть над сознанием, особые права на жизнь наряду с разумным...

Мы не знаем, какое значение имеет для целого слова каждый отдельный звук. Но если собрать все слова с первым звуком Ч (чаша, череп, чан, чулок и т. д.), то все остальные звуки друг друга уничтожат, и то общее значение, какое есть у этих слов, и будет значением Ч. Сравнивая эти слова на Ч, мы видим, что все они значат «одно тело в оболочке другого»; Ч — значит «оболочка». И таким образом заумный язык перестает быть заумным. Он делается игрой на осознанной нами азбуке — новым искусством, у порога которого мы стоим»¹³. В. Хлебников не случайно применяет термин «игра» по отношению к словесному творчеству. Поэт исходит из самоочевидной посылки, что значение естественного, «бытового» языка нам, участникам словесной «игры», понятно. Так, ребенок во время своей игры может вообразить, что тряпичная кукла в его руках, набор разноцветных тряпочек, не что иное, как живой человек; что стул, на котором он сидит, есть настоящий кровный конь... В устной и письменной речи планета Солнце легко заменяется нами маленьким словом, «словесной игрушкой» «солнце». Если настоящее исчезнет, а останется только слово «солнце», говорит В. Хлебников, то оно никак не сможет исполнить ни одной из присущих ему функций. Подытоживая эти рассуждения, он делает вывод: словесное творчество и язык вообще — это «игра в куклы». «Люди, говорящие на одном языке, — участники этой игры. Для людей, говорящих на другом языке, такие звуковые куклы — просто собрание звуковых тряпочек. Итак, слово — звуковая кукла, словарь — собрание игрушек»¹⁴. Вслед за этим В. Хлебников говорит о тех словах, которые не принадлежат ни какому языку, но в то же время «что-то говорят, что-то неуловимое, но все-таки существующее», — свободные словосочетания, — они прямо ничего не дают сознанию, т. е. не годятся в обыденном смысле для «игры в куклы», названы «заумным» языком. В. Хлебников подчеркивает, что подобные слова широко представлены в языке заговоров и заклинаний, где им приписывается наибольшая власть над судьбой человека.

В философии языка В. Хлебникова можно выделить следующие основополагающие принципы:

— Слово необходимо рассматривать не как средство, а как самоцель. Слово всегда самоценно;

— «Научно-символическим» методом выявляется телеологическая функция первой (основной) согласной буквы слова;

— Первая буква в слове «управляет» остальными, подчиняя их себе;

— Знание основ словотворчества позволяет создать «чистый», «заумный» язык, в котором отражается пространственная структура мира;

— Словесная практика, язык представляют собой «игру в куклы».

В философии истории В. Хлебникова концепция исторического времени раскрывается через понятия: «лучи свободы», «лучи падения государств», «лучи захватнических походов», «лучи падения господствующих идей», «лучи морских битв»... Философия языка В. Хлебникова также опирается на положение, что языку присущ «лучевой взгляд на жизнь»¹⁵. В первом случае «будетлянин» подчеркивал, что в историческом времени представлены одновременно несколько магистральных векторов фатальной последовательности исторических событий как на уровне жизни отдельного индивида, так и на уровне социума в целом. Во втором случае В. Хлебников говорит о телеологических характеристиках фонем. И в обоих случаях он утверждает, не доказывая, что исходная точка векторов творчества и исторического времени — будущее. Именно исходя из этого контекста, следует понимать такое высказывание поэта: «Вдохновение есть

(пробежавший) ток ото всего ко мне, а творчество есть обратный ток от меня ко всему»¹⁶.

Влияние творчества Велимира Хлебникова на русскую и мировую культуру XX в. пока достаточно не оценено. Многие новации поэта столь органично вошли в нашу речь, что ссылка на первоисточник зачастую вызывает неподдельное удивление. Иная судьба у хлебниковской концепции заумного языка.

¹ Хлебников В. Собрание произведений. Л., 1931. Т. 4. С. 82.

² Хлебников В. Творения. М., 1986. С. 586; 625,

³ Хлебников В. Собрание произведений. Л., 1933. Т. 5. С. 188–189.

⁴ Там же. С. 270.

⁵ Хлебников В. Зангези. М., 1992. С. 44.

⁶ В Политехническом «Вечер новой поэзии»: Стихи участников поэтических вечеров в Политехническом, 1917–1923. Статьи. Манифесты. Воспоминания. М., 1987. С. 324–325.

⁷ Хлебников В. Зангези. С. 38.

⁸ Хлебников В. Творения. С. 621.

⁹ Там же. С. 624.

¹⁰ Хлебников В. Собрание произведений. Т. 5. С. 266.

¹¹ Хлебников В. Творения. С. 622; 624.

¹² Там же. С. 37.

¹³ Там же. С. 628.

¹⁴ Там же. С. 627–628.

¹⁵ Хлебников В. Собрание произведений. Т. 5. С. 209.

¹⁶ Дуганов Р. В. Велимир Хлебников: природа творчества. М., 1990. С. 86.

А. А. ГОРНЫХ

ПРОБЛЕМА ТЕКСТА: ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Текст как растражированный концепт включает в себя довольно нестрогий набор презумпций «постиндивидуального» модуса существования человека: выделение в рамках языкового онтологизма особой, безначальной «сети» генерации значений без цели и без центра (основной идеи, общей формулы, Автора), сведение к которым задавало каноны классической критики и, шире, философии; указание на анонимность и фрагментарность значений, пронизывающих весь массив человеческого опыта от повседневного обитания до художественного творчества; акцентировка силовых отношений, «формирующих» индивида, и т. д. В данной статье конкретизируется психоаналитическое преломление проблематики текста в сопоставительном анализе идей З. Фрейда и основателя «Парижской школы фрейдизма», автора так называемого структурного психоанализа, Ж. Лакана.

В начале уместно остановиться на смысле лакановского «возвращения» к Фрейду, декларируемого как общий лозунг всего структурного психоанализа. Отношению этих двух школ, конечно, нельзя прописать в простых терминах сохранения, очищения, канонизации доктрины учителя правоверным учеником. Существенным различием двух направлений является такой принципиальный момент, как трактовка символа. Символ, по Лакану, не определяется ни из оппозиции к аллегории как троп, ни противопоставлением буквальному иносказательного смысла вообще. Лакан сходится с Фрейдом в том, что в письменности сновидений мы имеем дело с бессознательным, с «посланиями Другого», но эти послания для Лакана не имеют фиксированного символического кода по типу юнгианского символизма. Пересмотр такого понимания символа осуществлен в работах К. Леви-Стросса, но еще раньше М. Мосс (1923) показал, как дары, которыми обмениваются в примитивных племенах, становятся символами самого акта обмена, т. е. не символизируют ничего ни сами по себе, ни по отношению к тому, что они репрезентируют в различных референциях. Следуя этой антропологической традиции, Лакан определяет символ как элемент закрытой системы, которая приобретает значение только в своих взаимоотношениях с другими элементами этой системы. Если фрейдовские «дома», «башни», «сигары» и т. д. составляли визуальный, образный код (в данном случае фаллический), укорененный в коллективном опыте, то лакановское понятие «фаллоса» — не образ, ни тем более часть тела, но всегда индивидуальное означающее. Символическое как бы разворачивает потенцированное Воображаемое через метонимию в частности. С формально-риторическим механизмом этого тропа совмещает алгоритм бессознательного — табуированный или запрещенный объект замещается, переносится на другой образ, посредством которого впредь субъект будет дотягиваться до желанного объекта (по типу того, как отец (биологический) — через языковую проработку — замещается Именем Отца, что позволяет ребенку занять его

место «мирным путем» и разрешает напряжение непосредственной семейной ситуации).

Несмотря на обрисованные различия, тезис «возврата к Фрейд» подкреплен реальным содержанием, что мы попытаемся показать на том же материале «символического» (одном только пункте встречи-расхождения, не исчерпывающем, естественно, плодотворного диалога Лакана с Фрейдом). Основополагающей в этом отношении следует признать раннюю работу Фрейда «Толкование сновидений» (1900), содержащую иной вариант теории символа. Как бы предваряя структуралистский вопрос «кто говорит?», Фрейд формулирует свою проблему следующим образом: откуда проистекает «странная и причудливая», осуществленная в сновидении форма желаний? Фрейд выдвигает два допущения: первое, что сновидения представляют собой вполне осмысленное явление; и, второе, что, тем не менее, они в качестве осмысленного феномена гораздо дальше отстоят от мышления наяву, нежели считалось относительно сновидения-бессмыслицы. «Она (деятельность сновидения или, в лакановской транскрипции, субъект бессознательного — А. Г.) вовсе не небрежнее, не слабее и не менее исчерпывающе, чем бодрствование мышление (или Эго — А. Г.): она представляет собой нечто совершенно отличное в качественном отношении... Она не мыслит, не считает, не судит — она ограничивается одним только преобразованием».¹

Эти преобразования задают тектонику формальных особенностей сновидения и прибегают к логическим связям как вспомогательному средству, зачастую вообще игнорируя их. К преобразованиям относятся прежде всего: сгущение и смещение (передвигание). Эта деятельность сновидения относится исключительно к сфере бессознательного. Фрейд подчеркивал, что при анализе сновидения он требовал, чтобы сообщающий его отрешился от всех градаций уверенности в точности передачи «виденного». Этим, считает Лакан, Фрейд добивался наведение мостов между воспринимаемым и переживаемым планами сновидения, перехода с уровня субъекта достоверности на уровень субъекта бессознательного. В «рассказе» анализируемого то, что считалось «произвольной и поспешно скомпонованной импровизацией», было для Фрейда «святым и неприкосновенным»; его методологическим кредо можно назвать то внимание и значение, которое он придавал самым мелким деталям сновидений, «всякому малейшему оттенку словесного выражения, текста сновидения, даже в тех случаях, когда перед нами бессмысленный или недостаточный текст»². Для Фрейда термин «текст» обозначает, по сути, феномен той особой «прочности психической сети», которая пронизывает все виды «литературы» (рассказы о сновидениях, детстве, проблемах и т. д.) с самым, казалось бы, беспорядочным ходом мыслей.

Итак, имеется некоторая «сеть» содержания сна, не скрепленная ни магистральным сюжетом, ни единой перспективой, ни логической упорядоченностью. Какой же порядок можно извлечь из этого хаоса? Какие аналитические процедуры адекватны этому объекту? Объясняя это, Фрейд прибегает к сравнению (обращение к иносказанию — это в каком-то смысле знак того, что здесь он уже на общем поле со структурным психоанализом, атрибутом которого является метафорический, трудно переводимый язык изложения) сновидения с зашифрованными фразами, как правило, шуточного содержания, помещаемыми на последних страницах журналов для развлечения читателей, которые должны предположить, что имеют дело с латинскими изречениями. «С этой целью, — пишет Фрейд, — отдельные буквы располагаются в другом порядке. Местами действительно образуется настоящее латинское слово, местами нам представляются обрывки таких слов и местами, наконец, стершиеся буквы и пробелы надписи вводят нас в заблуждение относительно бессмыслицы всего целого. Не желая обманываться, мы должны (здесь Фрейд переходит к смыслу собственной аналитики), не обращая внимания на все реквизиты надписи, считаться только с буквами и, вопреки их данному расположению, соединять их в слова нашего родного языка»³. Таким образом, вопрос о «странной» осуществленной форме желаний по сути остается безответным: что поставить на место составителя фразы-загадки? Она такова, потому что такова. Но определяется процедура «текстуального» анализа: текст сновидений нужно исследовать скрупулезно постольку, поскольку это путь к выявлению расстановки слов «родного языка», поскольку это вариант Текста — анализа, направленного на поиск «ритма» членения, на возникающие вследствие этого прерывности напластования и разрывы «ткани» сна (а большая часть работы сна, отмечает сам Фрейд, построена на том, что сновидения «ловко пользуются двойным смыслом слов» — не образов — в диапазоне от «филологических фокусов детей» до «процессов, подобных стихосложению»⁴), которые являются результатом работы «приемов» преобразования: сгущения, смещения. «Мысли, которые скрываются за сновидениями и которые всплывают при его толковании, должны оставаться незавершенными и расходиться во все стороны сетевидного сплетения нашего мышления. Над самой густой частью этой сети и возвышается желание сновидения»⁵. Если, таким образом, понимать символичность желаний как формальные сгущения (разрывы)

мышления, то становится понятным аксиоматическое для Лакана утверждение о том, что в VII главе «Толкования сновидений», и в частности в параграфе «Забывание сновидений» (из которого взята последняя цитата), «Фрейд попросту отсылает к игре означающих»⁶.

Все же, несмотря на такие по видимости полные совпадения, следует признать, что решительный поворот к тому, «как индивид выбирает слова?.. каким образом говорится о (тех или иных) вещах?»⁷, в качестве основы техники анализа осуществлен именно в концепции Жака Лакана. Обратимся непосредственно к последней.

«Квалифицирован ли я?» — таким обоюдоострым вопросом Лакан открыл свои семинары в 1964 г. Этот вопрос одной гранью обращен к коллегам, другой — в виде проблемы «предполагаемого субъекта знания» — к пациентам. Поводом его возникновения, на наш взгляд, служит проблематика текста. Объяснимся предварительно с помощью К. Леви-Строса, разъясняющего специфику «первой формы психоанализа» — шаманства: «В отличие от научного объяснения, — писал французский этнолог, — речь идет не о том, чтобы установить связь беспорядочных, неорганизованных состояний, эмоций и представлений с какой-то объективной причиной, но об их выражении в качестве чего-то цельного или об их построении в систему, позволяющую в определенной степени выделить или объединить эти смутные... состояния...»⁸.

Не трудно заметить, что в двух режимах работы сновидения — сгущении и смещении — легко опознаются риторические тропы, метафоры и метонимии, «работающие» сходным образом. Отсюда можно сделать следующий, менее очевидный, шаг и попытаться проинтерпретировать лакановское положение о том, что бессознательное структурируется как язык. «Каждый язык организует эти фонемы (двенадцать пар, выделенных Якобсоном — А. Г.) во все более сложные единицы звуков, слов и высказываний. Такая организация направляется законами подбора (метафора)... и комбинирования (метонимия)...»⁹. Учитывая сказанное, можно выделить то сходное, что объединяет психику и лингвистическую систему: аналогичный способ функционирования посредством подстановок и комбинирования — метафоры и метонимии. Далее, «Self (самость — А. Г.) выбирается на основании идентификаций с образами (метафора) в пределах референциального контекста комбинаций объектов (метонимия)»¹⁰. «Я», самость индивида тем самым представляется двусторонним оттиском лингвистической и бессознательной матриц, от прилегания и неприлегания которых зависит его «экзистенциальная» конфигурация.

Чтобы иметь возможность «оперировать» в пределах символического «тела» пациента, нужно развернуть (реконструировать) точечную интегральность «Я». Это пункт жесткой конфронтации Лакана с эго-психологией, «психоаналитической ортопедией врачей второго и третьего поколения», в погоне за адаптивным, сильным Эго, по существу, подавляющим бессознательное, которое обретается в тревожной подвешенности, задержке наступления, в том, что Лакан обозначает как зазор, пробел, зашиваемый эго-психологами суровой нитью. Необходимо растянуть плотно пригнанный коммуникативный дискурс и выявить эти пробелы, обеспечивая поле аналитической работы; необходимо перейти от речи, обращенной к Ближнему, к речи, адресованной Дальнему.

Отсюда вытекает оригинальная версия психоаналитического перенесения. Трансфер, по Лакану, не есть идентификационная проекция, но задействование реальности бессознательного, которое достигается не особыми манипуляциями, а, скорее, молчанием психоаналитика. «Присутствие аналитика — само по себе является обнаружением бессознательного... и, далее еще один вариант определения специфики структурного психоанализа, — сам этот факт должен быть включен в понятие бессознательного»¹¹. Психоаналитик как бы моделирует ситуацию инфантильного вхождения в язык, чтобы внести необходимый ритм членения, сделать речь «полной», восстановить Текст желания как некую изначальную связанную систему означающих. Невротически отягощенный анализируемый страдает отсутствием значения собственного желания, он не знает, чего он хочет, и в лице аналитика ожидает встретить того, кто это знает за него, «предполагаемого субъекта знания». И аналитик выдает себя за такового, хотя он и не «квалифицирован» в этой области, т. е. не обладает таким знанием. Квалификация в этом смысле очень условна, она заключается в обладании «инструментом», посредством изоморфности которого с бессознательным, сферой институирования желания «врач» вмешивается в формирование последнего. Из того, что этим «инструментом» оказывается язык, вытекает парадоксальное следствие: «интерпретация аналитика попросту отражает тот факт, что бессознательное... в своих проявлениях — сновидениях, оговорах, описках, остротах или симптомах — уже наращивается интерпретацией»¹².

То, что психоанализ инициировал фундаментальные философские сдвиги на пути от классического познания к обоснованию современных гуманитарных наук, очевидно. Траектория, которую «прочертил» картезианский субъект в XX

веке, кратко описывает этот излом. «Новый субъект» (или, скорее, новый «субъект»), субъект желания и по-новому ставит ряд принципиальных, не только для современной гуманитаристики, проблем. Одна из основных — отчуждение человека. При ее разработке (здесь речь идет главным образом о структурном психоанализе) особенно наглядна антимодернистская направленность современности, среди наиболее ярких манифестаций которой — проблематика текста. Феномен отчуждения укоренен в человеческой природе гораздо глубже абстрактно-логического, экономического и т. п. уровней, его преодоление невозможно ни рационально-педагогическими интервенциями, ни путем следования более осторожным фрейдовским рекомендациям большей гибкости культурных императивов, своим ригоризмом загоняющих человека в невротические тупики. Как горизонт желания этот феномен неустраним вообще — таков диагноз современного критицизма. Желание — это эффект символической артикуляции, фундаментального символического строя культуры. Это не аппетит (по удачному сравнению Алана Шеридана), это нечто эцентрическое и ненасытное, так как связано не с объектом, удовлетворяющим его, но с объектом, его вызывающим, — и в этом смысле вся культура, а не только культура общества потребления, по сути фетишистская. Желание — это то, что не может быть удовлетворено, ибо оно существует в виде Текста, который относится к сосюровскому языку как «литературная способность», о которой говорил Барт, к языку грамматических учебников. Вот что пишет об одном из его аспектов американский культуролог Ф. Джеймисон: «...Для Фрейда и Лакана желание необходимо возникает в «связном» виде, то есть неотделимо включенным в определенное представление или структуру образа, или инстинктивную «наррацию», или «текст» (...) В этом смысле не существует чистых инстинктов, или импульсов, которые затем подыскивают подходящие реальные или воображаемые объекты. Настолько глубоко, насколько можно проникнуть в психику, желание всегда обнаруживает себя как уже кристаллизованное или артикулированное в особой конфигурации. Вот почему деятельность желания вонне никогда не может быть успешной: как бы буквален ни был ответ действительности, всегда должно оставаться структурное, точнее, онтологическое несоответствие между «текстом» желания и «реальностью» его воплощения субъектом...»¹³.

Некоторые интерпретаторы говорят о «смертельном отказе от своих подлинных (?) желаний»¹⁴, о задаче «создать новый (?) язык удовольствия... который посредством устранившихся репрессивных компонентов нашего существования освободит нас»¹⁵, находясь в фарватере «классического» Фрейда (хотя на двусмысленность союза проговаривания-лечения обращала внимание еще М. Клейн, наблюдавшая при «talking cure» возрастающую тревогу и беспокойство пациента от самого процесса вербализации). Но это, на наш взгляд, проходит мимо, быть может, основного пафоса «честности в интеллектуальных вещах до жесткости» (Ницше), деромантизирующего концепцию «дара» (речи, культуры), подчеркивающего метафизический травматизм судьбы человека, неисполнимость его желания и необходимость это желание воспроизводить в его неисполнимости.

¹ Фрейд З. Толкование сновидений. Ереван, 1991. С. 360–361.

² Там же. С. 366.

³ Там же. С. 360.

⁴ Фрейд З. Психология бессознательного. М., 1989. С. 321–322.

⁵ Он же. Толкование сновидений. С. 374.

⁶ Ласан Ж. The four fundamental concepts of psychoanalysis. London, 1977. P. 24.

⁷ Schneiderman S. Returning to Freud: Clinical Psychoanalysis in the school of Lacan. London, 1980. P. 11.

⁸ Леви-Строс К. Структурная антропология. М., 1985. С. 162.

⁹ Raglan-Sullivan E. Jacques Lacan and the philosophy of psychoanalysis. Chicago, 1986. P. 164.

¹⁰ Ibid.

¹¹ Ласан Ж. The four fundamental concepts of psychoanalysis. P. 125.

¹² Ibid. P. 130.

¹³ Jameson F. Fables of aggression. Berkley, 1979. P. 165.

¹⁴ Качалов В. П. // Лорос. 1992. № 3. С. 181.

¹⁵ Kurzweil E. The age of Structuralism. New York, 1980. P. 152.

Паліталогія Сацыялогія

А. П. МЕЛЬНИКОВ

ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТОЛОГИИ В РАБОТЕ АРИСТОТЕЛЯ «ПОЛИТИКА»

Центральной проблемой «Политики» является вопрос о происхождении и сущности государства. Уже первая книга работы начинается словами о том, что всякое государство представляет собой своего рода общение. Всякое же общение организуется ради какого-либо блага. И дальше рассмотрение государственности прослеживается во всем тексте «Политики».

В своем учении о сущности государства Аристотель порывает с религиозными представлениями о его происхождении и ищет естественные причины образования данного социального феномена. Он заявляет, что человек есть существо политическое и что государство основывается на природном влечении людей к общению и общежитию.

Это влечение приводит, прежде всего, к образованию семьи. Аристотель знает лишь семью рабовладельческого общества и, разумеется, считает ее первой естественной формой общежития. В его изображении семья имеет три парные части и соответствующие им три типа отношений. Части семьи — это господин и раб, муж и жена, отец и дети. А отношения делятся на господские, супружеские и родительские.

Второй этап образования государства — селение, община, которые состоят из нескольких семей. Это фактически разросшаяся, большая семья, но ее интересы уже не ограничиваются кругом обыденных проблем, ибо появляются и другие, более возвышенные потребности.

Необходимость объединения людей в семьи и селения Аристотель выводил не только из естественной потребности людей к совместной жизни и к взаимопониманию, но и, как уже отмечалось, из того важнейшего в его системе предположения, согласно которому, человек уже родится политическим существом и несет в себе инстинктивные стремления к «совместному сожителству» и к политической жизни.

Третий этап образования государства — возникновение его из нескольких селений, или общин. Поскольку государство, в представлении Аристотеля, есть развитое общение селений, а селение — развитая и раздробившаяся семья, формы организации семьи были перенесены им и на государство. Старший в семье оказывался облеченным полномочиями царя. И так как государства образовались из элементов, признававших над собой царскую власть, греческие государства вначале управлялись царями. Аристотель доказывал даже всеобщность этой первой, по его мнению, государственной формы ссылками на то, что и современные ему варварские племена управляются царями.

Вместе с тем он подчеркивал, что в отличие от семьи и общины, основанных на стремлении к продолжению рода и на отцовской власти, государство образуется благодаря моральному общению между людьми. Политическое сообщество опирается на единомыслие граждан в отношении добродетели. Государство создается ради общей пользы.

Для Аристотеля, как и для Платона, государство представляет собой некое единство составляющих его частей, но он критикует платоновскую попытку «сделать государство чрезмерно единым». Государство состоит из множества элементов и чрезмерное стремление к их единству, например предлагаемая Платоном общность имущества, как и детей, приводит к его уничтожению. Аристотель выступает убежденным защитником прав индивида, частной собственности и семьи. Частная собственность, отмечал он, коренится в природе человека, в его естественной любви к себе.

Подытоживая свои рассуждения по поводу различных видов общежития, Аристотель дает следующее определение рассматриваемому понятию: государство — это «общение подобных друг другу людей ради достижения возможно лучшей жизни»¹. Само собой разумеется, под людьми подразумеваются только свободные граждане, независимо от того, бедные они или богатые. Варвары и рабы людьми не считались. Рабство Аристотель полагает необходимым и вполне естественным. Оспаривая утверждения некоторых софистов о естественном равенстве людей, он замечает, что существуют люди, по своей природе предназначенные быть рабами. Таковыми являются, например, варвары. Варвар и раб по своей сути понятия тождественные. Греки нигде не должны быть в положении рабов. Варвары же, напротив, самой природой предназначены быть рабами, которые в такой же степени отличаются от других людей, в какой душа отличается от тела, а человек — от животного.

Аристотель предпринял попытку всесторонней разработки науки о политике. Термин «политика» происходит от греческого слова «полис», что означает одновременно и «город» и «государство». Поэтому те народы, которые не приобщились к жизни в «государстве-городе», остаются как бы вне пределов греческой политики как науки о государстве.

Политика как наука у Аристотеля тесно связана с этикой. Научное понимание политики предполагает, с его точки зрения, развитые представления о нравственности, знание этики. Целью политики является воспитание прекрасных качеств граждан, достижение справедливости и общего блага. Таким образом, под политикой Аристотель понимал управление обществом через государство как особый аппарат, а также управление самим государством. Несомненно, что политику как науку Аристотель считал наиболее практически заостренным знанием, обеспечивающим достижение «общей пользы». Он называл ее самой могущественной и архитектурной наукой, определяющей состояние и всех других наук, в которых нуждаются государства и которым следует обучать отдельных лиц. В зависимости от нее находятся стратегия, экономика и риторика. Ее цель охватывает цели всех остальных наук.

Много внимания в «Политике» уделяется анализу форм государства. Форма государства, по Аристотелю, — это организация государственной власти, в первую очередь, — высшей власти. Вместе с тем это ее важнейший жизненный принцип: она одна — у аристократии, другая — у олигархии и третья — у демократии. Идеалом аристократии является добродетель, олигархии — богатство и демократии — свобода.

Чем определяется многообразие политического устройства? Оно обусловливается тем, что государство есть сложное целое, состоящее из многих социальных компонентов. У каждого компонента свои представления о счастье и средствах его достижения. Каждый элемент стремится взять власть в свои руки, установить свою форму правления. Кроме того, по мысли Аристотеля, одни народы поддаются только деспотической власти, другие могут жить при царской, а для третьих нужна свободная политическая жизнь. Однако главная причина в том, что во всяком государстве происходит столкновение прав, ибо на власть претендуют и благородные, и свободные, и богатые, и «достойные», а также вообще большинство, которое всегда имеет преимущество перед меньшинством. Поэтому и возникают, сменяя друг друга разные политические устройства.

Классификацию форм государства Аристотель осуществляет по нескольким признакам. Он различает формы государства, во-первых, в зависимости от количества властвующих, исходя из того, властвует ли один, многие, большинство; во-вторых, формы правильные и неправильные или извращенные; при первых — властвующие имеют в виду общее благо, при вторых — только личную выгоду. В результате у него получается следующая классификация форм государства: три правильные — монархия, аристократия и полиция и три неправильные — тирания, олигархия и демократия.

Власть одного, направленная на общее благо, именуется монархией. Монархия — это древнейшая форма политического устройства. Аристотель перечисляет виды царской власти, говорит о патриархальной и абсолютной монархии. Последняя, на его взгляд, допустима в том случае, если в государстве есть человек, который по своим качествам превосходит абсолютно всех других. Такой человек является как бы богом среди людей. Поэтому он имеет право на абсолютную власть.

Власть немногих, правящих в интересах общего блага, называется аристократией. Эти немногие обладают высокими личными достоинствами и эта форма правления возможна там, где личное достоинство ценится народом. Так как такое достоинство присуще обычно благородным, то при аристократической форме власти они и правят.

Власть большинства, правящего в интересах всех, называется политией. Этим трем правильным формам соответствуют три отклонения от них.

Отклонение от монархии — тирания. Аристотель считает ее не соответствующей природе человека и требует восхвалять больше не того, кто убьет вора, а того, кто уничтожит тирана.

Отклонение от аристократии мыслитель называет олигархией. Олигархия — это тоже власть меньшинства, но только не достойных, а богатых. Главным признаком аристократии, в отличие от олигархии, он считает не богатство, а достоинство.

И наконец, отклонение от политики Аристотель называет демократией. Демократия, по его мнению, — это власть бедного большинства. Она бывает двух видов: демократия, основанная на законе, и демократия как власть в руках толпы, точнее, в руках демагогов. Это охлократия, она уже выходит за рамки политического устройства. Демократию же, основанную на законе, он считал самой «сносной» из всех худших форм политического устройства.

Классификация форм государства, разработанная Аристотелем, оказала сильное влияние на последующую политическую мысль как в средние века, так и в новое время.

В пятой книге «Политики» Аристотель основное внимание сосредоточивает на причинах государственных переворотов, смены форм правления. Одной из главных причин государственных переворотов, по его мнению, являются попытки устранить существующее неравенство; другой, не менее важной, причиной выступает стремление имущих усугубить неравенство и создать для себя новые преимущества. Аристотель называет и иные, менее существенные факторы переворотов, причины психологического порядка: наглость, корыстолюбие, страх и т. д.

Наибольший интерес представляют рассуждения мыслителя о причинах переворотов в аристократиях и полициях. Обращает на себя внимание тот факт, что эти причины неотличимы от причин революций в олигархиях и демократиях, поскольку аристократия — разновидность олигархии, а полиция — смешение демократии и олигархии. Отличие этих форм правления от олигархии и демократии лишь в степени преобладания в них аристократических, демократических или олигархических социальных элементов и принципов формирования власти. Однако поскольку в полициях демократический элемент выражен более ярко, чем в аристократиях, она скорее превратится в демократию, чем аристократия. Наиболее же вероятное изменение последней — в сторону олигархии, хотя, подчеркивает Аристотель, возможен и обратный процесс: аристократии могут превратиться в демократию (в случае особого недовольства масс), а полиция — в олигархию (случай, когда общественное мнение складывается в пользу повышения избирательного имущественного ценза). Но общая тенденция всех аристократий — олигархическая, а политий — демократическая².

Различия между олигархией и демократией, с одной стороны, и аристократией и политией — с другой, становятся еще менее заметными, когда Аристотель переходит к изложению своих рекомендаций по укреплению стабильности всех этих форм правления. Различия в рекомендациях прослеживаются лишь в отношении родовых (олигархия и демократия), но не видовых (аристократия и полиция) форм. Однако и они носят весьма относительный характер и сводятся в основном к вопросу о социальной тактике правящих групп: в демократиях им следует щадить богатых и не потакать демагогам, а в олигархиях, напротив — хорошо относиться к бедным, по крайней мере, делать вид, что о них проявляется забота. В остальном же для обеих этих родовых форм, как и для видовых, рекомендации едины: соблюдать законность, воспитывать граждан в духе конституции, избегать крайностей, абсолютизации принципа свободы в демократиях и принципа богатства — в олигархиях. Хотя демократия и олигархия — отклонение от идеала, все же они могут быть вполне приемлемыми формами правления. Доведение же их принципов до крайностей в конце концов обязательно приведет к вырождению государственного строя, к превращению его в состояние, которое уже никак нельзя назвать конституционным. Таким крайним соединением пороков демократии и олигархии и является тирания³.

Наилучшей формой государственного устройства Аристотель считал полицию. Объединяя в себе лучшие стороны олигархии и демократии, она свободна от их недостатков и крайностей. Полиция — это «средняя» форма государства, и средний элемент в ней доминирует во всем: в нравах — умеренность, в имуществе — средний достаток, во властвовании — средний класс. Государство, состоящее из «средних» людей, считал он, будет иметь наилучший государственный строй.

Таким образом, в своей «Политике», равно как и в других произведениях, Аристотель охватил огромный круг проблем общественной и политической жизни, сделал ряд важных наблюдений и выводов, а также ценных догадок, подвинувших вперед политическую науку древности. Можно без преувеличения сказать, что он сделал политику наукой, и в этом смысле является основоположником, родоначальником политологии. Его учение оказало огромное влияние на последующее развитие политической мысли.

¹ Аристотель. Соч.: В 4 т. М., 1983. Т. 4. С. 603.

² Там же. С. 542 — 543.

³ Там же. С. 548.

Н. В. АБЛОВАЦКАЯ

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ СОЦИАЛЬНОГО КОНФЛИКТА В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОЙ БЕЛАРУСИ

Социальный конфликт, как это признано в марксистской и западной социологии, является одним из неотъемлемых признаков любого общества. В современных теориях социального конфликта доказанным научным фактом является взаимосвязь между количеством конфликтных ситуаций в обществе и глубинными социальными трансформациями. Большинство классических и современных исследователей социального конфликта (Л. Козер, Р. Дарендорф, М. Дойч, Л. Крисберг, Х. Блэлок) признают, что он является именно тем фактором, который в решительной мере способствует социальным переменам и установлению инновационных прецедентов социальных структур и моделей интеракции как внутри конфликтующих групп, так и для общества в целом.

В последнее время исследователи социального конфликта наибольшее внимание уделяют возникновению и формированию чувства неудовлетворенности и недовольства у членов конфликтующих групп. Повышенный исследовательский интерес к упомянутому аспекту объясняется тем, что возникновение и степень чувства неудовлетворенности у членов различных социальных групп являются основной предпосылкой возникновения конфликта, а также тем, что степень неудовлетворенности и недовольства членов конфликтующих групп существенно влияет на то, какую форму конфликт примет и каким образом будут происходить динамические процессы на различных его стадиях. Идентификация причин и актуальных признаков возникновения чувства неудовлетворенности и недовольства у различных социальных групп является особенно важной для таких социумов, которые балансируют на грани открытых насильственных конфликтов. Своевременная идентификация возможных причин роста недовольства, а также устранение или снижение амплитуды его действия в социумах такого типа может предотвращать вспышки насилия.

Согласно теории, неудовлетворенность и недовольство не являются единственными причинами возникновения социальных конфликтов, однако играют существенную роль в их возникновении. Источники недовольства могут корениться как в различных интеракционных отношениях, так и в характеристиках самих конфликтующих единиц. Таким образом, источниками недовольства могут быть: а) отношения между двумя соперничающими группами; б) окружающая группы социальная среда; в) специфические особенности членов группы¹.

Задача данной статьи — рассмотреть, хотя бы в общих чертах, влияние окружающей социальной среды на генерацию и накопление чувства недовольства у индивидов, принадлежащих к различным социальным группам, обращая особое внимание на факторы изменений в достижениях и ожиданиях индивидов. Недовольство возрастает, когда индивиды ощущают, что они должны или могли бы иметь больше, чем имеют в данный момент. Несоответствие между ожиданиями и достижениями, как предполагается, является фундаментальной основой для возникновения насильственных конфликтов².

Различного рода изменения как в ожиданиях, так и в достижениях индивидов могут вылиться в нежелательное увеличение разрыва между уровнем достижений и уровнем ожиданий. Возможны, по крайней мере, три варианта изменений упомянутого типа.

Первый тип изменений встречается в жизни наиболее часто: члены общества, организации или группы получают все уменьшающееся количество благ по сравнению с тем, что они имели раньше. Подобная ситуация может сложиться в силу различных причин, в том числе и когда некоторая социальная группа подавляет автономию или благосостояние индивидов, испытывающих снижение уровня достижений. В то же время уровень ожиданий упомянутых индивидов остается прежним, и, следовательно, фактором, вызывающим чувство недовольства при этом типе изменений, будет снижение актуальных достижений индивидов.

Второй тип изменений характерен для революций³, которые имеют место не после долговременного периода аномии или кризиса в обществе, но происходят в период относительно улучшающихся условий жизни индивидов. Именно улучшающиеся условия, которые затем ухудшаются, особенно способствуют возникновению чувства недовольства. Ожидания индивидов продолжают расти в соответствии с уровнем, который был продиктован предыдущим опытом достижений.

Однако даже замедление прогресса при продолжающемся росте достижений воспринимается индивидами как депривация.

Третий тип изменений появляется в результате увеличивающегося разрыва между ожиданиями и достижениями, когда неудовлетворенные ожидания индивидов, по их мнению, не соответствуют тем достижениям, которыми они обладают в данный момент. Именно к этому типу изменений может быть отнесена концепция «революции ожиданий», развиваемая западными социологами применительно к сущности социальных изменений, происходящих в экономически слабых посттоталитарных и развивающихся странах. Неудовлетворенность индивидов в таких странах возрастает по мере того, как им становится известно о высоком уровне жизни в экономически развитых обществах.

Приведенная теоретическая модель, как и любая теоретическая модель вообще, не охватывает всех причин роста недовольства трудящихся. Недовольство может возникать не только из-за несоответствия между ожиданиями и достижениями, но и по другим причинам. Кроме того, недовольство не всегда выливается в конфликтное поведение. Возникновение конфликтного социального взаимоотношения и выбор группой способов преследования целей зависят и от множества иных факторов. В конце концов, конфликтное поведение может развиваться не потому, что у членов группы возросла неудовлетворенность, а потому что группе представляется допустимым и возможным изменить баланс сил в данной ситуации.

Модель изменений ожиданий и достижений также имеет некоторые теоретические ограничения использования ее в качестве объясняющей сущность недовольства, ведущего к последующему конфликтному поведению. Во-первых, индивиды могут достаточно долго существовать в тяжелых материальных условиях и не вступать в социальный конфликт только потому, что им постоянно обещается улучшение в будущем. Во-вторых, если условия жизни индивидов в течение некоторого времени улучшались, то возможно, что последующее их ухудшение будет воспринято менее остро, чем ситуация, в которой ухудшение условий жизни произошло бы непрерывно. Кроме того, при определенных обстоятельствах новая депривация может восприниматься индивидами как их собственная ошибка и способствовать возникновению или углублению чувства собственной вины и самокритики; в подобной ситуации чувства недовольства у индивидов даже не возникает. В другом случае депривация может уменьшать позитивные чувства, но не способствовать усилению негативных sentiments, что в балансе отразится на уровне удовлетворенности индивидов, однако все-таки не вызовет социальных конфликтов. В конце концов, улучшение условий жизни индивидов может быть настолько радикальным, что произойдет удовлетворение, а не интенсификация ожиданий.

Беларусь как молодое самостоятельное государство посттоталитарного периода переживает значительные социальные изменения. Направленность этих изменений, с одной стороны, определяется процессами экономического спада, а с другой стороны, некоторой социальной и политической нестабильности, характерной для развития любого посттоталитарного общества. Классифицировать изменения, происходящие в Беларуси, относительно одного из названных типов изменений ожиданий и достижений было бы, вероятно, некорректно, так как, на наш взгляд, специфика ситуации может быть охарактеризована как постепенная смена изменений в ожиданиях и достижениях первого типа.

В Беларуси прослеживается постоянный рост несоответствия между ожиданиями и достижениями. В промежутке между периодами роста ожиданий и уменьшения достижений амплитуда несоответствия между ожиданиями и достижениями все-таки уменьшилась за счет их одновременного снижения, что, возможно, способствовало сохранению некоторого константного уровня социального недовольства. Однако позднее в обществе начинает преобладать первый тип изменений и соответственно происходит дальнейший рост социального недовольства.

Продолжающийся экономический спад, выражающийся в снижении жизненного уровня, гиперинфляции и обнищании основной массы населения, однако, не ведет к снижению (или росту) уровня ожиданий. Планируемые изменения финансовой системы Беларуси (вхождение в рублевую зону), скорее всего, будут способствовать некоторому росту ожиданий, в то время как реальные достижения индивидов могут либо остаться на прежнем уровне, либо возрасти. Однако даже при возможном перспективном росте актуальных достижений социологический прогноз роста недовольства среди различных социальных групп белорусского общества и соответственно увеличения опасности возникновения насильственных социальных конфликтов в государстве остается актуальным. Основой для роста недовольства останутся все то же увеличение разрыва между ожиданиями и достижениями индивидов, но только сущность этих изменений теперь уже будет определяться опережением возрастания уровня ожиданий по отношению к возрастанию уровня достижений.

Таковы, на наш взгляд, ближайшие перспективы развития социальной ситуации в Республике Беларусь. Несомненно, действительное развитие событий всегда гораздо сложнее, чем любая теоретическая модель, однако сущность социологического прогноза и заключается в том, чтобы выдвинуть теоретически корректную гипотезу об общей направленности развития событий внутри той или иной социальной группы. На наш взгляд, социальная напряженность и опасность возникновения крупных социальных конфликтов в белорусском обществе будут углубляться.

¹ См.: Kriesberg L. Social Conflicts. Prentice-Hall, Englewood Cliffs, 1982. P. 72.

² См.: Gurr T. Why Men Rebel. Princeton; New York, 1970; Blalock H. Power and Conflict: Toward a General Theory. SAGE Publications, 1989.

³ См.: Davies J. // American Sociological Review. V. 27 (February 1962); Brinton C. The Anatomy of Revolution. New York; Vintage, 1955.

Н. А. ЕЛСУКОВА, Е. А. КЕЧИНА

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СОЦИАЛЬНОГО МОНИТОРИНГА

Общество — это сложноорганизованная, динамичная, быстроизменяющаяся система. Проблемы организации, управления и изучения этой системы предполагают получение и использование сложных потоков информации политического, экономического и социального содержания. Эта информация, как правило, не систематизирована, не сопоставима, получена из разных источников и по разным методикам, обладает различной степенью достоверности, содержит дублирование сведений и характеризуется избыточностью данных по одним проблемам и недостаточностью по другим, что и создает трудности для научно-социального исследования. Поэтому для получения достоверной информационной картины социальной реальности, динамики происходящих социальных процессов в конкретном пункте, регионе, стране необходим специальный сбор и обработка таких сведений, которые наиболее полно отражают социальные изменения, относительно легко поддаются классификации, систематизации и обобщению в количественной форме.

Понятно поэтому, что совершенствование методологии организации поиска, хранения, обработки такого рода данных, развитие средств эффективного их использования имеет важное самостоятельное значение для развития современного обществоведения.

На наш взгляд, наиболее эффективным способом решения таких проблем является организация социального мониторинга — непрерывного и оперативного получения данных о явлениях и процессах, происходящих в обществе. Мониторинг как процесс получения социальной информации является целостной системой, позволяющей фиксировать, хранить и производить первичный анализ получаемых сведений. Сбор данных в форме мониторинга предполагает наличие теоретической и методологической базы и технических средств его осуществления.

Теоретическое обеспечение функционирования системы мониторинга — это программа сбора информации, система социальных индикаторов, методы обработки первичной информации, получаемой в ходе сбора данных, разработка форм представления и хранения этой информации.

Техническое обеспечение мониторинга — это разветвленные сети каналов связи, охватывающие все объекты наблюдения, крупный головной вычислительный центр и более мелкие (областные, районные, городские) вычислительные центры, а также специальная вычислительная техника. Это полная схема технического обеспечения мониторинга. На практике она может сужаться, так как не все вычислительные центры могут быть представлены в полном объеме в этой системе.

Мы рассматриваем не просто мониторинг, а мониторинг социальный, поэтому необходимо уточнить особенности представляемой им информации, охарактеризовать его основные черты, принципы организации и проведения. С нашей точки зрения, наиболее полную картину социальных явлений, их динамизм и специфику изменения дает социологическая (результаты социологических исследований) и статистическая (данные статистических органов) информация.

Социологические и статистические данные отличаются по специфике отображения объектов наблюдения, по методам сбора информации, по степени охвата изучаемых совокупностей и т. д. Кроме того, социологическая информация — это результат работы исследовательских коллективов социологов, а статистическая — результат деятельности органов статистики. Социальная информация может поступать по двум каналам: исследования социологических организаций и

данные статистических органов. Поэтому в системе социального мониторинга необходимо выделить две подсистемы: социологический и статистический мониторинги.

Отметим, что обе эти подсистемы могут существовать и самостоятельно, независимо друг от друга, но в таком случае часть необходимой информации (корреляция социологических и статистических данных) будет теряться, а значит, и сведения об интересующих исследователя процессах будут неполными. Именно поэтому наиболее эффективной формой сбора социальной информации является соединение социологического и статистического мониторинга, что мы и относим к категории социального мониторинга.

Социологический мониторинг представляет собой «некоторую целостную систему отслеживания происходящих в обществе перемен на основе исследования и анализа массовых предствлений о них»¹. Его главная задача — получение новой, нужной и систематизированной социологической информации, причем не одновременно, а систематически, через небольшие периоды времени. Важное преимущество мониторинга — сравнимость получаемых данных во времени и пространстве, которую обеспечивает единая система показателей, социологических методов и социологического инструментария.

При мониторинговой форме исследования, как правило, проводятся обязательные ежемесячные и ежеквартальные опросы, а также могут проводиться и еженедельные экспресс-опросы по наиболее актуальным проблемам.

Статистический мониторинг — это система получения количественных характеристик, а именно статистических показателей и коэффициентов о различных сторонах жизни общества. Главная цель статистического мониторинга — сбор и передача некоторого набора показателей социальной и экономической статистики, необходимого для эффективного анализа явлений в политической, экономической, социальной и других сферах. Это не только результаты сплошных обследований, данные текущего учета, но и данные выборочных обследований, например статистика семейных бюджетов. Поэтому при проведении статистического мониторинга, как и при проведении социологического, используется не только стабильный, но и плавающий набор показателей, состав которого определяется краткосрочными и среднесрочными потребностями науки и управления².

Как уже отмечалось, социологический и статистический мониторинги предоставляют различную информацию: социологический мониторинг учитывает субъективные мнения людей по различным вопросам, а статистический мониторинг дает описание различных явлений с помощью объективных количественных характеристик. Однако, несмотря на различие в характере социологических и статистических данных, принципы организации подсистем социологического и статистического мониторинга совпадают, и обе эти системы, объединяясь, образуют единую систему социального мониторинга.

Итак, социальный мониторинг — это разветвленная система получения, обработки и хранения социологической и статистической информации по наиболее актуальным проблемам жизни общества. Основными чертами социального мониторинга являются:

- 1) охват всех значительных социальных явлений в стране;
- 2) наличие определенного постоянного состава показателей и индикаторов (социологических и статистических);
- 3) наличие временных показателей, дополняющих основную систему и изменяющихся в зависимости от потребностей пользователя, что обеспечивает гибкость системы мониторинга;
- 4) передача данных по каналам связи на центральный вычислительный центр, их обработка и хранение;
- 5) проведение мониторинга из единого организационного центра;
- 6) организация доступа потребителей к имеющейся информации.

Важнейшей методологической задачей реализации функций системы социального мониторинга является организация комплексной обработки статистической и социологической информации. Получение данных такого рода позволяет вывести достаточно обоснованные закономерности поведения людей в зависимости от объективных условий жизни, и наоборот, определить, как интересы, ценностные ориентации, мотивы и цели деятельности людей влияют на эти условия. Однако сочетание и сопоставление анализируемых социологических и статистических данных еще не имеет достаточно отработанных методов и приемов, не превратилось в охлажденную систему. Причины этого заключаются в трудности сопоставления не только статистических и социологических показателей, касающихся какой-либо проблемы, но и в сложности сравнения социологических и статистических данных между собой при проведении различных исследований. Мониторинговое исследование значительно уменьшает эти сложности, так как предполагает четкое описание системы показателей, индикаторов, приемов сбора данных, методов их первичной обработки, за счет чего устраняются

различия и неопределенность получаемой информации. Наличие единого центра обеспечивает четкое фиксирование выборки, отслеживание однообразия изучаемого объекта, облегчает сопоставимость и сравнимость получаемой информации на основе заранее выработанных критериев. Другими словами, организация сбора данных в форме мониторинга обеспечивает практически полную сравнимость статистической и социологической информации во времени, в пределах которого и проводится мониторинговое исследование.

При проведении социального мониторинга необходимо соблюдение следующих принципов сбора данных:

- 1) проведение социологических опросов и статистического наблюдения на одних и тех же территориях или административных единицах;
- 2) согласованность сроков сбора социологических и статистических данных;
- 3) единообразие выходных форм для полученных данных;
- 4) отработка критериев корреляции социологических и статистических данных;
- 5) наличие, сохранение и пополнение единого банка социальной информации.

Помимо удовлетворения нужд науки и управления в высококачественной информации о жизни общества, социальный мониторинг должен обеспечивать доступность для любого пользователя имеющейся информации по всем интересующим его вопросам. Доступ пользователя к банку данных может осуществляться либо непосредственно на базе вычислительного центра или сети центров (дисплейные классы), либо посредством подключения индивидуального компьютера пользователя к банку данных через информационные сети. Это технический аспект проблемы. Кроме того, необходимо учитывать следующее: потребитель социальной информации (социолог, политолог, экономист, педагог, управленческий работник, студент и др.) должен получать ее в наиболее удобном виде. Поэтому очень важное значение в системе мониторинга имеет программное обеспечение потребителя, которое должно включать следующие функции:

- 1) предоставление легко воспринимаемой выходной информации;
- 2) осуществление быстрого поиска и отбора информации в соответствии с целями пользователя;
- 3) предоставление возможности выбора методов обработки отобранной информации (различные пакеты прикладных программ) и форм представления конкретных результатов обработки (графики, таблицы и т. д.).

Качественное программное обеспечение — важное преимущество социального мониторинга, ибо в настоящее время поиск нужной информации из-за разбросанности, труднодоступности, неперIODичности источников социологической и статистической информации отнимает у исследователя много времени, а для получения тех же сведений из единого банка данных потребуются минуты.

Новая организация информационного обслуживания потребителей — одно из важнейших направлений повышения качества и эффективности социальных исследований и одна из основных функций системы социального мониторинга в современных условиях.

Система мониторинга обеспечивает потребности науки, управления, образования в основных сведениях о жизнедеятельности людей, о политических, экономических, духовных явлениях и процессах. Конечно, социальный мониторинг не может и не должен подменять всего многообразия социологических и статистических исследований, но он предоставляет информацию, необходимую для эффективного управления социальными процессами, планирования и осуществления социальных программ, для результативных социальных научных исследований. Именно поэтому так важна глубокая разработка принципов организации и проведения социального мониторинга.

¹ Социологические исследования. 1994. № 1. С. 6.

² Гл.: Система показателей социальной статистики: концепция, методология, практика. М., 1991.

Л. М. ПЕТРОВСКАЯ

ТЕНДЕНЦИИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА

Развитие восточноевропейских стран в период перехода к рынку характеризуется снижением темпов роста валового национального продукта, что обусловлено как переходным периодом, так и издержками ликвидированной централизованной системы. Расчеты реального ВВП в бывшем СССР свидетельствуют о прекращении его роста уже в 1986 г. Стагнация динамики реального ВВП на душу населения наступила еще раньше — во второй половине 70-х годов, когда среднегодовые темпы прироста этого показателя составляли 0,8 %. В первой половине 80-х годов они были равны уже 0,6 %. Период перехода к рынку характеризуется кризисным положением экономики, сокращением загрузки производственных мощностей в странах Восточной Европы и республиках СНГ на 40 % и более. Однако нарастающая тенденция изменения структуры производства с целью повышения его конкурентоспособности на основе внедрения НТП, новых технологических характеристик должна обеспечить подъем экономики.

История развития стран с рыночной экономикой свидетельствует, что в определенные промежутки времени у них наблюдалось то замедление, то ускорение экономического роста. Каждое государство включает в свою политику увеличение производственного потенциала, достижение высоких темпов роста производства, стабильности цен, снижения уровня инфляции и безработицы. Все это — слагаемые экономического роста. Отсюда следует и актуальность такой политики, а также моделей, характеризующих рост, учет его факторов.

В теоретическом плане проблема роста стала активно дискутироваться в 60-е годы. Это связано с тем, что ряд стран, особенно ФРГ, в послевоенный период не имели экономических спадов. Поэтому и заговорили о золотом веке, и появились разработки, посвященные определению роста, факторов, его обуславливающих. Однако решение проблемы оказалось непростым. Ибо цикличность производства сегодня приобрела особые параметры: появились циклы длинные, средние, короткие. Далее, наряду с цикличностью наблюдается их нерегулярное колебательное движение. Ряд показателей свидетельствует и об устойчивости тенденции роста. Этим объясняется и разнообразие точек зрения исследователей. Так, известный западногерманский экономист Х. Отт доказывает, что послевоенное развитие ряда стран выдвинуло на первый план теорию роста. Другие западные экономисты, например Е. Классен, утверждают, что необходимо с новых позиций изучать экономический цикл как регулярное колебательное движение. Западногерманский экономист Х. Ю. Рамзер считает, что исследование нерегулярного колебательного развития следует расширить¹. Каждый из авторов, как правило, выделяет то один, то другой фактор экономического развития.

Взаимопереплетенность проблемы роста и циклического движения определяются практикой хозяйственной жизни. Так, влияние кризиса на тенденцию роста проявляется и в том, что спад производства вынуждает предпринимателей снижать издержки производства, развивать инновационный процесс, новые рынки, что в конечном счете обеспечивает рост экономики. Однако многие предприниматели в ожидании спада, рецессии ограничивают риск инвестиций и инноваций, что негативно сказывается на экономическом росте.

Отмечается и обратное влияние роста на цикл. Вследствие низкого роста экономики замедляется ее инвестирование, что вызывает опасность фазы рецессии. Далее, при замедлении экономического роста сокращается потребительский и инвестиционный спрос, возникает опасность спада производства, увеличивается безработица. Итак, тенденция экономического роста осуществляется через

циклическое развитие в едином воспроизводственном процессе. Анализ динамики капиталистического производства показывает, что за каждым кризисом наступает подъем, который по показателям превосходит предыдущий. А в результате этого тенденции роста проходит через колебательное движение: кризис — подъем. В модели же или образце движения капиталистического воспроизводства это представлено как связь циклического развития и роста. Поэтому теорию роста и цикла можно рассматривать во взаимосвязи. Для анализа же оба феномена следует рассматривать отдельно. С этой целью необходимо выяснить, чем определяется возникновение каждого фактора роста. Как он соотносится с другими, каковы его действия и результаты. Возникает и другая постановка вопроса: являются ли факторы подъема и роста идентичными, и какие по степени длительности факторы вызывают цикл и рост? В данном случае также приходится теорию роста и теорию цикла рассматривать изолированно. Теория роста, исключая циклические колебания, выступает как динамичная теория равновесия. Ее задача — выяснить факторы, обуславливающие этот процесс и действующие уже в условиях загрузки экономики.

Теория цикла изучает то увеличивающуюся, то уменьшающуюся экономическую активность, выраженную в периодах подъема и спада². Поэтому следует разграничивать области анализа циклического развития и роста. Если исследуется краткосрочное развитие, то это относится к области теории цикла. Выяснение же условий и причин долгосрочного развития экономики объясняется теорией роста.

Однако недостаточно акцентировать внимание лишь на том, что цикл выражает краткосрочный и среднесрочный периоды развития, а рост — долгосрочный. Так, долгосрочные факторы могут приводить к длинноволновым циклам, которые повторяются через 50 — 60 лет. При этом исследования различаются поступательное и колебательное движения. Для выяснения основного направления движения экономики следует отграничить длинноволновой процесс от роста, а также от фазы подъема. Пока эти части теории не разграничены, не будет четкости в данном вопросе. Так, ряд зарубежных авторов отмечает, что поступательное движение осуществляется одновременно с долгосрочными колебаниями. Западногерманские экономисты К. Вебер, Х. Нейс считают, что циклический ход состоит из фаз ускоряющегося и замедляющегося роста. Поэтому и фаза подъема цикла и рост как поступательное движение слиты воедино.

Несмотря на обилие теоретических разработок, остается открытым вопрос о цикле как колебательном движении и росте как поступательном. Как же его оценить, отличить на практике. В экономической науке мира предлагается рассчитывать рост как статистическое среднее значение величины валового национального продукта.

Анализ темпов развития капиталистических стран привел западных экономистов к выводу, что тенденция роста проявляется циклически. В этом вопросе они единодушны, однако оговаривается, что проблема полностью не изучена. Так, Х. Ю. Рамзер отмечает, что экономистами в основном моделируется спрос, но не предложение. Однако аспект роста должен включать не только спрос, но и предложение, особенно рост факторов производства. Экономические модели полнее объясняют экзогенные факторы роста, а эндогенные рассматривают всего лишь как процесс приспособления предложения к спросу³.

В исследовании экономического роста следует принимать во внимание не только его количественную сторону, что выражается в показателях валового национального продукта, но и качественную, имея в виду уровень производительности труда, качество средств производства, квалификацию рабочей силы. Важным в этом определении является пропорциональность заменяемых частей валового национального продукта, а именно: средств производства и предметов потребления, капитала и сбережений, распределения национального дохода на потребляемую и накапливаемую части. Не менее значимым является и определение темпов роста в условиях полной занятости экономики, оптимальное сочетание всех факторов производства.

Многогранность экономического роста отражается и имеющимися моделями, в которых анализируется то один, то другой фактор. Четкая классификация их позволит системно представить факторы роста, наметить перспективы социально-экономического развития. Для этого следует уточнить модельные величины, пропорциональное соотношение которых определяет различные темпы роста; параметры же моделей характеризуют направление тенденции.

Модельное представление роста, распространенное в экономической науке Запада, можно использовать сегодня и для объяснения специфики экономического роста стран Восточной Европы. Классификация моделей показывает, что они относятся к неокейнсианскому направлению западной экономической науки, неоклассическому и институциональному. Первые два объясняют зависимость темпов роста от различных переменных, выявляют факторы роста, их комбинации, что очень важно для социально-экономического факторного анализа.

В первых моделях известного экономиста Д. Хикса не разграничивалось, что первично, а что вторично в развитии — цикл или рост. В этих моделях экзогенными были инвестиции, которые через действие мультипликатора-акселератора вызвали рост национального дохода. Далее процесс замедлялся, наступала фаза экспансии. Затем — спад производства, акселератор действует как стабилизатор. Однако новые инвестиции вызывают новый подъем экономики, превышающий предыдущий. Тем самым наглядно изображаются колебания национального дохода между двумя граничащими точками с постоянной тенденцией роста. Уже в данном случае Д. Р. Хикс пытался объяснить поступательную тенденцию. Однако исходными постулатами у него оказались компоненты эффективного спроса, которого однако не всегда достаточно для дальнейшего развития экономики. Для достижения полной занятости необходимо и пропорциональное возрастание производственных мощностей, что требует пропорционального сочетания инвестиций развития, сбережений. В модели Домара (неокейнсианской) была сделана попытка разрешить проблему пропорционального возрастания как спроса, так и производственных мощностей с помощью инвестиций.

Из модели Домара следует, что поступательное движение совершается потому, что инвестиции и доход будут возрастать на величину, равную произведению, полученному от умножения предельной склонности к сбережениям на среднюю производительность инвестиций.

Отсюда вытекает и цель модели — объяснение темпа роста инвестиций. Если производственные мощности и спрос возрастают в одинаковом масштабе, то говорят о росте. В этой ситуации производственные мощности полностью загружены и создаются предпосылки поступательного роста. Последний может снижаться из-за нехватки рабочей силы, неполного накопления капитала вследствие недостаточной склонности к сбережению, инновационной готовности, технической динамики, нерешенности проблемы распределения, институциональных и социальных изменений.

Если производственные мощности увеличиваются быстрее, чем спрос, то экономика имеет шансы роста. Если, наоборот, спрос возрастает быстрее, чем производственные мощности, то налицо инфляция. Рост же характеризуется пропорциональным развитием производственных мощностей и спроса.

В данной модели указан лишь прирост мощностей и спроса, но не рассматриваются темпы роста, оптимальное сочетание его факторов, что находит отражение в других неокейнсианских моделях. Так, Харрод ищет гарантированный темп роста производства для будущего, основанный на решениях предпринимателей, исходя из соотношения предложения и спроса предшествующего периода. Если в предшествующий период прогнозы предпринимателей относительно движения спроса оказались правильными и совокупный спрос поглотил все совокупное предложение, то предприниматели планируют темпы роста предложения равными существовавшим ранее. Если же запланированное предложение больше спроса, то предприниматели снижают темпы роста предложения. В случае же, когда запланированное предложение меньше спроса, то предприниматели планируют более высокие темпы роста продукции. Определив параметры производства для будущего периода, пытаются подвести под него величину объема капитала или инвестиций путем акселерации. А новые инвестиции вызывают и новый уровень дохода, спроса. Объем капитала составит прирост инвестиций, умноженный на коэффициент, который показывает прирост капитала и необходим для того, чтобы величина продукции возросла на единицу. А спрос и доход зависят от прироста инвестиций и предельной склонности к потреблению. Когда ожидания предпринимателей сбываются, то данный темп называется гарантированным темпом роста. Он зависит от предельной склонности к потреблению и акселератора. В этом случае намечаются темпы роста производства, которые соответствовали бы спросу. Если предположить, что планируемые темпы роста производства окажутся выше гарантированных, то отсюда следует, что спрос превышает предложение. Возможна и противоположная ситуация.

Наряду с определением гарантированного темпа роста возникла проблема нахождения естественного темпа роста, который представляет собой максимальный темп, обусловленный ростом активного населения и техническим прогрессом. Сравнение естественного и гарантированного темпов роста объясняет возникновение бумов в условиях, когда естественный темп роста оказывается больше гарантированного. В случаях же превышения гарантированного темпа роста цели предпринимателей удовлетворяются не полностью. В идеале гарантированный и естественный темпы роста должны быть равны.

В каждой из рассмотренных моделей ставилась цель нахождения пропорций, которые определяют темпы экономического роста, что характеризуется параметрами таких модельных величин, как объем капитала, инвестиции, сбережения, соотношения капитала и рабочей силы, производительность. Однако каждая из моделей имеет свою цель. Общим для них является определение объема инвестиций, что отличает рыночную экономику от плановой и характеризует факторы

их развития. Так, в рыночной экономике «всплеск» инвестиций вызывает не только ускорение внедрения нововведений, но также и дополнительные потери: выход из производства еще действующего оборудования полностью не амортизированных мощностей, основных фондов. Инновационный импульс трансформируется в инвестиционный цикл по принципу акселератора, согласно которому относительно небольшие циклические изменения ускоряются в инвестиционных и смежных с ними отраслях.

В плановой экономике из-за дефицита инвестиционных ресурсов трудно достигнуть необходимой концентрации капиталовложений. Поэтому распространение нововведений здесь осуществляется медленно. Однако, избегая инвестиционных ускорений, система обретает предпосылки для бескризисного развития и полной занятости рабочей силы. Но, с другой стороны, замедленное внедрение НТП вызывает технологическое отставание, обуславливает высокую материалоемкость и трудоемкость ВВП.

Экономика переходного периода характеризуется кризисным состоянием, что обусловлено как унаследованными недостатками прежней плановой системы, так и политическими факторами. Однако в ней изменяется структура производства, включаются новые инвестиции, создается новый производственный аппарат, что предвещает начало экономического роста. А потому модельное отражение данного процесса следует применять и к экономике переходного периода.

¹ См.: O t t G. Neue Forme Konjunkturschwankungen. Gallen, 1990. S. 111.

² См.: Grundriß der Volkswirtschaftslehre. Baden-Baden, 1991. Bd. 1. S. 14.

³ См.: R a m s e r H. J. Beschäftigung und Konjunktur. Konstanz, 1988. S. 11.

А. В. КОВАЛЕВ

СООТНОШЕНИЕ ПРОМЫШЛЕННЫХ И СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ ЦЕН КАК УСЛОВИЕ РАВНОВЕСИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ НЭПА

Проблема соотношения промышленных и сельскохозяйственных цен — одна из актуальных тем современной отечественной экономической литературы, и тезис об относительном удешевлении сельхозтоваров не подвергается сомнению. Тем не менее, на наш взгляд, рассмотрение данного вопроса следует перенести из плоскости просто определения отраслевого уровня цены в более значимую сферу общего равновесия экономической системы.

Главнейшей причиной государственного регулирования цен, призванного обеспечить равновесие, поступательное движение любой экономической системы, является «...разрыв цен сельского хозяйства и промышленности»¹. Узлом всех ценовых вопросов в переходном периоде 1921 — 1928 гг. было соотношение цен двух важнейших сфер хозяйства.

Как известно, промышленность была национализирована, причем Декретом ВЦИК Совпаркома РСФСР «О трестах» от 10.04.1923 г. запрещалось вовлекать основные фонды в рыночный оборот предприятий, функционировавших на началах хозрасчета. Данное решение привело к двум последствиям: во-первых, не создавался рынок капиталов, что позволяло существовать нерентабельным предприятиям; во-вторых, концентрация частного капитала в сфере обращения и исключение его из сферы промышленного накопления ставили индустриальный сектор в невыгодные условия по сравнению с аграрным.

Последнее вытекает из следующего рассуждения. Допустим, существует экономическая система, состоящая из двух отраслей — промышленности и сельского хозяйства. В системе можно выделить 4 группы получателей дохода: государство, рабочие и госслужащие, крестьяне, частные предприниматели. Причем государство направляет весь свой чистый доход в капиталовложения, рабочие же тратят на личное потребление. В этом случае экономический рост будет зависеть от решений крестьянства и частного капитала. Последний ограничен рамками сферы обращения — торговли. Тогда $Y = P_n \times Q_n + P_c \times Q_c$, где Y — народный доход; P_n и P_c — индексы соответственно промышленных и сельскохозяйственных цен; Q_n и Q_c — физические объемы производства промышленности и сельского хозяйства.

Пусть в какой-то момент установилось определенное соотношение между промышленной и сельскохозяйственной товарными массами, обеспечивающее равновесие хозяйственной системы, т. е.

$$P_n \times Q_n = \alpha \times (P_c \times Q_c), \quad (1)$$

где α — некий коэффициент. В соответствии с эмпирическим законом, открытым В. Громаном, для экономики России 1900 — 1920 гг. $\alpha = 1,7$, т. е. при изменении физического объема производства розничные цены на продукцию отраслей колебались таким образом, что в денежном выражении товарная масса промышленности относилась к товарной массе сельского хозяйства в пропорции 63:37. Тогда при неизменности вкусов потребителей

$$\frac{P_{\text{п}}}{P_{\text{с}}} = \text{const}, \text{ если } \frac{\Delta Q_{\text{п}}}{Q_{\text{п}}} = \frac{\Delta Q_{\text{с}}}{Q_{\text{с}}},$$

т. е. равновесность цен соблюдается при равенстве темпа роста продукции отраслей.

Допустим, что простое воспроизводство обеспечивается за счет факторов, включенных в понятие «издержки» ($C_{\text{п}}$ — промышленные, $C_{\text{т}}$ — торговые, $C_{\text{с}}$ — сельскохозяйственные), а прирост производства осуществляется из средств чистого дохода (прибыли). Тогда $Y_{\text{п}} = Y_{\text{г}} + Y_{\text{ч}}$, где Y — чистый доход соответственно промышленности, государства и частного капитала. $Y_{\text{г}} = (P_{\text{п}} - C_{\text{п}}) \times Q_{\text{п}} + (H_{\text{г}} - C_{\text{п}}) \times Q_{\text{п}} \times r$, где $P_{\text{п}}$ — отпускная цена промышленности; $H_{\text{г}}$ — наценка в госторговле; $C_{\text{п}}$ — издержки госторговли; r — доля госторговли в общем товарообороте. $Y_{\text{ч}} = (H_{\text{ч}} - C_{\text{т}}) \times Q_{\text{п}} \times (1 - r)$, где $H_{\text{ч}}$ — наценка в частной торговле; $C_{\text{т}}$ — издержки частной торговли.

Доход рабочих включен в промышленные издержки как обеспечивающий простое воспроизводство рабочей силы, поэтому в дальнейшем анализе можем его опустить.

Согласно Кейнсу, $\Delta Y = \frac{\Delta I}{MPS}$, где ΔI — прирост инвестиций; MPS — предельная склонность к сбережению; ΔY можем понимать как ΔQ , так как в кейнсово-модели цены предполагаются постоянными.

Промышленные инвестиции совпадают с $Y_{\text{г}}$, ибо частник в промышленность не допускается. Тогда $\Delta Q_{\text{п}} = \frac{\Delta I_{\text{п}}}{MPS_{\text{г}}}$ (причем $MPS_{\text{г}} = 1$)², следовательно,

$$\Delta Q_{\text{п}} = \Delta I_{\text{г}} = Y_{\text{г}} = (P_{\text{п}} - C_{\text{п}}) \times Q_{\text{п}} + (H_{\text{г}} - C_{\text{п}}) \times Q_{\text{п}} \times r. \quad (2)$$

Образование чистого дохода в сельском хозяйстве происходит иначе. Крестьянин не выплачивает себе зарплату, никогда не просчитывает альтернативные издержки, поэтому сельскохозяйственные издержки не включают затрат на воспроизводство рабочей силы, а полученный доход делится между потреблением и сбережениями. Последние при уверенности в устойчивости политического курса равны капиталовложениям, т. е. $\Delta Q_{\text{с}} = \frac{\Delta I_{\text{с}}}{MPS_{\text{с}}}$; $\Delta I_{\text{с}} = Y_{\text{с}} - MPC_{\text{с}} \times Y_{\text{с}} = (1 - MPC_{\text{с}}) \times Y_{\text{с}}$, где $MPC_{\text{с}}$ — предельная склонность к потреблению, равная $(1 - MPS_{\text{с}})$.

$$\Delta I_{\text{с}} = (1 - MPC_{\text{с}}) \times (P_{\text{с}} - C_{\text{с}} - C_{\text{тс}}) \times Q_{\text{с}};$$

$$\Delta Q_{\text{с}} = \frac{(1 - MPC_{\text{с}}) \times (P_{\text{с}} - C_{\text{с}} - C_{\text{тс}}) \times Q_{\text{с}}}{MPS_{\text{с}}} = (P_{\text{с}} - C_{\text{с}} - C_{\text{тс}}) \times Q_{\text{с}}, \quad (3)$$

где $C_{\text{тс}}$ — издержки по торговле сельхозпродукцией.

Сравним (2) и (3).

Во-первых, $C_{\text{п}} > C_{\text{с}}$ на величину потребления крестьянства; во-вторых, r достаточно мала; в-третьих, $C_{\text{тс}}$ — очень невелики, поскольку сельскохозяйственные закупки осуществлялись непосредственно в деревнях.

Все эти факторы обуславливают более высокую норму прибыли в сельском хозяйстве:

$$\frac{(P_{\text{с}} - C_{\text{с}} - C_{\text{тс}}) \times Q_{\text{с}}}{P_{\text{с}} \times Q_{\text{с}}} > \frac{(P_{\text{п}} - C_{\text{п}}) \times Q_{\text{п}} + (H_{\text{г}} - C_{\text{п}}) \times Q_{\text{п}} \times r}{P_{\text{п}} \times Q_{\text{п}}}$$

Следовательно, $\Delta I_{\text{с}} > \Delta I_{\text{п}}$, т. е. $\Delta Q_{\text{с}} > \Delta Q_{\text{п}}$, и в условиях свободной конкуренции относительная цена сельхозтоваров будет снижаться ввиду относительного роста их предложения.

Таким образом, без государственного вмешательства подобная хозяйственная система теоретически обречена на ценовой дисбаланс, который в условиях Со-

ветской России мог привести к локализации крестьянского рынка. Подобная локализация была возможна благодаря особенностям внутриобщинных отношений. В каждой деревне (общине) существовало «местное» разделение труда, т. е. были специалисты по производству всех необходимых продуктов труда — тканей, посуды, кожи, обуви, простых средств производства и первичной переработки сельхозпродукции. Так, А. В. Чаянов оценивает время, затраченное на «промыслы», в 8,2 — 18,7 % от всего времени годовой работы³.

Упадок же перерабатывающей промышленности (валовая продукция ее к концу 1920 г. от уровня 1915 г. составляла в РСФСР 13,3 %, в Белоруссии — 25,4, на Украине — 9,8 %)⁴ подталкивал крестьян к расширению несельскохозяйственных работ.

Для сбалансированного развития экономики требовалась такая система цен на промышленные товары, чтобы крестьянину было выгоднее покупать их, а не аналогичные товары-заменители своей общины. Крестьянин воспринимает «смычку» с городом через систему цен, и как только промышленные цены ползут вверх, крестьянский рынок локализуется во внутридеревенский. Примеры подобной локализации — крах продрозверстки как формы обмена между городом и деревней, кризис сбыта промтоваров осенью 1923 г.

В целях ликвидации этого кризиса было применено государственное регулирование в форме директивного установления отпускных цен предприятий, предельных накидок обобщественной торговли (частная, кстати, начала снижать цены еще в августе, едва почувствовав наступление кризисных явлений). Так называемые «ножницы» цен, т. е. отношение промышленных к сельскохозяйственным, снизились с 1,73:0,59 в октябре 1923 г. до 1,16:0,95 в апреле 1924 г.⁵, если отношение равновесного 1913 г. принять за 1:1.

И в дальнейшем политика снижения отпускных цен оказывала эффективное воздействие на динамику себестоимости промышленной продукции, вынуждая предприятия изыскивать резервы для снижения издержек. Однако розничные цены уже не были так тесно связаны с оптовыми, как в период избытка товаров, поскольку последний сменился дефицитом. Проявлялся дефицит в росте торговой накладки — с 26,9 % в октябре 1923 г. до 43 % в апреле и 60 % в июне 1924 г.⁶

Перераспределение прибыли в пользу частного капитала, доминировавшего в розничной торговле, вело к утрате потенциальных инвестиций в промышленность. Предложения же повысить отпускные цены отвергались из-за боязни повторения кризиса сбыта. На самом деле низкие розничные цены в госторговле побуждали лиц, находившихся к ней ближе (т. е. горожан), совершать покупки для перепродажи. В деревню же доходило все меньшее количество товаров по все более высокой цене, однако платежный спрос крестьян был еще выше. Не имея возможности превратить денежные накопления в реальные, крестьяне теряли заинтересованность в результатах труда, выражающуюся в сокращении объема товарного производства и повышении цен сельхозтоваров.

Для пролетарского государства такая практика была неприемлемой, и, на наш взгляд, стремление подчинить государственной воле аграрную сферу явилось одной из причин коллективизации.

Таким образом, в условиях «свободного» крестьянского рынка рациональное соотношение промышленных и сельскохозяйственных цен является важным условием общего хозяйственного равновесия. При «завышенных» ценах на промтовары крестьянский рынок локализуется, что грозит спадом в промышленности; при «заниженных» — промышленности не хватает накоплений для расширения производства. Государственная политика в отношении промышленных цен должна строиться так, чтобы держать рынок в напряжении, но не допускать заминки сбыта.

¹ М а н е в и ч В. Е. // Вопросы экономики. 1993. №3.

² Правомерность применения категории «предельная склонность к потреблению» для анализа отдельных отраслей базируется на способности сельского хозяйства существовать независимо от индустрии и на том, что в госсекторе она равна 1. Возможность такого применения предполагается Кейнсом в «Общей теории...» гл. 10.

³ См.: Ч а я н о в А. В. Крестьянское хозяйство. М., 1989. С. 348.

⁴ См.: История социалистической экономики. М., 1976. Т. 1. С. 262 — 263.

⁵ Рассчитано по индексу Центрального бюро статистики труда.

⁶ См.: В а й н ш т е й н А. Л. Цены и ценообразование в СССР в восстановительный период 1921 — 1928 гг. М., 1972. Приложение 19.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА ПОЛЬШИ В УСЛОВИЯХ РЫНКА

Экономические проблемы преобразования сельского хозяйства Польши в условиях рынка, на наш взгляд, в основном сводятся к следующим направлениям: рациональное использование земли; самостоятельность и ответственность сельскохозяйственных предприятий; повышение роли товарно-денежных отношений, полное использование возможностей рынка (контрактация, ценообразование); рациональное использование налогов и кредитно-банковской системы; эффективное экономическое стимулирование (материальная заинтересованность).

Одним из основных инструментов экономического механизма преобразования сельского хозяйства в условиях рынка является рациональное использование земли, которое, по нашему мнению, в настоящее время должно включать не менее четырех аспектов:

продуктивный — что означает эквивалентное интенсивное использование каждого кусочка земли с целью гарантирования жизни и продовольствия сельскому населению;

эффективный — означающий, что свободная земля должна обрабатываться теми хозяйственными субъектами, которые дадут гарантию эффективного ее использования;

экологический — требующий хозяйствования на земле в соответствии с принципами охраны природы;

организационный — что означает быстрое и устойчивое освоение земли очередными владельцами.

В значительной мере, и прежде всего, решение этих аспектов зависит от развития индивидуальных (крестьянских) хозяйств. Как показывает опыт Польши, благодаря расширению масштабов частного крестьянского производства растет не только производительность труда и доход на душу населения, занятого в сельском хозяйстве, но и кардинальным образом меняется характер использования земли.

Поэтому для улучшения аграрной структуры и экономического укрепления перспективных крестьянских хозяйств в настоящее время в области землепользования необходимо стимулировать два направления: во-первых, традиционный механизм перехода земли внутри крестьянского сектора (передача земли детям, продажа или аренда); во-вторых, все возрастающее количество земли должно постепенно переходить из общественного сектора к крестьянским хозяйствам при помощи государственной организации сельскохозяйственного рынка.

Если же рассматривать воздействие экономического механизма на крестьянские хозяйства, то в современных условиях, по нашему мнению, складываются благоприятные возможности для создания и развития кооперативных связей, что позволит им пойти по пути определенной интеграции на коммерческой основе с целью концентрации сельскохозяйственного производства. Значение экономического механизма хозяйствования состоит в том, что он создает относительно равные стартовые экономические возможности для различных типов хозяйств: одинаковые принципы ценообразования, предоставления кредита, налогового обложения, самостоятельности и ответственности. И хотя сельскохозяйственные предприятия обладают полной самостоятельностью при разработке собственных производственно-финансовых планов, сами определяют направления развития производства, возможности привлечения кредитных средств, все же главным критерием оценки их деятельности является прибыль. Поэтому действенным звеном государственного регулирования должно стать повышение роли финансовых рычагов и финансового контроля за хозяйствованием аграрных предприятий через банки.

Учитывая, что в новых условиях хозяйствования привлечение кредитных средств является неизбежным, банковский контроль должен получить широкое распространение, охватывая и проверку качества деятельности сельскохозяйственных предприятий. Это тем более необходимо, поскольку предприятия, находящиеся в тяжелом финансовом положении и испытывающие дефицит денежных средств, должны согласовывать свои планы с органами местной власти, которые решают их дальнейшую судьбу.

В формировании производственных задач сельскохозяйственных предприятий и крестьянских хозяйств, особенно по объему и структуре продукции, существенную роль играют договоры контрактации. Система этих договоров связывает сельскохозяйственные предприятия, а также крестьянские хозяйства с предприятиями пищевой и перерабатывающей промышленности, в том числе и с предприятиями, занимающимися заготовками и сбытом сельскохозяйственной продукции.

Создание новых условий хозяйствования как для сельскохозяйственных предприятий, так и отдельных крестьянских хозяйств теснейшим образом связано и с рыночным ценообразованием. Действительно, при утверждении принципа самофинансирования, укрепления хозяйственной самостоятельности и ответственности цена приобретает значение важнейшего норматива, предопределяющего оценку производственной и экономической деятельности производственных единиц.

Эта проблема в Польше приобретает особую актуальность, поскольку в настоящее время здесь периодически изменяются рыночные цены на хлеб и убойный скот, что, естественно, вызывает и колебания цен на мясо. Кроме того, цена на говядину на тридцать процентов ниже, чем на свинину. В то же время на европейском рынке цены на говядину и свинину почти одинаковы. В Польше это несоответствие вызывает низкую рентабельность животноводства и снижение поголовья крупного рогатого скота, в результате сокращается производство молока. На наш взгляд, возникает необходимость в государственных гарантиях минимальных цен на уровне общественно необходимых затрат. Необходимо также периодически корректировать минимальные цены с учетом изменения факторов соотношения спроса и предложения на европейском, а следовательно, и на международном рынке.

Важным инструментом хозяйственной политики в условиях рынка являются налоги. В Польше для всех сельскохозяйственных субъектов, т. е. государственных и кооперативных предприятий, а также крестьянских хозяйств, установлен обязательный поземельный налог, который взимается с учетом почвенно-климатических условий и способствует выравниванию уровней хозяйствования. Новая единая налоговая система предусматривает увеличение поземельного налога и его четкую дифференциацию в зависимости от качества почв и особенностей экономических зон. Так, хозяйства, находящиеся в средних почвенно-климатических и экономических условиях, платят поземельный налог, эквивалентный стоимости 200 кг ржи, расположенные на самых плохих почвах — освобождаются от налога, а имеющие наилучшие условия (почвенные, климатические и экономические) платят налог почти вдвое больший, чем хозяйства, функционирующие в средних условиях.

В преобразовании сельского хозяйства Польши велика роль банка, предоставляющего оборотные и инвестиционные кредиты предприятиям. Будучи хозяйственным, банк предоставляет кредит исключительно тогда, когда имеется гарантия его погашения. Таким образом исключаются непродуманные хозяйственные решения предприятий-кредиторов. Однако государственные органы могут обязать банк предоставить кредит некоторым предприятиям на строго определенные цели и на льготных условиях (меньшее начисление процентов, увеличение срока погашения кредита). Банк может предоставлять кредит на текущее финансирование производства также предприятиям с дефицитом средств при условии, что соответствующие местные органы власти гарантируют уплату.

Преференционный кредит, гарантированный государством на льготных условиях, сельскохозяйственный банк предоставляет на покупку минеральных удобрений и средств охраны растений; качественного посевного зерна; селекционных пород животных; земли на сельскохозяйственные цели; обеспечение капиталовложений в экологически чистые производства; финансирование предприятий, занимающихся заготовками и сбытом сельскохозяйственной продукции.

Положительным моментом в процессе экономического преобразования сельского хозяйства республики является значительное ограничение дотаций. Сохранились только те дотации, которые предназначены для финансирования деятельности сельскохозяйственных предприятий, обеспечивающих внедрение в производство достижений научно-технического прогресса (селекция растений и животных, проведение опытных работ, подготовка специалистов).

Основополагающим направлением хозяйственной деятельности предприятий, аккумулирующим в себе в значительной мере все предельные, выступают экономические стимулирование и материальная заинтересованность. Для повышения эффективности этих рычагов польские рентабельные предприятия создают из прибыли следующие целевые фонды:

— **ресурсный фонд развития** как источник финансирования всей производственной деятельности. Одна часть этого фонда идет на увеличение оборотных средств, другая переводится в инвестиционный фонд, который создается также и за счет амортизационных отчислений. Инвестиционный фонд служит для финансирования капиталовложений и погашения инвестиционного кредита;

— **социально-культурный фонд**, предназначенный для финансирования всей социальной программы, включая средства на маркетинг и рекламу культурно-просветительных мероприятий.

Часть общего дохода, оставшаяся после отчисления в указанные фонды, представляет собой распределяемый доход. Из него осуществляются отчисления

в так называемый резерв, средства из которого используются для стабилизации объема распределяемого дохода в неурожайные годы.

Предоставление предприятиям полной экономической самостоятельности предусматривает, что в госхозах, так же как и в сельскохозяйственных производственных кооперативах, фонд заработной платы (фонд оплаты труда) создается исключительно из собственных средств. Система оплаты труда в сельскохозяйственных предприятиях Польши базируется на следующих трех принципах: государство не несет ответственности за уровень заработной платы на этих предприятиях; уровень и способы оплаты труда определяются руководством и рабочим самоуправлением предприятия и фиксируются в трудовых уставах, являющихся своего рода коллективными трудовыми договорами; допускается различная оплата труда за выполнение аналогичной работы на разных предприятиях.

Опыт сельскохозяйственных предприятий по установлению непосредственной зависимости уровня оплаты труда от результатов хозяйствования убеждает в том, что там, где эти принципы соблюдаются, достигаются значительные производственные и экономические результаты. Думается, что эти польские принципы могут успешно применяться в сельскохозяйственном производстве Республики Беларусь.

Как видим, в сельском хозяйстве Польши выявился ряд проблем, свидетельствующих о его неподготовленности к успешному функционированию в условиях рынка. Эти проблемы усугубляются еще и неподготовленностью государственных и кооперативных предприятий к деятельности в новой обстановке. Что же касается повышения продуктивности крестьянских хозяйств, то этот процесс сдерживают как нехватка денежных средств для приобретения земли в государственном секторе, так и отрицательное отношение сельскохозяйственных производителей к объединению в кооперативы, ассоциации, товарищества.

Наряду с этим отрицательно на уровне эффективности сельскохозяйственного производства Польши сказывается незнание правил маркетинговой деятельности, несоответствие качества сельскохозяйственных продуктов европейским стандартам, отсутствие долгосрочных контрактных связей между крестьянскими хозяйствами и пищевой промышленностью.

Таким образом, успех преобразования сельского хозяйства Польши в условиях рынка зависит как от материальной поддержки со стороны государства, так и от повышения эффективности организационных форм хозяйствования во всех звеньях агропромышленного комплекса.

И. И. МАРТИНОВИЧ

А. Ф. КОНИ КАК ПЕДАГОГ И ГУМАНИСТ

Недавно исполнилось 150 лет со дня рождения выдающегося русского государственного и общественного деятеля, писателя, талантливого юриста и ученого Анатолия Федоровича Кони.

Всю свою большую, насыщенную событиями и напряженным трудом жизнь он посвятил служению законности, правде, справедливости, гуманизму. Творческое наследие А. Ф. Кони вошло в сокровищницу мировой культуры. Не случайно А. Ф. Кони высоко ценили такие выдающиеся государственные деятели и писатели, как П. А. Столыпин, С. Ю. Витте, Л. Н. Толстой, Ф. М. Достоевский, В. Г. Короленко, И. С. Тургенев, А. П. Чехов, М. Горький, А. В. Луначарский и другие.

В его многогранной деятельности особый интерес представляет педагогическая и просветительская деятельность, отношение к молодежи, студенчеству. Он проявлял постоянную заботу о молодом поколении, его культурном и нравственном развитии, образовании, воспитывал молодежь в духе уважения к человеческой личности, ее достоинству.

Блестяще закончив юридический факультет Московского университета, он вместо предложенной должности на кафедре выбрал нелегкий путь судебного деятеля, мечтая о претворении в жизнь прогрессивных идей Судебных Уставов 1864 г. Благодаря своим выдающимся способностям и таланту, исключительной честности и самоотверженности в судебной деятельности А. Ф. Кони стал сенатором и членом Государственного Совета Российской империи. Однако «он служил не власти и моде, а вечному и безусловному — истине и справедливости, тем началам человеческого духа, «без которых не может жить человечество ни в какое время, даже в те моменты, когда в нем, казалось бы, забыты право и братолюбие»¹.

Сложилось так, что лишь последние годы своей жизни А. Ф. Кони посвятил всегда так привлекавшей его педагогической и просветительской деятельности. «...От прежних званий не осталось ничего, а профессура, когда-то утраченная, казалось бы навсегда, вернулась в изобилии»², — писал он известному книгоиздателю И. Д. Сыгину в сентябре 1919 г. Эта же мысль развивается им в письме к профессору Н. Н. Полянскому: «И какая страшная ирония судьбы: 54 года назад я был оставлен Московским университетом на кафедре уголовного права. Обстоятельства заставили уйти с этой дороги и прослужить трудно и настойчиво, не сходя с судейского пути... и вот судьба меня возвращает на кафедру!»³ Он подчеркивает, что профессура так его захватила, что он не хотел бы вернуться в судебное ведомство, что «...занятия очень увлекают, а отношение ко мне молодежи очень трогает», что преподавательской деятельности он отдался «всемерно»⁴.

После Октябрьской революции он стал профессором трех университетов (1-го и 2-го Петербургского и Железнодорожного), преподавал в институтах Живого Слова, Техники Речи, Кооперативном, Клиническом, Школе русской драмы, на курсах Всемирной литературы и др. Кроме того, в благотворительных целях он часто выступал с публичными лекциями и воспоминаниями. И это в весьма преклонном возрасте! (Умер он на 84-м году жизни, простудившись при чтении лекции в холодном, неотопляемом помещении).

А. Ф. Кони считал, что служить обществу, людям можно на любом посту. Это он доказал личным примером. Став заниматься преподавательской и просветительской деятельностью, этот «рыцарь права» был настоящим Учителем молодежи с большой буквы. Современники А. Ф. Кони вспоминают, что его лекции

пользовались огромным успехом, были образцом гармонического сочетания глубокого содержания и безупречной формы. Они приносили ему нравственное удовлетворение и наполняли глубоким содержанием его личную жизнь (А. Ф. Кони не имел своей семьи).

Молодежь платила своему профессору за его самоотверженный труд горячей любовью и трогательной заботой. Вот лишь два примера.

В голодный 1921 г. в день рождения А. Ф. Кони слушатели его лекций преподнесли ему по тем временам драгоценный подарок — белый хлебец. Расстроганный старый профессор, поблагодарив, сказал, что это одна из лучших наград, какие он когда-либо получал в своей жизни.

Страдая тяжелой болезнью ноги, А. Ф. Кони с трудом добирался до места чтения лекций, а транспорт в городе не работал. Узнав об этом, студенты обратились с просьбой в Наркомат просвещения, и для их любимого лектора был выделен извозчик⁵. Кстати, тогдашний нарком просвещения РСФСР А. В. Луначарский очень тепло и сочувственно относился к А. Ф. Кони, называя его «блестящим либералом» эпохи царей.

Будучи юристом по призванию и профессии, А. Ф. Кони заботился в первую очередь о воспитании нового поколения юристов. Именно для них прежде всего писал он свои знаменитые труды: «Судебные речи» (1888 г.), «Нравственные начала в уголовном процессе» (1902), «Отцы и дети судебной реформы» (1914) и др. Он подчеркивал, что «университет — это *alma mater* своих питомцев — должен напитать их здоровым, чистым и укрепляющим молоком общих руководящих начал... С ними, как с прочным вооружением, как с верным компасом, надо войти в жизнь»⁶. Он развил идею о том, что образованный юрист должен быть прежде всего человеком, в котором общее образование идет впереди специального. Важнейшей задачей лиц, вступивших на судебное поприще, он считал сохранение душевной чистоты и гуманности, так как невозможно все проявления многогранной жизни уложить в правовые регламенты, в статьи закона. Судья не может быть ремесленником, чтобы не упустить из виду высший предмет правосудия — человека. Заботу о человеке, о справедливом решении его судьбы А. Ф. Кони ставил выше всего.

Он считал необходимым ввести в юридические учебные заведения курс судебной этики, надеясь, что «зрелый судебный деятель в минуту колебания перед тем, какого образа действий надо держаться в том или другом вопросе, вспомнит нравственные указания, слышанные им с кафедры, и, устыдясь ржавчины незаметно подкравшейся рутины, воспрянет духом — преподавание этики найдет себе житейское оправдание...»⁷.

Обращаясь к будущим судьям, прокурорам и адвокатам, А. Ф. Кони высказывает суждения о правилах профессиональной этики, которые сегодня, когда мы обновляем нашу правовую систему и юстицию, звучат особенно актуально. Они направлены на нравственное совершенствование будущих юристов, воспитание их в духе гуманизма и уважения человеческого достоинства.

Судья должен всегда помнить, что, будучи живым и самостоятельным выразителем целей законодателя, он обязан опираться не только на закон, но и на «судейскую совесть» — силу, вносящую «особый, возвышенный смысл в творимое им дело». Прокурор, по его убеждению, должен выполнять свои обязанности со строгой нравственной дисциплиной, когда «интересы общества и человеческое достоинство будут оградяться с одинаковой чуткостью и усердием»⁸.

Рассматривая защиту как общественное служение, автор подчеркивает благородность этой функции, ибо «нет такого падшего и преступного человека, в котором безвозвратно был бы затемнен человеческий образ и по отношению к которому не было бы места слову снисхождения»⁹.

Интерес представляют в этой связи суждения А. Ф. Кони по весьма злободневному для того времени вопросу о допуске женщин к юридической профессии, в частности к адвокатской деятельности. И здесь он придерживался передовых взглядов. А. Ф. Кони выступил в защиту обсуждавшегося в Государственном Совете в 1913 г. законопроекта «О допусшении лиц женского пола в число присяжных и частных поверенных». Он убедительно доказал необходимость положительного решения этого назревшего вопроса. Следует заметить, что в Российской империи только с 1911 г. женщины получили право поступать в высшие юридические учебные заведения. До этого законодательство царской России исключало, а практика не знала участия женщин в судопроизводстве. Таким образом, полное политическое и гражданское бесправие женщин до революции проявлялось и в сфере правосудия.

В письме к председателю Московского окружного суда Н. В. Давыдову от 1 февраля 1918 г. А. Ф. Кони вновь обращается к этому вопросу и говорит о необходимости допуска женщин не только к адвокатской, но и юридической деятельности вообще¹⁰. На практике эта идея претворялась медленно. Даже в первые годы Советской власти, провозгласившей полное равноправие полов, женщины-юристов, в том числе и в Белоруссии, было единицы.

С пониманием относился А. Ф. Кони и к революционно настроенной молодежи. Особенно ярко это проявилось в известном деле Веры Засулич, которая в знак протеста против надругательства над человеческой личностью (народовольца студента А. С. Боголюбова высекли розгами в доме предварительного заключения по приказу градоначальника генерала Трепова) выстрелом из пистолета тяжело ранила изувера-градоначальника. Дело молодой революционерки рассматривалось в Санкт-Петербургском окружном суде под председательством А. Ф. Кони, который своим напутствием-резюме помог присяжным заседателям вынести оправдательный вердикт. Оправданию подсудимой содействовала и блестящая речь адвоката П. А. Александрова.

А. Ф. Кони хорошо осознавал значение оправдательного приговора по этому делу, видел в нем проявление глубокого общественного недовольства правительством. Не одобряя революционных средств борьбы, он вместе с тем понимал необходимость кардинальных перемен в тогдашнем общественном строе.

А. Ф. Кони решительно выступал против судебных расправ над революционной молодежью, предупреждая власть имущих, что «кто сеет ветер — пожнет бурю». Несогласие с репрессивной политикой царского правительства по так называемым политическим делам явилось одной из главных причин отказа А. Ф. Кони от предложенной ему в 1906 г. Столыпиным должности министра юстиции.

«Невольно с горечью думается, — писал А. Ф. Кони в день открытия первой Государственной думы, созданной в соответствии с Манифестом от 17 октября 1905 г., — что всей этой напрасно пролитой крови можно было избежать и давным-давно двинуть Россию на путь политической свободы, если бы не считать ее «бессмысленным мечтанием», и если бы поменьше заботиться об охране собственной особы и власти»¹¹. И далее здесь же: «...поймут ли ее лучшие люди лежащую на них святую обязанность ввести в плоть и кровь русской государственности новые начала справедливости и порядка, как это успели сделать со своей задачей мировые посредники первого призыва? И пред этим роковым вопросом сердце сжимается с невольной тревогой и грустным предчувствием»¹². Предчувствие не обмануло великого юриста-философа.

В заключение следует сказать, что наше современное общество ощущает острую потребность в возвращении утраченных нравственных ориентиров, особенно в воспитании молодежи. Гуманность, высокая духовность, служение верой и правдой интересам своего народа — идеалы, утверждавшиеся всю жизнь А. Ф. Кони, очень созвучны потребностям нашего времени.

¹ См.: Смолярчук В. И. А. Ф. Кони и его окружение. М., 1990. С. 362.

² Кони А. Ф. Собр. соч. Т. 8. С. 307.

³ Там же С. 308.

⁴ Там же.

⁵ См.: Смолярчук В. И. А. Ф. Кони. М., 1983. С. 201.

⁶ Кони А. Ф. Собр. соч. Т. 4. С. 68.

⁷ Там же. С. 69.

⁸ Там же. С. 62–63.

⁹ Там же. С. 64.

¹⁰ Там же. Т. 9. С. 302.

¹¹ Там же. Т. 2. С. 355.

¹² Там же. С. 359.

И. П. ТРЕТЬЯКОВА

ВЛАДЕНИЕ КАК САМОСТОЯТЕЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ ПРАВА И КАК ОДНО ИЗ ПРАВОМОЧИЙ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ

Владение как самостоятельный институт права было известно и римскому и дореволюционному русскому праву. Знает его и по сей день законодательство ряда стран, где произошла рецепция римского классического частного права (ГК Франции, Германское гражданское уложение, Швейцарское гражданское уложение).

По римскому праву существование самостоятельного права владения обуславливалось тем, что владение могло быть как фактическим (беститульным), т. е. основанным на фактическом обладании вещью, так и юридическим, основанным на праве.

Владение для признания его таковым должно было сочетать в себе два элемента: 1. *Corpus possidendi* — сам факт обладания вещью и 2. *Animus possidendi* — намерение владеть вещью для себя (как собственник), которое хотя и являлось субъективным, но должно было проявляться во внешних действиях владельца. В

зависимости от наличия или отсутствия второго элемента ставилось и само существование владения. Если *Animus possidendi* отсутствовал, то речь шла не о владении, а о держании (например, договор найма). Держание не могло перерасти в право собственности и не обеспечивалось той защитой, которая была предусмотрена для владения, так как там, где было владение, всегда предполагалось и право собственности, пока не будет доказано обратное.

Для защиты владения существовали специальные иски — петиторный и посессорный, — но в любом случае спор не должен был переходить за рамки фактического состояния. Так как презюмировалось право собственности фактического владельца, то интересы невладеющего собственника оказывались неудовлетворенными, и тогда последний вправе был возбудить петиторный процесс, основанный на праве.

Владение по истечении определенного срока и при определенных условиях могло перейти в право собственности, т. е. для владения как самостоятельного права характерно наличие института приобретательной давности.

К концу XIX в. были выработаны две основополагающие теории владения: субъективная (Савиньи), базирующаяся на римском понятии о владении, и объективная (Иеринг), базирующаяся на пандектном учении о владении.

Субъективная теория владения Савиньи, занимающая первое время доминирующее положение в юридической литературе того времени, рассматривала фактическое господство лица над вещь в формах римского права — владения и держания. Внешняя сторона у них была одинаковой — фактическое господство лица над вещь, а внутренняя различалась по направлению воли лица (обладание для себя и обладание для другого лица). В соответствии с этим различием делились и субъекты: первые — это собственники и лица, считающие себя таковыми, и вторые — это держатели, владеющие от имени другого лица (арендаторы, пожизненные владельцы).

С точки зрения теории Савиньи, практически это деление необходимо было для того, чтобы подчеркнуть наличие правовой защиты у владельцев и отсутствие таковой у держателей (хотя для некоторых, например залогодержателей, делалось исключение). Владельцы могли требовать восстановления нарушенного владения, не основываясь на праве, а ссылаясь только на сам факт беститульного владения. Для держателя необходима была ссылка на право (договор аренды, залога).

Владение, по теории Савиньи, и юридическое в том числе, не признавалось правом, а рассматривалось как факт. Древнеримские интердикты служили защитой владения против неправомерных действий третьих лиц, восстанавливая сам факт владения, не обращая внимания на право. Решение по интердикту касалось самого владения, оставляя заинтересованным лицам возможность подачи иска о праве. «Владение по его первоначальному понятию, есть не более как факт, с коим соединены правомерные последствия»¹.

В противовес этой была выдвинута объективная теория Иеринга, базирувавшаяся на понимании владения, сложившегося в средневековой Германии. Владение понималось только как фактическое отношение лица к вещи без учета субъективного момента. Оно могло быть признано правом до тех пор, пока не будет представлять собой нарушение чьего-либо права. Она рассматривала владение как вероятное право собственности, как его предвестник. Защита владения, по мнению Иеринга, была установлена в первую очередь для защиты права собственности, так как ею мог воспользоваться собственник, не имеющий возможности другим образом доказать свое право. Несобственник мог воспользоваться защитой владения лишь до тех пор, пока не будут доказаны права собственника на спорное имущество.

Теории Савиньи и Иеринга оказали непосредственное влияние на развитие учения о праве владения в русской дореволюционной литературе. Однозначного определения права владения в русском дореволюционном законодательстве не было, и поэтому, в зависимости от того, на позиции какой из теорий стоял автор, он и трактовал понятие владения. Шершеневич Г. Ф., Мейер Д. И., Кавелин К. полагали, что русское законодательство признает и защищает владение, состоящее из объективного и субъективного элементов. «Только при совокупном существовании материального и духовного деятелей владения представляется юридическое владение: присутствие одного фактического отношения, одной наружной стороны юридического владения производит владение естественное; присутствие одного духовного деятеля без фактического отношения к вещи не имеет никакого значения»². Владение должно было рассматриваться как факт, и, следовательно, охране со стороны законодательства (против насилия, самоуправства) подлежала сама личность владельца, независимо от владения.

Противоположных взглядов придерживались К. П. Победоносцев, Е. В. Васильковский. Владение рассматривалось ими как институт, предполагающий существование права собственности. И таковым оно выступает до тех пор, пока не будет доказано обратное. На основании внешнего факта владения должна была строиться и защита, не требующая доказывания права владения.

В законодательстве этого периода относительно владения существовало только одно положение, устанавливавшее, что «всякое, даже незаконное, владение охраняется правительством от насилия и самоуправства доколе, пока имущество не будет присуждено другому и сделаны надлежащие по закону, о передаче оно-го, распоряжения (Зак. Гр. 531)»³.

На основе этой нормы и базировался весь институт фактического владения. Субъектом этого права мог быть и добросовестный, и недобросовестный приобретатель, получавший равную защиту. Подчеркивалось, что этот институт существовал только из соображений устойчивости гражданского правопорядка и носил временный характер, пока не будет доказано более сильное право, право собственности. Одновременно с ним существовал и институт приобретательной давности, т. е. непрерывное и беспорочное владение предполагало возможность на основе судебного решения превратить его в право собственности.

Среди законовеедов прошлого века преобладали две точки зрения на историю возникновения института владения и права собственности. Г. Ф. Шершеневич, К. Д. Кавелин считали, что право собственности предшествовало владению. Они опирались на то, что при утверждении обратного смешиваются юридическое владение и фактическое обладание вещью, не имеющее ничего общего с правом и его защитой⁴.

Противоположной точки зрения придерживались такие юристы, как К. А. Неволин, К. П. Победоносцев, Д. И. Мейер. Исходя из анализа римского права, они утверждали, что владение как отношение фактическое предшествовало праву собственности как отношению юридическому⁵. Владение, по их мнению, служило «заменой там, где право собственности еще не утвердилось»⁶. В обоснование своего мнения они обращаются к историческому обозрению права собственности. Первоначальный вид его — владение, основанное на власти человека, обусловленной свойствами человеческой природы и ограничивающейся экономической силой человека. Простое обладание предшествовало праву. «Владение в эту эпоху есть непосредственное отношение человека к природе; как скоро начинается отношение с людьми по поводу внешних предметов, так зарождается первое понятие о праве собственности»⁷.

В праве советского периода самостоятельный институт владения не нашел законодательного закрепления. Означало ли это, что его не было вовсе и оно не подлежало защите?

Декретом ВЦИК от 20.08.1918 г. частная собственность граждан на недвижимость в городах была отменена⁸. В связи с изменением политической и экономической ситуаций в стране пункты этого положения в отношении стросний были отменены постановлением СНК от 08.08.1921 г.⁹. Однако владельцы стросний менялись и с течением времени стала складываться ситуация, когда фактический владелец не соответствовал юридическому. Судам пришлось вырабатывать свое отношение к фактическому владению. Весь центр тяжести по доказыванию права собственности был перенесен на субъективный момент — намерение владеть имуществом и осуществление этого намерения. Судебной практикой было выработано правило, что документы, удостоверяющие право собственности, могли быть приняты во внимание только как подтверждающие фактическое владение. Защита давалась даже незаконным владельцам, если в их действиях не усматривалось «злостности и спекулятивности».

В такой ситуации вполне логичен был бы вывод о законодательном закреплении фактического владения с установлением института приобретательной давности, в конце концов превращающей владельца в собственника. Но циркуляр НКЮ и НКВД от 10.10.1924 г. «О порядке установления факта владения немunicipализованными стросниями»¹⁰ предусматривал иное: устанавливалась только исковая давность, а если фактическое владение продолжалось свыше трех лет, то погашалось право собственника и строение переходило в собственность государства. Только у государства фактический владелец мог приобрести право собственности: либо путем покупки, либо путем демunicipализации.

Вопреки названным фактам в современной научной литературе утвердилось мнение, что института беститульного, фактического, владения советское законодательство не знало. Но что тогда представляет собой право добросовестного приобретателя (ст. 132 ГК РФ). Если использовать доказательство методом «от обратного» и предположить, что у добросовестного приобретателя возникает право собственности на имущество, то нельзя говорить и о незаконном, недобросовестном приобретении, так как право собственности всегда законно. Основание возникновения права у добросовестного приобретателя признается незаконным, владение имуществом является беститульным и, следовательно, право собственности как таковое здесь не возникает. В данном случае можно говорить только о беститульном, фактическом, владении. Добросовестное приобретение по законодательству РФ подлежит защите и может в зависимости от способа приобретения перерасти в право собственности.

Фактическому, беститульному, владению на протяжении всей истории его существования сопутствовал институт приобретательной давности. В нашем случае его заменили способы приобретения имущества. Право собственности у добросовестного владельца возникает, если он приобрел это имущество по возмездной сделке у лица, которое не имело право его отчуждать, за исключением случаев, если имущество было утеряно «собственником либо лицом, которому имущество было передано собственником, либо похищено у того или другого, либо выбыло из их владения иным путем помимо их воли».

Именно наличием института беститульного, фактического, владения объясняется требование ряда авторов ввести в законодательство институт приобретательной давности¹¹. Этот вопрос возник в связи с существованием заданного имущества, т. е. имущества, на востребование которого срок исковой давности собственника истек. Например, Д. М. Генкин предлагал ввести его только для собственности граждан и только в отношении тех объектов, которые не представляют интереса для государства (предметы потребления)¹².

Впервые в советском законодательстве институт приобретательной давности был предусмотрен Основами советского гражданского законодательства Союза ССР и республик 1991 г.¹³ В соответствии с ч. 3 ст. 50 Основ владение несобственника для приобретения права собственности на имущество должно быть добросовестным, открытым и непрерывным в течение 15 лет для недвижимого и 5 лет для движимого имущества. В проекте ГК РБ также имеются нормы, относящиеся к институту приобретательной давности. Перенеся их в новый ГК, законодатель тем самым фактически установит самостоятельный институт владения, без которого нормы приобретательной давности утрачивают всякий смысл.

Владение как элемент права собственности, как одно из правомочий собственника было одним из самых разработанных вопросов советской цивилистической литературы¹⁴.

По советскому законодательству, законодательству РБ владение рассматривалось и рассматривается как один из элементов различных правовых институтов, одно из правомочий субъекта определенного права. Так, ГК РБ знает защиту владения собственника, нанимателя, залогодержателя. Но владение здесь не представляет собой самостоятельного субъективного права, а является одним из элементов какого-либо другого права (собственности, залога, найма)¹⁵. Владение базируется на каком-либо титуле (праве) и поэтому как общий принцип осуществляется защита только титульного (законного) владения, за исключением случая, предусмотренного ст. 132 ГК РБ.

До 1990 г. определение правомочия владения существовало только в цивилистической литературе, но и тут мнения ученых были различны. Цивилисты, исходившие из марксистского определения права собственности, считали, что владение — это, в первую очередь, общественные отношения между людьми по поводу обладания вещами, по поводу фактического господства лица над вещью¹⁶.

Другие, наоборот, настаивали на том, что под правомочием владения следует понимать право лица фактически господствовать над вещью¹⁷. Они не отрицали, что владение — это «отношения между людьми. Господство над вещью само по себе носит фактический характер, но поскольку такое господство имеет место в обществе людей и закреплено запретительной нормой закона, постольку оно приобретает правовое значение»¹⁸.

Как видим, принципиальных расхождений у этих исследователей нет. Поэтому исходя из того, что в ГК РБ уже содержится понятие правомочия владения, в теоретическом исследовании следует опираться на него. Так, ст. 2 Закона БССР «О собственности в Белорусской ССР» от 11.12.1990 г.¹⁹ определяла владение, входящее в содержание права собственности, как дозволенное законом фактическое обладание имуществом. Ст. 86 ГК РБ 1964 г. с изменениями от 03.03.1994 г.²⁰ определяет правомочие владения как юридически обеспеченную возможность хозяйственного господства над имуществом. Следовательно, на первый план в том и другом определении выдвигается фактическое господство лица над имуществом. Под последним принято понимать даже не всегда наличную материальную связь имущества с владельцем, а потенциальную возможность такой связи. Правомочие владения так же, как и беститульное, фактическое, владение, состоит в фактическом отношении лица к вещи, с той лишь разницей, что первое основано на титуле (праве), а второе титула не имеет.

Трудно сказать, почему наш законодатель употребил термин «хозяйственное господство», а не классический — «фактическое господство». Может быть, он хотел подчеркнуть власть собственника, хозяина, или, если исходить из самого термина, рачительность владения, или в термин «хозяйственное господство», как более объемный по содержанию, входит фактическое господство? Так или иначе употребление одного термина вместо другого ничего не меняет, так как правомочие владения подлежит защите независимо от того, в хозяйственном или фактическом владении находилось имущество.

Правомочие владения, как и само право собственности, имеет вещный и абсолютный характер. Защита от нарушения распространяется на неопределенный круг лиц. Собственнику принадлежит право виндикационного иска — об истребовании вещи из чужого, незаконного владения (ст. 131 ГК РБ)²¹. Никаких ограничений по поводу виндикации по отношению к незаконному владельцу закон не содержит, т. е. имущество, находящееся у незаконного владельца (беститульного), виндицируется его владельцем в любом случае. Исключение из этого требования составляет добросовестный приобретатель (ст. 132 ГК РБ). В этом случае виндикация ограничивается в зависимости от того, каким образом имущество выбыло из обладания собственника.

Вся «триада» правомочий собственника органически взаимосвязана. Особенно это проявляется при осуществлении собственником правомочий владения и пользования. Например, для такого объекта права частной собственности, как жилой дом, без правомочия владения нельзя говорить о правомочии пользования им. Правомочие владения может быть передано собственником третьим лицам по договору (например, договор найма жилого помещения). Но передача правомочия владения уже является реализацией собственником правомочия распоряжения. Собственник вправе осуществлять правомочие владения лично либо через своего представителя. Владение представителя есть как бы владение самого собственника, так как представитель действует в соответствии с указаниями собственника, от его имени и в его интересах.

Можно сказать, что определения сущности института владения, рассмотренные нами с двух позиций, по своей сути совпадают. Владение беститульное и владение как правомочие собственника представляет собой фактическое отношение лица к имуществу. Различие их состоит в наличии или отсутствии титула (законного основания). Введение в законодательство РБ института беститульного, фактического, владения и приобретательной давности послужит упорядочению гражданского оборота, так как укрепит положение фактического владельца и дисциплинирует нерадивых собственников.

¹ См.: Иеринг фон Р. Теория владения. СПб., 1895. С. 20.

² Мейер Д. И. Русское гражданское право. СПб., 1902. С. 253.

³ Васильковский Е. В. // ЖМЮ. 1896. № 4. С. 52.

⁴ См.: Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права. СПб., 1914. Т. 1. С. 259, 260; Кавелин К. О теориях владения. СПб., 1883. Т. 1.

⁵ См.: Победоносцев К. Курс гражданского права. СПб., 1892. Ч. 1. С. 149; Мейер Д. И. Указ. соч. С. 250; Неволин К. Собр. соч. СПб., 1857: Т. 4. С. 110.

⁶ Победоносцев К. Указ. соч. С. 149.

⁷ Там же.

⁸ Собрание узаконений 1918. № 62. Ст. 674.

⁹ Собрание узаконений 1924. № 63. Ст. 702.

¹⁰ Ежегодник советской юстиции. 1925. № 13. С. 339.

¹¹ См.: Венедиктов А. В. // Советское государство и право. 1941. № 4; Черепанин Б. Б. // Советское государство и право. 1940. № 4. С. 51; Толстой Ю. К. Содержание и гражданско-правовая защита права собственности в СССР. Л., 1955. С. 196; Генкин Д. М. Право собственности в СССР. М., 1961. С. 206; Суханов Е. А. Лекции о праве собственности. М., 1991. С. 226.

¹² Генкин Д. М. Указ. соч. С. 213.

¹³ Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1991. № 26. Ст. 733.

¹⁴ См.: Венедиктов А. В. Государственная социалистическая собственность. М., 1948. С. 17; Генкин Д. М. Указ. соч. С. 79; Маслов В. Ф. Основные проблемы права личной собственности в период строительства коммунизма в СССР. Харьков, 1969. С. 23; Тархов В. А. // Уч. зап. Саратовского юридического ин-та. Вып. 3. 1952. С. 110.

¹⁵ Маслов В. Ф. Указ. соч. С. 15; Генкин Д. М. Указ. соч. С. 82.

¹⁶ См.: Венедиктов А. В. Гражданско-правовая охрана социалистической собственности в СССР. М., 1954. С. 106; Еремеев Д. Ф. Право личной собственности в СССР. М., 1958. С. 24; Толстой Ю. К. Указ. соч. С. 51.

¹⁷ См.: Генкин Д. М. Указ. соч. С. 82; Ерошенко А. А. Личная собственность в гражданском праве. М., 1973. С. 124; Маслов В. Ф. Указ. соч. С. 18.

¹⁸ Генкин Д. М. Указ. соч. С. 81.

¹⁹ Ведомости Верховного Совета БССР. 1990. № 2. Ст. 13.

²⁰ Ведомости Верховного Совета РБ. 1994. № 13. Ст. 183.

²¹ См.: Толстой Ю. К. Содержание и гражданско-правовая защита права собственности в СССР. Л., 1955. С. 104; Черепанин Б. Б. // Уч. зап. Свердловского юридического ин-та. 1945. Т. 1. С. 36; Амфитеатров Г. Н. Иски собственников о возврате принадлежащего им имущества. М., 1945. С. 6; Он же // Советское государство и право. 1941. № 2. С. 43.

ПОНЯТИЕ И ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ДОГОВОРА БАНКОВСКОГО СЧЕТА

В соответствии с Порядком ведения кассовых операций в народном хозяйстве Республики Беларусь, утвержденным постановлением Минфина и Нацбанка Республики Беларусь от 01.10.1992 г. № 64/6¹, все предприятия на территории республики, являющиеся юридическими лицами, независимо от форм собственности, а также предприниматели, осуществляющие свою деятельность без образования юридического лица, независимо от сфер деятельности, обязаны хранить свои денежные средства в учреждениях банков. Представляется, что эта обязанность субъектов хозяйствования должна быть закреплена законом. Сейчас закон ограничивается лишь указанием на то, что расчеты производятся предприятиями, как правило, в безналичном порядке через учреждения банков (ч. 2 ст. 79 Закона о предприятиях в Республике Беларусь²).

Отношения банков с клиентами строятся на договорной основе. С одной стороны, клиенты самостоятельно выбирают банки для кредитно-расчетного обслуживания (ч. 1 ст. 21 Закона о банках и банковской деятельности в Республике Беларусь³), а предприятия вправе открывать расчетный и другие счета в любом банке (ч. 1 ст. 78 Закона о предприятиях в Республике Беларусь). С другой стороны, банки не вправе отказывать клиентам в расчетно-кассовом обслуживании, если оно предусмотрено Уставом банка (ч. 2 ст. 21 Закона о банках и банковской деятельности в Республике Беларусь).

Приведенные положения законодательства, кажется, не должны вызывать вопроса: могут ли в банке отказать клиенту в открытии счета? На практике банки часто отказывают в открытии счета предприятиям с небольшим уставным капиталом, которые для них не являются выгодными клиентами. Конечно, такой отказ не является законным и его можно оспорить через хозяйственный суд. Но в то же время, с точки зрения классической доктрины, банкир имеет право свободно выбирать клиентов. Его дело трудоемко и рискованно, а риск он должен принимать на себя только добровольно. Правового же механизма, позволяющего сбалансировать риск банка и потребность его клиента, у нас пока нет.

Правоотношения между банком и его клиентом по хранению денежных средств и производству расчетов опосредуются договором банковского счета, представляющего собой соглашение, в силу которого одна сторона (клиент) обязуется хранить свои денежные средства в банке и может распоряжаться ими с соблюдением действующих правил, а другая сторона (банк) обязуется хранить денежные средства на счете клиента, зачислять поступающие на этот счет суммы и осуществлять кассово-расчетное обслуживание владельца счета в соответствии с законодательством, банковскими правилами, установленными для данного вида счета, и договором.

В юридической литературе по поводу правовой природы договора банковского счета давно ведется дискуссия. Высказаны четыре точки зрения. Одни авторы характеризуют договор банковского счета как совокупность договоров хранения и поручения. Другие — как совокупность договоров займа и поручения. Третьи считают его совокупностью договоров хранения, займа и поручения⁴. (О четвертой точке зрения см. ниже).

Не соглашаясь ни с одной из них, следует отметить, что основную выгоду в договоре хранения получает поклажедатель, поэтому хранитель ничего и не платит поклажедателю. Наоборот, ему платят за услуги по хранению имущества. В договоре же, рассматриваемом нами, клиент получает вознаграждение за хранение средств в банке, которое может осуществляться двумя способами: путем выплаты процентов за остаток средств на счете и путем предоставления различного рода банковских услуг и льгот, например более низкого процента по ссудам для заемщиков, имеющих большие суммы на счетах, снижения платы за услуги, оказываемые тем, кто хранит в банке крупные суммы, и т. д. К тому же хранитель не вправе пользоваться переданным ему на хранение имуществом, если иное не предусмотрено договором, а банк имеет право распоряжаться свободными средствами клиента, как правило, выдавая за их счет кредиты.

Поскольку поступление средств на счет осуществляется, как правило, в безналичном порядке, то в наличии не оказывается материальных вещей, в данном случае денег, которые могли бы перейти в собственность банка, а по договору займа вещи должны переходить в собственность заемщика. Кроме того, рассматриваемые отношения могут быть установлены клиентом только с банком, к тому же в установленном порядке клиент имеет право уменьшать или увеличивать сумму, находящуюся у другой стороны, на какую угодно величину и в какое угодно время.

Следовательно, рассматривать договор банковского счета как совокупность договоров хранения и займа с договором поручения не приходится. Только же

договором поручения охватить содержание этого правоотношения невозможно, так как содержание расчетного правоотношения двойное: хранение безналичных денежных средств в банке и расчетно-кассовое обслуживание.

Наконец, четвертая точка зрения, высказанная относительно правовой природы договора банковского счета, сводится к тому, что этот договор является самостоятельным типом гражданско-правового договора⁵. Она является господствующей в юридической литературе и представляется наиболее соответствующей действительному положению вещей. Своеобразный комплекс прав и обязанностей сторон в рассматриваемом обязательстве позволяет говорить о существовании особого типа договора в гражданском праве — договора банковского счета. В такой совокупности эти права и обязанности не встречаются ни в одном известном гражданскому праву типе договоров. Эта точка зрения воспринята и законодателем. Рассматриваемый договор выделен в отдельный тип в Основах гражданского законодательства бывшего Союза ССР и республик, а также в проекте Гражданского кодекса Республики Беларусь.

Поэтому договор банковского счета обладает специфическими, присущими только ему признаками: а) обязанность его заключения predetermined в подавляющем большинстве случаев общей нормой закона; б) договор заключается, как правило, на неопределенный срок, поскольку хранение средств в банке является обязательным; в) одной из сторон договора всегда является банк.

Договор банковского счета является консенсуальным и двусторонним. С переходом к рынку четко прослеживается тенденция к возмездности этого договора. По договорам с колхозами, бывшим Госстрахом и некоторыми другими организациями банк всегда выплачивал проценты по их вкладам. Эти договоры были возмездными и рассматривались как исключение из общего правила о безвозмездности договора банковского счета. Поначалу возмездность этого договора была закреплена в п. 2 ст. 23 Закона о кооперации в СССР, а затем — в ст. 15 Закона Республики Беларусь о крестьянском (фермерском) хозяйстве⁶. Сейчас банки выплачивают проценты за пользование временно свободными средствами всех предприятий и других хозяйствующих субъектов в соответствии с договорами, заключаемыми с ними. Правило о возмездности договора банковского счета закреплено в п. 2 ст. 110 Основ гражданского законодательства бывшего СССР и республик, что необходимо сделать и в белорусском законодательстве.

Сторонами договора банковского счета являются банк и клиент. Сторону банков представляют коммерческие банки Республики Беларусь. В национальном банке Республики Беларусь могут быть открыты счета только воинским частям, предприятиям, учреждениям, организациям Министерства обороны, Комитета государственной безопасности, Министерства внутренних дел (абз. 18 ст. 22 Закона о Национальном банке Республики Беларусь⁷). Кроме того, в Нацбанк Республики Беларусь обязаны, в соответствии с законом, хранить свои средства все коммерческие банки на специальных корреспондентских счетах. Клиентами банков могут быть как юридические лица, так и предприниматели, осуществляющие свою деятельность без образования юридического лица. Действительно, в законодательстве переходного периода нет препятствий к тому, чтобы клиентом в договоре банковского счета являлось физическое лицо. Все зависит от конкретного договора банка с клиентом. Следует отметить, что в условиях перехода к рынку сфера применения всех договоров вообще, опосредующих расчетные отношения, существенно расширилась. Было бы неверным сегодня утверждать, что сторонами договора денежного вклада (который сейчас необоснованно принято именовать договором банковского вклада, хотя последний опосредует гораздо более широкий круг общественных отношений) могут быть только физические лица. Ими могут быть также юридические лица и предприниматели. Клиентами Нацбанка Республики Беларусь являются коммерческие банки республики (абз. 19 ст. 22 Закона о Национальном банке Республики Беларусь). Предметом договора банковского счета являются услуги банка по хранению средств клиентов и их расчетно-кассовому обслуживанию.

Правлением Нацбанка Республики Беларусь утверждено Положение о порядке открытия в банках расчетных и других счетов⁸. Установлены единые правила открытия в банках республики расчетных и других счетов для юридических лиц Республики Беларусь независимо от форм собственности, а также предпринимателям, осуществляющим свою деятельность без образования юридического лица, независимо от сфер деятельности.

Расчетный счет — это банковский счет, на котором хранятся денежные средства и отражаются все безналичные расчетные операции, вытекающие из деятельности клиента, независимо от источников поступления, направления и использования этих средств. Каждое юридическое лицо или предприниматель, осуществляющий свою деятельность без образования юридического лица, могут иметь в любом коммерческом банке республики (по договоренности с ним) только один расчетный счет в национальной валюте и один расчетный счет в любой иностранной валюте. Наличие у предприятия нескольких расчетных сче-

тов является основанием для применения к руководителю и главному бухгалтеру мер административного воздействия, предусмотренных п. 269 Положения о безналичных расчетах в Республике Беларусь.

Понятие «другие счета» охватывает счета, открываемые в банках для учета вкладных, депозитных, ссудных операций, корреспондентские счета банкам-корреспондентам, счета по учету доходов республиканского бюджета и субрасчетные счета, которые открываются в банках по договоренности с клиентами. Режим использования субрасчетных счетов определяется клиентами по согласованию с обслуживающим банком. Аналогично открываются субрасчетные счета в иностранных валютах.

Предприятиям, имеющим отдельные нехозрасчетные подразделения вне места их нахождения, по ходатайству владельца основного счета могут быть открыты субсчета для зачисления выручки и производства расчетов по месту нахождения этого подразделения. Субсчета открываются по согласованному с местной налоговой инспекцией ходатайству учреждения банка, в котором открыт основной счет хозоргана. Филиалам, представительствам, отделениям и другим обособленным подразделениям предприятий открываются счета при предъявлении в банк ходатайства предприятия, подписанного руководителем и главным (старшим) бухгалтером, а также других документов, необходимых для открытия основного счета.

Открытие счетов в банках других государств производится субъектами хозяйствования Республики Беларусь только с разрешения Национального банка. За нарушение этого правила на субъектов хозяйствования налагается штраф в размере суммы сокрытых средств. При этом открытие счета в банке за пределами республики без разрешения Национального банка рассматривается как сокрытие средств, которые в полной сумме взыскиваются в виде штрафа в доход бюджета (письмо Минфина Республики Беларусь от 23.12.1993 г. №13-07/4438)⁹.

Расчеты между субъектами хозяйствования республики и других государств осуществляются обслуживающими их банками через Центр межгосударственных и межбанковских расчетов (ЦММР) Национального банка республики и корреспондентские счета коммерческих банков, открытые ими в банках других государств с разрешения Национального банка республики и банков других государств.

Инициатива заключения договора банковского счета исходит от клиента, который представляет в банк соответствующее заявление со всеми необходимыми документами (оферта). Уполномоченное должностное лицо банка дает согласие на открытие счета (акцепт) надписью об этом на заявлении клиента. Договор банковского счета считается заключенным с момента совершения этой надписи.

В заключение следует отметить, что, несмотря на формальное равенство участников расчетных отношений, фактически клиент занимает подчиненное по отношению к банку положение. В банковской практике активизируется процесс составления типовых форм различных банковских договоров. Клиенту, обратившемуся за получением услуг, банк предлагает разработанный им типовой договор, в котором клиент, как правило, не может ничего, или почти ничего, изменить.

¹ См.: Бюлл. нормативно-правовой информации. 1993. № 1. С. 53.

² См.: Ведомости Верховного Совета Бел. ССР. 1991. № 3(5). Ст. 13; 1992. № 19. Ст. 302; 1993. № 8. Ст. 49. № 24. Ст. 296; 1994. № 3. Ст. 247.

³ См.: Ведомости Верховного Совета Бел. ССР. 1990. № 2. Ст. 15; 1993. № 2. Ст. 16; Банковский вестник. 1994. № 5. С. 30.

⁴ См. напр.: Ф лей ш и ц Е. А. Расчетные и кредитные правоотношения. М., 1956; Е ф и м о в а Л. Г. // Государство и право. 1992. № 4; Гражданское право. М., 1938. Ч. 2. С. 337.

⁵ См.: И о ф ф е О. С. Обязательственное право. М., 1975. С. 702; Компанец Е. С., П о л о н с к и й Э. Г. Применение законодательства о кредитовании и расчетах. М., 1967. С. 210; М а л е и н Н. С. Кредитно-расчетные правоотношения и финансовый контроль. М., 1964. С. 33; Ш к у н д и н З. И. // Сов. государство и право. 1950. № 5. С. 40-41.

⁶ См.: Ведомости Верховного Совета Бел. ССР. 1991. № 12 (14). Ст. 125.

⁷ См.: Ведомости Верховного Совета Бел. ССР. 1990. № 2. Ст. 16; 1993. № 2. Ст. 14; № 26. Ст. 326; Банковский вестник. 1994. № 5. С. 28.

⁸ См.: Банковский вестник. 1993. № 4. С. 77; 1994. № 5. С. 101, 103; № 10. С. 66.

⁹ См.: Бюлл. нормативно-правовой информации. 1994. № 2. С. 153.

НОВАЕ Ў ВУЧЭБНЫМ ПРАЦЭСЕ

П. С. КАРАКО

КАТЕГОРИИ *целое и часть* В КУРСЕ ФИЛОСОФИИ (содержательные и методические стороны изложения)

В последнее время многими преподавателями философии поднимается вопрос о необходимости коренного изменения характера преподавания курса философии в высшей школе, освобождения его от идеологических и политических наслоений предшествующих десятилетий. Но в погоне за обновлением многие преподаватели, руководствуясь благими намерениями, нередко отказываются и от того положительного, рационального, что было накоплено многолетним опытом преподавания философии. Последнее находит свое выражение в уменьшении количества учебного времени, отводимого на изучение фундаментальных положений материалистической диалектики, исключении из программ курса ряда важнейших мировоззренческих вопросов и включении в них практически без разбора всего того, что сегодня переводится и издается.

Свидетельством сказанному может быть отношение наших философов к таким важнейшим категориям диалектики, как *целое и часть*. Хотя они и были обоснованы в свое время еще Аристотелем и являются столь же «старыми», как и сама философия, но в учебных программах и новых учебниках им не всегда уделяется должное внимание. Эти категории были «прописаны» Аристотелем и в биологии. Со времени выхода его философских и биологических работ то или иное понимание *целого и части*, их соотношения составляло и составляет методологическую основу практически всех биологических теорий.

Вот почему ознакомление студентов, особенно медико-биологических специальностей, с категориями *целого и части*, их соотношением имеет принципиальное значение при изучении истории философии, раскрытии методологической роли философии в системе биологического познания. При этом нужно иметь в виду и то, что рассматриваемые категории всегда были предметом поляризации различных философских систем. Они остаются такими и сегодня. Так, современный австрийский философ К. Гюнцль утверждает, что в основе мира лежит духовно-созидательный принцип, который включает в себя не только признание первичности духа, но и того, что «дух — это метафизическая воля к целостности». Именно «дух, метафизическая, нацеленная на формирование целостности воля, создает целое»¹. Такая воля проявляется, по его убеждению, в атомах, молекулах, генах, организмах живой природы и, наконец, в людях.

В курсе философии категории *целое и часть* следует вкочать в план лекций по теме «Основные категории диалектики». При наличии достаточного количества учебных часов для студентов биологических и медицинских специальностей данная пара категорий может стать темой самостоятельной лекции. Отметив важность и необходимость включения категорий *целого и части* в содержание лекции, преподавателю следует ознакомить студентов с тем, как трактовалось их соотношение в истории философии и биологии. Для Гегеля, например, характерным было признание не только важности этих категорий, но и их противоречивого соотношения. «Содержание, — писал он, — есть целое и состоит из частей (формы), из своей противоположности»². Теоретическое знание, будучи отражением реальных противоречий окружающего мира, с необходимостью включает в себя и противоречивое соотношение целого и части.

Игнорирование этого противоречия, непонимание диалектической связи *целого и части* составляло логико-гносеологическую основу механистических и виталистических трактовок процессов развития живого. Именно противопостав-

ление части целому, а целого части, возведение их в абсолют не позволяло вскрыть и исследовать момент их единства и взаимообусловленности, а тем самым и реальное противоречие развития живого. В механистических концепциях оно понималось как развитие от частей к целому. Так, один из создателей клеточной теории строения растительных и животных организмов Т. Шванн считал, что все организмы, в сущности, состоят из одинаковых частей — клеток. Последние обладают «собственной силой» и «самостоятельной жизнью». Поэтому «основа питания и роста лежит не в организме как целом, а в отдельных элементарных частях — в клетках»³. По Шванну, организм — всего лишь сумма самостоятельных и независимых друг от друга частей (клеток). Данная концепция целостности организма получила дальнейшее развитие и закрепление в целлюлярной патологии Р. Вирхова, целлюлярной физиологии М. Ферворна, механике развития В. Ру и других концепциях и направлениях биологии.

Названные и другие биологические концепции строились на механистическом понимании целостности живых систем, когда целое воспринималось как сумма независимых частей. В конце XIX — начале XX в. оно стало методологической основой идеалистических (виталистических) трактовок целостности и процессов развития живого, абсолютизирующих роль целого. Если же целое больше суммы частей, то развитие живого предстает как развитие от целого к частям. Целое и детерминирует такой процесс развития. В обоснование данной концепции существенный вклад внес известный немецкий эмбриолог Г. Дриш. Поскольку его представления о целостности разделяют К. Гюнцль и многие другие современные виталисты, постольку имеет смысл ознакомить студентов с его системой обоснования природы целого и витализма.

Витализм Дриша возник на основе философской интерпретации проводимых им опытов по искусственному разделению зародышевой клетки амфибий (бластомеров дробления). Они свидетельствовали, что разделенные клетки развиваются в целостный организм, только меньших размеров по сравнению с исходным. Дриш убедился, что различные части (клетки) развивающегося организма могут обладать равными наследственными возможностями и что в процессе развития утраты наследственных факторов не происходит. В то же время выявилось реальное противоречие между равнонаследственным делением и специфической дифференциацией клеток в развивающемся организме. Это бесспорное для биологов положение не могло не вызвать определенных теоретических затруднений. Требовалось расшифровать кажущийся «парадокс природы»: все более дифференцирующиеся в ходе эмбрионального развития клетки сохраняют, однако, видовые свойства и всю полноту наследственной информации, характерной для данного организма. Клетка этим самым предстала и как часть целого, и как потенциальный целостный организм.

Вторым «парадоксом развития» стало для Дриша явление регенерации, когда при утрате некоторых частей тела (например, кусочка жаберной корзины у асцидий) они могут восстанавливаться до целостного организма. Все это оказалось труднообъяснимым с позиций механистической методологии, которой придерживался Дриш. Если организм — это, прежде всего, сложная машина, то в явлениях регенерации каждая часть организма-машины должна содержать в себе также целую машину. Такие же машины — образующиеся при делении новые клетки. Поэтому каждая часть организма может быть представлена бесконечным множеством сложных машин. Однако, как заявляет далее Дриш, такое представление является абсурдным. Поэтому необходимо признать наличие фактора целостности, гармоничности и распределения проспективных способностей каждой из клеток развивающегося организма. Таким фактором является энтелехия. Хотя Дриш и называет ее «фактором природы», но она неделима и нематериальна. «Энтелехия, — пишет он, — может быть только мыслима»⁴.

Как видим, витализм Дриша возник в связи с трудностями интерпретации противоречивых взаимоотношений *целого* и *части* в системе развивающегося организма. Вот почему и вводимая им энтелехия проявляет себя не в действии на части целого, а на их взаимоотношениях. У Дриша она выражает и объясняет качественное отличие живого от неживого, приспособительный характер реакций организма как целого на внешние воздействия, возрастание внутреннего многообразия живого в процессе развития, эквипотенциальную соотнесенность каждой части с целым. Незримо присутствуя в организмах, энтелехия, утверждал Дриш, составляет сущность жизни, основу наследственности и всех других присущих живому качеств. Она несет в себе и цель движения живого, основу свойственных организмам упорядоченности и целостности. Только благодаря энтелехии организм и выступает как нечто большее, чем сумма частей.

Хотя витализм Дриша и возник на методологической основе механистической трактовки соотношения *целого* и *части* биологами того времени, но он был и своеобразным «выходом» из ее ограниченностей. Дриш установил недостаточность исследования причинных связей в развитии живой системы по типу механической детерминации. Он обнаруживает, что в живом суммативное рас-

пределение частей переходит в распределение, которое можно назвать «целым». Взамен принципа механической детерминации частей Дриш выдвигает особую форму причинности — причинность целостности. Хотя последняя и истолковывалась им как наличие «господствующего над частями фактора», но попытка раскрыть проблему целостности через причинность имела важное значение. С проблематикой «причинности целостности» Дриш поднимает проблему целостности организма, вне решения которой нельзя представить решение проблемы развития живого.

Витализм Дриша явился, таким образом, ни чем иным, как идеалистической трактовкой процессов развития живых систем, конкретные механизмы которых было трудно объяснить с позиций механистической методологии. То, что в телеологии Дриша в какой-то мере учитывались установленные им факты эмбриональных регуляций и реальная диалектика *целого* и *части*, позволяло такой телеологии быть плодотворной в методологическом отношении на определенных этапах развития человеческого познания. Поэтому нигилистически отбрасывать ее, как это было у нас, недопустимо. Ибо витализм Дриша оказал значительное воздействие на теоретическое мышление многих биологов первой половины XX в. Так, некоторые из них упрекали И. П. Павлова в том, что своим учением о безусловных и условных рефлексах он создал корпускулярную теорию поведения организма, тогда как для развивающегося организма характерна изначально целостная реакция поведения. Американский физиолог Дж. Когхилл в противовес И. П. Павлову обосновал концепцию, которая, с его точки зрения, охватывает все формы поведения и эмбриогенеза самых различных видов животных.

Согласно концепции Дж. Когхилла, образование структур и функций организма следует за развитием типа его поведения. Но «тип поведения с самого начала полностью охватывает все растущее нормальное животное, представляя совершенно интегрированное единство»⁵. В структурном отношении «целостный тип» представляет определенный, «тотальный» комплекс нервных связей и поэтому с начала возникновения он является неделимым на части. Лишь позже внутри «целостного типа» выделяются отдельные элементарные реакции по типу рефлексов. Причем возникновение местных рефлексов или «частичных типов» есть не что иное, как возникновение отдельных качеств на «определенном фоне». Другими словами, целое предшествует своим частям, оно изначально.

Взгляд на организм как телеологическую целостную систему оказался питательной почвой для многих идеалистических биологических теорий развития (батмизм, организмизм, холизм, эмерджентизм и др.). Дришевское понимание целостности организма просматривается в концепции ноосферы Тейяра де Шардена, а также и во взглядах многих современных естествоиспытателей, социологов, психологов, философов. Для всех их характерным является признание того, что целое изначально и больше суммы своих частей. Последнее утверждение вошло в теоретическое мышление не только западных ученых. Даже в нашем современном учебнике по курсу философии студентам предлагается усвоить следующее положение: «Целое по каким-то причинам есть нечто большее, чем его части, вместе взятые»⁶. Некорректность подобной формулировки и ее включение в учебник вызывает удивление: ведь это виталистическая трактовка целого.

На методологической основе последней К. Гюнцль не только пытается обосновать природу органического целого, но и особенности современного нового мышления в политике, системе межгосударственных отношений. Особый интерес вызывает его концепция целостного развития общества. Для него целью социального развития является «единство рода человеческого, создание живого целого, охватывающего все народы земли»⁷. Только в таком целом, по его мнению, будет обеспечен порядок и свобода личности. Отсюда и высшую цель развития общества он видит в «приращении» целого путем усиления созидательной деятельности «творящего Духа» и любви людей к Богу, и любви Бога к миру людей.

Но этой эволюции, по убеждению Гюнцля, препятствует философия диалектического материализма. Именно она отрицает «созидательную силу Духа и Бога», негативно относится «к идее духовной основы мира», а целостность природы выводит не из «трансцендентного принципа», а «из материи». Все это и «побуждает силы Духа перейти в наступление» на данную философию, которая будет ниспровергнута признанием целого как «божественного акта творящего Духа».

К. Гюнцль не первый, кто пытается опровергнуть диалектический материализм. Но он забывает, что не в рамках диалектического, а в рамках естественно-исторического материализма была впервые обоснована научная концепция целостности. Еще в прошлом веке работы Ч. Дарвина, А. О. Ковалевского, И. И. Мечникова заложили подлинно научные основы раскрытия природы целостности организмов. В этой связи важную роль они отводили коррелятивным связям, взаимодействию клеток, тканей и органов и их функционированию в развивающемся организме. В XX в. обоснование целостности живого, эволюци-

онных механизмов ее становления приумножено исследованиями А. Н. Северцева, И. П. Павлова, И. И. Шмальгаузена и многими другими биологами. В их ряду особая роль принадлежит академику И. И. Шмальгаузену. Активно выступая против механистических и виталистических концепций целостности живых систем, он раскрыл диалектический характер соотношения в организме целого и части, механизмы и детерминирующие факторы его целостного развития. «Организм, — разъясняет Шмальгаузен, — не сумма, а система, т. е. соподчиненная сложная взаимосвязь частей, дающая в своих противоречивых тенденциях, в своем непрерывном движении высшее единство — развивающуюся организацию»⁸.

Цитируемую работу И. И. Шмальгаузена можно рекомендовать студентам для подготовки выступлений на семинарском занятии по рассматриваемым категориям диалектики. При этом преподавателю следует обратить внимание студентов на тот факт, что на основе виталистической концепции целостности ни Дришу, ни последующим его сторонникам не удалось создать сколько-нибудь влиятельной школы «биологического идеализма». Концепция целостности живого, разработанная в рамках естественноисторического материализма, была и остается тем «устоем», «о который разбиваются все усилия и потуги тысячи и одной школки философского идеализма»⁹ в биологии.

Изложение содержания категорий *целое* и *часть* невозможно без их определения, методологическим обоснованием которого может быть только такой подход, когда учитываются их противоречивость и взаимоотношенность. Здесь будет уместным напомнить определение категории *целое* Гегелем: «Целое по своему понятию есть то, что содержит в себе части»¹⁰. Но не просто части, а взаимосвязанные части. Вот почему целое — это система, образованная взаимосвязанными частями и обладающая свойствами, которых нет у составляющих ее частей. Оно не предшествует, а развивается одновременно с формирующимися частями. Целое определяет и функции частей, а специфические функции частей (через их взаимодействие) определяют особенности целого. В этом отношении можно сказать, что часть включает в себя и некоторые специфические свойства целого, но в целом свойства частей сняты. Вот почему они относительно независимы, автономны и выступают в качестве противоположности целого. Часть — это относительно самостоятельный компонент функционирующей целостной системы. Только в своем противоречивом взаимоотношении *целое* и *часть* обеспечивают устойчивость живой системы, ее функционирование и развитие.

Размеры настоящей статьи не позволяют остановиться более подробно на анализе диалектического соотношения целого и части, природы органической целостности. Эти вопросы были предметом специального рассмотрения в одной из монографий автора¹¹. Диалектико-материалистический анализ этих категорий осуществлялся в работах В. Г. Афанасьева, Г. А. Югая и других философов. Развитие традиции философского анализа категорий *целое* и *часть*, выявление их методологической роли в системе научного познания будут обеспечиваться нынешними и будущими студентами при условии, что еще в период обучения в вузе они ознакомятся с фундаментальными вопросами философии и различными методами их исследования. Все это и обуславливает целообразность включения затронутых нами вопросов в учебный процесс.

¹ Г ю н ц л ь К. Новое мышление в преодолении прошлого и созидании будущего. М., 1993. С. 86.

² Г е г е л ь. Энциклопедия философских наук. Т. 1. Наука логики. М., 1974. С. 301.

³ Ш в а н н Т. Микроскопические исследования. М.; Л., 1939. С. 341.

⁴ Д р и ш Г. Витализм, его история и система. М., 1915. С. 263.

⁵ К о г х и л л Д ж. Анатомия и проблема поведения. М.; Л., 1934. С. 70.

⁶ Введение в философию. М., 1989. Ч. 2. С. 117.

⁷ Г ю н ц л ь К. Указ. соч. С. 90.

⁸ Ш м а л ь г а у з е н И. И. Избранные труды. М., 1982. С. 15.

⁹ Л е н и н В. И. Полн. собр. соч. Т. 18. С. 372.

¹⁰ Г е г е л ь. Указ. соч. С. 301.

¹¹ См.: К а р а к о П. С. Философские аспекты индивидуального развития организма. Мн., 1974.

АКТУАЛЬНЫЯ СТАРОНКІ МІНУЎШЧЫНЫ (публікацыі і пераклады)

ДРУГІ ўСЕБЕЛАРУСКІ КАНГРЭС

Ацэнкі Другога ўсебеларускага кангрэса, скліканага Беларускай цэнтральнай радай (БЦР) у акупіраваным Мінску 27 чэрвеня 1944 г. за шэсьць дзён да вызваленьня горада Чырвонай Арміяй, доўгі час заставаліся адназначнымі: з'езд калабаршчыністаў, якія імкнуліся ўвесці «незалежную Беларусь» у «новы еўрапейскі дом», пабудаваны па рэцэптах Гітлера і ўгрунтаваны германскімі штыкамі. Падстаў да такога погляду было больш чым дастаткова. Чаго варты толькі такі факт, што сама БЦР, якая склікала кангрэс, была абвешчана ў канцы снежня 1943 г. генэральным камісарам Беларусі, групэнфюрэрам СС Куртам фон Готбергам. Ён жа ў студзені 1944 г. зацвердзіў і яе першы склад, які ўзначаліў Радаслаў Астроўскі, ужо паспеўшы даказаць сваю адданасьць гітлераўскаму рэйху на пасадах бургамістраў Мінскай акругі, Смаленка, Бранска і Магілёва.

Рада ставіла сваёй мэтай мабілізацыю ўсіх сіл беларускага народа для знішчэння бальшавізму і працавала па Статуту, зацверджанаму тым жа Готбергам. «На чале Беларускай Цэнтральнай Рады (па статуту) стаіць Прэзідэнт, які прызначаецца і звальняецца генэральным камісарам. Астатніх сяброў Рады прызначае генэральны камісар паводле прадстаўленьня Прэзідэнта. Свае распараджэньні і кіраўнічыя пастановы выдае Беларускай Цэнтральнай Рада паводле згоды генэральнага камісара». Функцыі не столькі сродкаў дасягнення незалежнасці і нацыянальнага адраджэння, колькі садзейнічання ажыццяўленню нацысцкай акупацыйнай палітыкі, названай ў народзе «палітыкай генацыду і выпаленай зямлі», выконвалі падпарадкаваныя Радзе ці створаныя ёю мясцовыя арганізацыі і саюзы — Беларускае самапомач, Саюз беларускай моладзі, Беларускае культурнае аб'яднанне, Беларускае краёвае абарона і інш. Многія з супрацоўнікаў і членаў гэтых арганізацый разумелі (не маглі не разумець), што служаць нелюдзям, але служылі: хто верай і праўдай, разлічваючы заняць «месца пад сонцам» пасля перамогі германскай арміі, хто вымушана, а большасць з аглядак на Захад, які «звяза немцам рукі» і тады ўсё ўладзіцца само па сабе.

Кангрэс склікалі напярэдадні ўдэкаў немцаў з Беларусі зусім не выпадкова, у гэтым акце сышліся іптарэсы і Астроўскага, і Готберга. Астроўскі ўжо даўно зразумеў, што яго нямецкая карта біта і што настаў час клапаціцца аб уласным лёсе. Чалавек без перакананняў, ён думаў аб новых гаспадарках і хацеў з'явіцца перад імі не ў агідным абліччы «германскага халуя» (яго ўласныя словы, сказаныя сярод блізкіх сяброў), а ў прывабнай якасці прэзідэнта ўрада, хоць і эмігранцкага, але абранага прадстаўнікамі народа. Што датычылася Готберга, то той, бачачы як так званая «Беларутэнія» звужаецца накішталт шагрэневай скуры, імкнуўся захаваць уладу над беларусамі, якія ў час вайны апынуліся ў Германіі. На адны толькі прымусовыя работы ў гітлераўскі рэйх іх было вывезена больш за 378 тыс. чалавек. Цяпер туды накіроўваліся на-тоўпы тых, хто палохаўся пакарання за свае ўчынкі ў час акупацыі. Даследчыкі называюць каля паўмільёна выхадцаў з Беларусі, што апынуліся ў Германіі і на акупаваных ёю абшарах. Бачнасьць іскага «законнага» урада, які прадстаўляў бы нацыю, давала шанец захаваць германскі ўплыў на гэтых людзей, а фігура Астроўскага, па стандартах акупантаў, падыходзіла на ролю яго галавы.

Дэлегатаў кангрэса падбіралі разам акружэнне Астроўскага і адпаведныя службы Готберга. Пры гэтым яны імкнуліся ахапіць усе тэрыторыі, якія лічылі этнаграфічна беларускімі. Нікога не бянтэжыла тое, што ад Барысаўскай, Бранскай, Чарнігаўскай, Арлоўскай акруг прыбыла толькі па аднаму дэлегату, ад Аршанскай — два, Гомельскай — сем (усе беглякі з Чырвонай Арміі, калабаршчыністы). Затое ад Баранавіцкай — 155, Глыбоцкай — 105 і г. д. Не забыліся пра замежныя беларускія згуртаванні ў Варшаве, Рызе, Кёнігсбергу, Берліне і інш. — 16 чалавек ад іх прыехалі па дазвалах, выдадзеных германскімі ўладамі. У дакладзе Мандатнай камісіі, зачытаным на кангрэсе, усе дэлегаты (1039 чалавек, у тым ліку 904 мужчыны і 135 жанчын) распісаны як настаўнікі (276), земляробы (245), рабочыя (142), службоўцы (234), лекары (20), інжынеры (31), юрысты (25), журналісты (14), аграномы (18), розныя (34). Між тым усе яны працавалі ў акупацыйным апарате, паліцыі, СД, «Краявой абароне», газетах, якія выдаваліся на акупіраванай тэрыторыі.

Галоўнай у парадку дня была справаздача прэзідэнта БЦР Р. Астроўскага. Яна складалася з шасці раздзелаў: мэты кангрэса, утварэнне БЦР і прыніцыпы народнага прадстаўніцтва, абарона краю і ўтварэнне беларускай збройнай сілы, дзейнасць БЦР у галінах школьніцтва і адукацыі, сацыяльных мерапрыемстваў, навукі, культуры, права і інш. Пры чытанні адчува-

ещё асаблівая ўвага аўтара да дзвюх ідэй. Першая з іх — ідэя ці прынцып фюрэрства як аснова народнага прадстаўніцтва. Кангрэс аднагалосна падтрымаў унесены прапановы, абвясціўшы БЦР на чале з Р. Астроўскім «адзіным правамым прадстаўніцтвам беларускага народу». Другая — працяг барацьбы за «лачэсны пасад Беларуса сярод вольных народаў Эўропы» супраць большавікоў і расійскага імперыялізму, з аднаго боку, і польскай экспансіі, з другога. Зразумела, пад абаронай германскай арміі як гаранта незалежнасці.

У рэфератах віцэ-прэзідэнта БЦР М. Шкялёнка размова вялася пра расійска-польскія дагаворы адносна Беларусі, вытокі расійска-польскіх прэтэнзій, школу, якую нанесла маскоўска-польскае панаванне, вынікі Рызскага дагавору 1921 г. і нямецка-польскай вайны 1939 г.

Рэферат члена БЦР А. Калубовіча меў назву: «Аб канчальных разрыве Беларусі з Масквою і аб унесважненні маскоўскага голасу ў беларускіх справах». У абгруктаванні «разрыву» высоўваліся: выкрыццё БССР як фікцыі дзяржаўнасці, «каланіяльнае становішча» Беларусі ў СССР, разгром Сталіным беларускай культуры, разбурэнне цэркваў і нішчэнне духавенства. Вывад рабіўся такі: усякі голас Масквы ў беларускіх справах не мае «ніякай праўнай сілы», а стварэння Масквою нібы беларускія ўрады — ніякіх праўных кампетэнцый».

Некаторыя ўдзельнікі кангрэса ўспамінаюць, што не толькі яго праграма была складзена загалю, але і прамовы былі распісаны па мінутах, прамоўцы вызначаны і зацверджаны, тэксты выступленняў уважліва адрэганаваны. Рэзалюцыя, якая абвясціла адзіным праўным прадстаўніком Беларускага народа і ягонага краю Беларускага Цэнтральную Раду з Прэзідэнтам Радаславам Астроўскім на чале, кангрэс прыняў аднагалосна і пад бурныя воплескі.

У апошні час у замежным і айчынным беларускім друку з'явіліся публікацыі аб рабоце Другога кангрэса, аўтары якіх імкнуцца абысці маўчаннем ці некаж апраўдаць яго прагерманскасць. Антыбольшавіцкая, антымаскоўская і антыпольская накіраванасць надкрэсліваюцца шырока, як сама сабой зразумелая, а нямецкая — проста як тактычны ход, выкліканы барацьбой за незалежнасць у спецыфічных акупацыйных умовах. Пры гэтым аўтары спасылаюцца на матэрыялы кангрэса, выдадзеныя асобнай кніжкай у Мюнхене ў 1954 г. «Фатаграфіі і дакументальныя матэрыялы, — гаворыцца ў прадмове да яе, — атрыманы ад удзельнікаў 2-га Усебеларускага Кангрэсу, перахаваныя імі з вялікім піэтэызмам і вывезеныя на далёкую чужыну з наражэннем на небяспеку асабістага жыцця. Пазней яны былі захаваны ад густых сетак рэпатрыяцыйных большавіцкіх місіяў у Заходняй Нямецчыне». Аднак даволі паірабразныя запісы аб рабоце кангрэса, зробленыя яго ўдзельнікамі, захаваліся і ў архівах Беларусі. Супастаўленне іх з надрукаванымі тэкстамі дазваляе гаварыць аб свядомых скажэннях іх зместу складальнікамі і рэдактарамі мюнхенскага выдання. Апушчана і прывітальная тэлеграма Гіллера, прынятая пад канец кангрэса.

Такіх тэлеграм за гады акупацыі Беларусі калабаранцыністы паслалі вельмі шмат. Першая была з Прагі ад 28 чэрвеня 1941 г. з выпадку нападзення Германіі на СССР. «Белорусская колония протектората Богемии и Моравии, — гаварылася ў ёй, — на своем собрании в Праге 27 июня с. г. решила передать Вам, Ваше превосходительство, как первому истиннейшему освободителю Европы от московских большевиков, а также победоносной немецкой армии, вступившей в Белоруссию для освобождения нашего тяжело страдающего под большевистским игмом народа, самые сердечные пожелания. Желаем Вам, Ваше превосходительство, скорой решающей победы над большевистско-жидовским режимом на всех фронтах». Потым пасылка тэлеграм і прывітанню стала нечым накіштат абавязковага рытуалу розных сходаў, пасаджэнняў, свят.

У шматлікіх прамовах гаварылася тое ж самае. Спашлемся толькі на адну з іх, рукапіс якой захавалася ў архіўных фондах. «Грамадзяне! Сённяшні гістарычны дзень для Беларусі і беларускага народу дзень стаўся магчымым толькі й выключна дзякуючы вызваленню нашае Бацькаўшчыны нямецкай арміяй.

Дык няхай жыве нямецкая армія на чале з правадыром нямецкага народу Адольфам Гітлерам! Няхай жыве!» Вытрымка ўзята з тэзісаў прамовы Р. Астроўскага 22 чэрвеня 1944 г.

Праўда аб Другім усебеларускім кангрэсе павінна быць поўнай. Гэтая публікацыя прысвечана той старонцы яго работы, пра якую камусьці вельмі хацелася б наогул не ўспамінаць.

Дакументы Другога усебеларускага кангрэса, што друкуюцца далей, прыводзяцца па іх рукапіснаму пратаколу, які захоўваецца ў Беларускім Дзяржаўным архіве (БДА. Ф. 381, воп. 2, спр. 2). Улічваючы, што ў пратаколе, які вёў першы сакратар кангрэса Леанід Галяк (юрыст, сябра Акрутовага суда ў Менску), адсутнічаюць асноўныя даклады, вытрымкі з іх прыводзяцца па кнізе «Другі усебеларускі кангрэс» (Мюнхен, 1954). У кожным выпадку ўказваюцца крыніца. Некаторыя названія ў Пратаколе кангрэса дакументы ў архіве БДА адсутнічаюць*.

***

«Кангрэс адбыўся ў Менску ў залі Менскага Беларускага тэатру. Заля цалкам запоўнена дэлегатамі. На сцэне стол прэзідыяма, а за ім рады крэслаў для дэлегатаў, якім не знайшлося месца на залі. Сцэна ўпрыгожана беларускімі і нямецкімі сцягамі і гербамі» (БДА. Ф. 381, воп. 2, спр. 2, арк. 2)**.

«У 8 гадзін у лёжу БЦР, якая знаходзілася ўжо ў поўным складзе, увайшоў Прэзідэнт БЦР Радаслаў Астроўскі. Прысутныя на залі дэлегаты ўстаюць і авачыўнымі воплескамі вітаюць Прэзідэнта.

У 8 гадзін 10 хвілін Прэзідэнт абвясціў Другі Усебеларускі Кангрэс адчыненым і прапанаваў выбраць старшыню Кангрэсу і прэзідыюм» (БДА. Арк. 3).

* Публікацыю і аналітычны тэкст падрыхтавалі дактары гістарычных навук У. К. Коршук і Р. П. Платонаў.

** У далейшым тэксце указваюцца толькі аркушы фонда.

«Пасля таго, як уконстытуваўся прэзідыюм, яго старшыня Я. Кіпель запрапанаваў прыняць наступны парадак дня:

а) Справаздача Прэзідэнта БЦР праф. Радаслава Астроўскага аб дзейнасці Рады.

б) Выбары мандатнай камісіі і камісіі для апрацоўкі рэзалюцыяў.

в) Заслуханьне рэфэрату аб скасаваньні савецкіх і польскіх трактатаў аб Беларусі (Дакладчык гасп. Шкелёнак).

д) Заслуханьне справаздачы мандатнай камісіі.

д) Заслуханьне рэфэрату аб разрыве з бальшавіцкай Масквой (Дакладчык гасп. Калубовіч).

е) Прыняцьцё рэзалюцыяў і заключных прамовы» (БДА. Арк. 4).

Са справаздачы прэзідэнта БЦР Р. Астроўскага

<...>

3) Утварэньне Беларускай Цэнтральнай Рады і прынцыпы народнага прадстаўніцтва

Гэтую магчымасьць наш народ ажыццявіў, творачы Беларускаю Цэнтральную Раду, як вышэйшае прадстаўніцтва нашых народных інтарэсаў, як кіруючы нацыянальны цэнтр.

Зразумела, што для вырашэньня важных праблемаў у жыцьці будучай Эўропы і ўсіх пазытыўна настаўленых да ажыццяўленьня гэтае ідэі народаў, нельга было прытрымлівацца старых лібэральных прынцыпаў, паводле якіх збіраецца нейкі, часта прыпадковы, людзкі элемент для бязупынных дыскусіяў, а трэба было абаперціцца на найлепшыя кадры народу, які прынялі-б на сябе адказную працу перад будучымі пакаленьнямі.

Для гэтай мэты быў пакліканы так званы беларускі актыў, які існаваў у кожнай акрузе і ў кожным раёне. Беларускі актыў высунуў маю кандыдатуру на Прэзідэнта Беларускае Цэнтральнае Рады, якому, згодна са статутам Рады, і было даручана ўфармаваньне самос Рады (Бурныя воплескі).

Тут мушу затрымацца над пытаньнем, які прынцып павінен быць паложаны ў аснову пакліканьня народнага прадстаўніцтва: прынцып так званага фюрэрства (правадырства) ці прынцып дэмакратычнай выбранасьці.

І той і другі мае свае плюсы і недахопы. Выбарная сістэма, пабудаваная на агульным, беспасярэднім, тайным і роўным працяўленьні, не споўніла пакладзеных на яе надзеяў. Вось чаму пасяля шматлікіх спробаў разьвязкі гэтага пытаньня ў некаторых народаў паўстала думка палажыць у аснову дзяржаўнага ці народнага прадстаўніцтва іншы — дыямэтральна процілежны прынцып, прынцып так званага правадырства. Прынцып гэты не павінен зьяўляцца, бязумоўна, сынонімам нейкае безадказнае дыктатуры адзінкі, але адначасна павінен абмяжоўваць уплыў на дзяржаўныя справы прыпадковых безадказных элементаў, даючы поўную магчымасьць удзела ў дзяржаўным будаўніцтве ўсім найбольш энергічным, актыўным народным колам.

Калі ў абставінах мірнага часу недахопы ці нябесьпека дэмакратычных формаў не зьяўляюцца асабліва шкоднымі, то ў ваенных абставінах, зразумела, на гэтыя экспэрымэнты ніводзін народ згадзіцца ня можа. У найбольш дэмакратычных дзяржавах на час вайны... высоўваецца заўсёды таксама нейкая адзінка, якой і перадаюцца паўнамоцтвы народнай рэпрэзэнтацыі і дзяржаўнага кіраўніцтва. Інакш, фактычна, і быць ня можа, бо каб спраўна дзеяла стэрно дзяржаўнага карабля, трэба, каб кіравала ім дасьведчаная рука аднаго капітана.

<...> Вось чаму сяброў Беларускай Цэнтральнай Рады нельга разглядаць як нейкіх самазванцаў, абсалютна не зьвязаных у той ці іншай ступені з вызвольным беларускім рухам, як гэта стараюцца прадставіць масам бальшавікі. Але каб палажыць урэшце канец гэтай недарэчнай ды ілжывай прапагандзе, я ўважаў сваім абавязкам склікаць Вас, гаспадары Дэлегацы, каб прадставіць Вам усю веліч і адказнасьць заданьняў, што стаяць перад нам, а таксама прыцягнуць Вас да больш актыўнага і згоднага ўдзелу ў нашай супольнай працы.

4) Абарона Краю і ўтварэньне беларускай збройнай сілы

<...>

Не зважаючы на ўсе недахопы і цяжкія абставіны, у якіх апынуліся нашы батальёны БКА, яны ўжо шмат заслужылі перад Бацькаўшчынай. Частка іх, як асобныя баявыя адзінкі, можна змагаецца, аддаючы сваё жыцьцё за Бацькаўшчыну, на нутраным фронце ў акцыі супроць вялікай колькасці сталінскіх бандытаў, якіх падтрымоўвае рэгулярная Чырвоная армія. Частка з іх нясе дапаможную службу ў раёнах і мястэчках. Шмат якія вёскі здолелі правесці веснавыя пасеў толькі і выключна дзякуючы ахове батальёнаў БКА.

Ясна, што справу арганізацыі патрэбнай колькасці батальёнаў яшчэ ня можна лічыць закончанай. Мы мусім правесці перш у парадак тое, што маем у сягоньняшні дзень, каб пазней прыступіць да далейшага пакліканьня ў астатніх акругах. Найбольшую цяжкасьць мы мелі і масм з камандным складам». (Другі Усебеларускі Кангрэс. С. 16 —19).

«Апрабата* дзейнасці БЦР і выбары Прэзідэнта БЦР

Прэзідэнт Кангрэсу аб'яўляе, што ў прэзідыюм паступіла прапанова наступнага зьместу: «Другі Усебеларускі Кангрэс Астроўскае, што з гэтага момэнту Беларуска Цэнтральная Рада з Прэзідэнтам Радаславам Астроўскім на чале зьяўляецца адзіным правамоцным прадстаўніцтвам беларускага народу» (Бурныя воплескі).

* Польск. — ухваленне, адабрэньне.

Прэзідэнт Кангрэсу ставіць гэтую прапанову на галасаваньне:

— Хто за гэтую прапанову? Прашу падняць мандаты (Усе дэлегаты ўстаюць і падымваюць мандаты).

— Прашу апусьціць. Хто супроць?

— Супроць няма!

— Хто ўстрымаўся ад галасаванья?

— Такіх няма!

(Другі Усебеларускі Кангрэс. С. 28 —29).

У пратаколе, напісаным Л. Галяком, гэтага тэксту няма. Як выбіраўся Прэзідэнт БЦР, відаць з прамовы Я. Кіпеля.

Гасп. Я. Кіпель. Лічу, што БЦР за шэсьць месяцаў свайго існавання прарабіла многае, можа зроблена і замала, але трэба прыняць пад увагу, што з адной стараны было замала часу, а з другой і важкія абставіны не былі спрыяючымі. Для ўсяго народу ў даны момант з'яўляецца найважнейшым тое, каб знішчыць бандытызм, партызаншчыну.

Прэзідэнт Р. Астроўскі першы пачаў будаваць Беларускаю ўзброеную сілу, яго ведае ўся Беларусь. Лічу, што цяпер не час займацца пустой крытыкай, але трэба ўсім, хто любіць свой край, падтрымаць БЦР на чале з Астроўскім. Прэзідэнт сказаў, што воля Беларусі ў вашых руках. Я лічу, што цяпер няма на Беларусі асобы, больш годнай рэпрэзэнтаваць беларускі народ, і дзеля гэтага прапаную прасіць сп. Прэзідэнта і надалей застацца Прэзідэнтам. (Апладысманты, пераходзячы ў бурлівы воплескі).

— Прапанова прынята! (Доўгатрываючыя воплескі!) (БДА. Арк. 6—7).

У мюнхенскім выданні гаворыцца, што было галасаванне (С. 30), але сакратар кангрэса яго не зафіксаваў.

«У гэты час дэлегат з Вільні др. Франук Грышкевіч выгаласіў з месца: «Няхай жыве сучасны Прэзідэнт Беларускай Цэнтральнай Рады і будучы дажыццёвы Прэзідэнт Беларускай Народнай Рэспублікі»

У пазыдыюм ушлыла і была абвешчана тэлеграма ад фон Готберга, Генеральнага камісара Беларусі, якая прынята гучнымі воплескамі. (БДА. Арк. 11).

Прывітальнае пісьмо Генеральнага камісара ген. фон Готберга і адказ на яго прэзідэнта БЦР

«Другому Усебеларускаму Кангрэсу, на рукі прэзідэнта БЦР прафесара Р. Астроўскага.

Вітаю гэтым 2-гі Усебеларускі Кангрэс і веру, што беларускі народ рашуча, супольна з народам нямецкім, будзе змагацца супроць бальшавіцкай небяспэкі за вызваленне Эўропы і што ён узмацніць і аддасць для гэтага мэты ўсе свае сілы. Тады гэтае цяжкае, змаганьне дасць перамогу, якая і беларускаму народу прынесе шчасліваю будучыню.

Фон Готбэрг, Генеральны камісар СС, групэнфюрэр і генерал-лейтенант. Менск. 27.6.44 г.» (Другі Усебеларускі Кангрэс. С. 30).

Адказ на прывітальнае пісьмо фон Готбэрга (прыняты аднагалосна)

«Ад імя кангрэсу шчыра дзякую за прысланае прывітаньне. Адначасна я, як Прэзідэнт Беларускай Цэнтральнай Рады, складаю Вам падзяку за Вашае зразуменьне пры ўтварэньні Рады і дапамогу па скліканьню Кангрэсу.

Дасюльня дзейнасць БЦР прынясла шмат карысці беларускаму і нямецкаму народам, мабілізуючы беларускія нацыянальныя сілы для барацьбы супроць супольнага нашага ворага — бальшавізму.

Сёння я вельмі цешуся з нагоды скліканья Кангрэсу і глыбока перакананы, што прадстаўнікі ўсяго беларускага народу прызнаюць дзейнасць БЦР алпаведнай ды яшчэ больш рашуча стануць на баку змагаюў за вольную Эўропу, вядучы гэтае змаганьне датуль, пакуль ня будзе дасягнута канчальная перамога.

Р. Астроўскі — Прэзідэнт БЦР» (Там жа. С. 31).

Прывітаньне ад Беларускай Краёвай Абароны

Ад беларускага войска (Беларускае Краёвае Абароны) Кангрэс вітае капітан В. Чабатарэвіч:

«Высокапаважаныя Грамадзяне, Сябры Усебеларускага Кангрэсу! Ад імя ўсіх афіцэраў, падафіцэраў і стральцоў Беларускае Краёвае Абароны прыношу Вам сваё шчырае жаўнерскае прывітаньне.

Гэты дзень, калі ў прабегу апошніх трох дзясяткаў гадоў адбываецца ў сталіцы нашай Бацькаўшчыны Другі Гістарычны Кангрэс, напаўняе нас радасцю. Сёння увесь беларускі народ выяўляе праз вусны сваіх лепшых сыноў тут, у гэтай залі, сваю волю, выказвае свае нацыянальна-палітычныя правы і жаданьні.

Воля беларускага народу зьяўляецца для нас, беларускіх жаўнераў, сьвятой і нашым найвышэйшым абавязкам. Мы — там, дзе ўвесь беларускі народ, мы — там, дзе волю беларускага народу трэба ўзмацніць са зброяй у руках, бо для нас зусім ясна, што перад намі стаіць адна толькі праблема: быць або не быць.

Ужо амаль пяць гадоў, як ідзе жорсткае змаганьне за новую эпоху ў гісторыі чалавецтва. Кладуцца падваліны пад новы сьвет. На палелішчах і развалінах, на пралітай крыві, на касьцях нашых бацькоў, на ахвярах бальшавіцкага тэрору і зьдзеку, на ахвярах польскага панаванья над беларускім народам, на пралітай крыві ў змаганьні з бандытамі павінна паўстаць Вольная і Незалежная Беларусь.

Гэта наша апошняя слова!

Гэтым словам я жадаю Вам, Высокапаважаныя сябры Вялікага Кангрэсу, поспеху ў працы для добра нашага Беларускага Народу! (Воплескі)».

Прывітаньне ад Кёнігсбергскага аддзелу БНС

«Ліст ад Кёнігсбергскага Аддзелу Беларускага Камітэту Самапомачы ў Нямеччыне з дня 22 чэрвеня 1944 г. прысланы на рукі Прэзідэнта Р. Астроўскага для Усебеларускага Нацыянальнага Кангрэсу ў Менску. (Прачытаны):

«Мы, беларусы, працуючы на фабрыках, варштатах і селянскіх гаспадарках у Усходняй Прусіі, сябры Беларускага Камітэту Самапомачы, перасылаем сваё гарачае беларускае прывітаньне Усебеларускаму Нацыянальнаму Кангрэсу з пажаданьнямі добрых вынікаў у яго працы для добра Беларускага Народу і станюўкасьці імкненьня да вялікай мэты ў адказнасьці перад пакаленьнямі і гісторыяй.

Мы, знаходзячыся на чужыне, пільна сочым за працай над адбудовай беларускага нацыянальнага жыцьця і барацьбой за вольнасьць, нашай Бацькаўшчыны. Мы ўпэўнены ў канчальную перамогу ў барацьбе.

Няхай жыве Усебеларускі Нацыянальны Кангрэс! Няхай жыве Прэзыдэнт Беларускай Цэнтральнай Рады прафесар Радаслаў Астроўскі! Няхай жыве вольная і незалежная Беларусь! Сябры Беларускага Камітэту Самапомачы.»

Прывітаньне ад жаўнераў Парадкавай Службы Усходняга фронту

«Другому Усебеларускаму Кангрэсу ў Менску, вельмі паважанаму Гаспадару Прэзыдэнту Прафесару Радаславу Астроўскаму.

Жаўнеры Парадкавай Службы — першай беларускай зброянай арганізацыі прысылаюць з ўсходняга фронту Другому Усебеларускаму Кангрэсу гарачае прывітаньне і жадаюць Яму поўнага поспеху ў ягонай працы над адбудовай Вольнай і Незалежнай Беларусі. Прыракаем Усебеларускаму Кангрэсу поўную салідарнасьць у ягонай дзейнасьці і пастановах. Прыракаем сваю зброю ня выпусьціць з рук, пакуль не застанецца ніводнага ворага на нашай беларускай зямлі. Жыве Беларусь!

26.6.1944. Жаўнеры і афіцэры Парадкавай Службы, Усходні Фронт» (Там жа. С. 31— 32).

З прамовы старшыні горада Менска гасп. А. Комара

<...>

«Магутная нямецкая армія вызваліла нас ад савецка-бальшавіцкай няволі, а зараз яна дае нам усё магчымае праз барацьбу з агульнай ворагам прыйсьці да вольнага жыцьця ў вольнай сям’і эўрапейскіх народаў. Толькі гэты шлях прынясе нам шчаслівае жыцьцё, але мы павінны здабыць яго нашымі рукамі і нашай зброяй. З бальшавізмам у нас няма нічога супольнага; мы з гэтай залі павінны заявіць на ўвесь сьвет, што бальшавікам мы не далі ніякіх паўнамоцтваў быць нашымі прадстаўнікамі. Мы іх апекі ня хочам і не хацелі. Іх Савецкая Беларусь — толькі фальшыўка на шыльдзе, а па сутнасьці — няволя для нашага народу. Мы парываем з імі назаўсёды, бо толькі без бальшавікоў Беларусь можа жыць вольнай» (Воплескі).

Прамова гасп. Анішчыка-Чэмера (Лідская акрута)

«Гаспадар Прэзыдэнт і Дарагія Браты! Ухваляючы розныя пастановы агульнапалітычнага характару, касуючы і так фактычна ўжо не існуючыя трактаты, Усебеларускі Кангрэс ня можа памінуць самых актуальных і самых балючых справаў. Тады, калі беларускі народ мабілізуе ўсе свае сілы на змаганьне з бальшавізмам, польскія бандыты ў Лідчыне і чарнасоценная расейшчына ў Наваградчыне ўбіваюць бяскарна лепшыя сілы беларускай інтэлігенцыі, вызрываюць пагалоўна цэлыя беларускія вёскі, што робіцца ў Наваградчыне (Дзятлава) чарнасоценнай расейшчынай, найлепш скажа прысутны тут гасп. Васіль Рагуля, які там быў бургамістрам. Мы хочам змагацца з бальшавізмам, але мусім мець забясьпечаныя тылы. Прашу Кангрэс зьвярнуцца з просьбаю да гасп. Прэзыдэнта, каб паслаў у Лідчыну беларускія батальёны і зрабіў канец зьдзекам над беларускім насельніцтвам. (Бурныя доўгатрываючыя воплескі).

Беларускія ўлады абымаюць сваёй кампетэнцыйнай толькі заходнія акругі Беларусі і пару ўсходніх. Прашу Кангрэс зьвярнуцца да гасп. Прэзыдэнта зрабіць адпаведныя захады, каб пад кампетэнцыю Беларускай Цэнтральнай Рады падлягала ўся Беларусь, як Заходняя, так і Усходняя (Доўгатрываючыя воплескі).

Прэзыдэнт Кангрэсу зварочваецца да прамоўцы: «Канчайце, няма часу, вы гаворыце не на тэму». [У Пратаколе гэтага няма. Адзначаецца, што прамова перарывалася воплескамі (БДА. Арх. 19)].

Зараз кончу. Дарагія Браты! Перажываем цяжкія часы. Ідзе крывавае вайна, у якой мы таксама бярэм удзел і многіх не далічваемся. Але ўсё-ж такі нашае палажэньне лепшае, чым было 10—20 гадоў назад. Мы маем Прэзыдэнта, маем Цэнтральную Раду і, што найважней, маем собскую збройную сілу, якая ўзаскросла пасля многіх вякоў. Цесна згуртаваўшыся вакол Прэзыдэнта і Галоўнага Кіраўніка Збройных Сілаў, мы асягнем вольную і незалежную Беларусь. (Бурныя і доўгатрываючыя воплескі). Жыве Беларусь!» (Другі Усебеларускі Кангрэс. С. 65—66).

«Паважаныя ўдзельнікі і ўдзельніцы 2-га Усебеларускага Кангрэсу!

Воляю лёсу і нашага народу нам сёння, другі раз у гэтым стагоддзі, дадзена магчымасць заявіць перад усім светам, што беларусы цвёрда наважылі быць вольнымі і незалежнымі.

Усе тыя, што імкнуцца прынесці нам зьдзек і няволю, зьяўляюцца нашымі заклятымі ворагамі, супроць якіх мы вялі, вядзём і будзем весыці самае бязьлітнае змаганьне. Мы не жадаем нічый «апекі», а тым больш «апекі» з боку бальшавіцкае Масквы і панскае Варшавы, якія залілі нашу зямлю сьлязьмі і крывёю.

Нашым прыцелем і саюзнікам можа быць толькі той, хто дапаможа нам парваць ланцугі векавое няволі і выйсці шчыльнымі радамі на прастор вольнага і незалежнага жыцця ў вольнай і незалежнай Беларусі. Усе іншыя намеры ў адносінах да нашае Бацькаўшчыны мы вызнаём варажымі і патрабуючымі адпору. Аб усім гэтым мы яшчэ раз гучным голасам свайго беларускага народу заяўляем усім нашым бліжкім і далёкім суседзям.

Дык няхай-жа жыве Вольная і Незалежная Беларусь! (Бурныя доўгатрываючыя воплескі).

(Другі Усебеларускі Кангрэс. С. 66—67).

Як сведчыць пратакол, прамова Л. Случчаніна была некалькі іншай.

Случчанін: «Сягоньня мы дзеці Беларускага Народу з'ехаліся на Другі Усебеларускі Кангрэс, каб аканчальна вырашыць свой лёс. Сягоньня мы публічна заяўляем цэламу свету, што не маем больш нічога супольнага з Савецкім Саюзам, Польшчай, Літвой і ўсімі дзяржавамі, якія маюць прэтэнзіі да частак нашай тэрыторыі. Заяўляем гэта і ўсім іншым, якія намерыліся прымоціць зьдзек і няволю нашаму народу. Дык няхай жыве Незалежная Беларусь». (БДА. Арк. 17).

Рэзалюцыя II Усебеларускага Кангрэсу

(апрацаваную Рэзалюцыйнай Камісіяй рэзалюцыю зачытаў К. Езавітаў — дэлегат ад беларусаў Латвіі)

<...> «Другі Усебеларускі Кангрэс, сабраўшыся ў Менску, праз чверць стагоддзя пасля Першага Усебеларускага Кангрэсу ў выслушаўшы даклады аб падзеях на Беларусі ў часе паміж абидвума кангрэсамі, аднагалосна пастанавіў:

1. Вызнаць правільнай і зноў пацвердзіць гістарычную пастанову Рады Беларускай Народнай Рэспублікі, якая маючы паўнамоцтвы Першага Усебеларускага Кангрэсу 1917 г., на сваім сходзе 25 сакавіка 1918 г. урачыстай 3-й Устаўнай Граматай вырашыла аб канчальным разрыве Беларусі з бальшавіцкаю Масквою і расейскай дзяржавай у ўсіх яе формах.

2. Пацвердзіць, што Беларускі Народ ніколі ня прызнаваў, ня прызнае цяпер і ніколі ня прызнае ў будучыні за форму свайёй беларускай дзяржаўнасці, накінення яму маскоўскімі захопнікамі формы БССР.

3. Паведаміць усе ўрады і народы свету, што голас Масквы і СССР у беларускіх справах ня мае ніякай праўнай сілы, а ўсе, твораныя Масквою нібыта беларускія ўрады — ня маюць ніякіх праўных кампэтэнцыяў, бо не вызнаюцца Беларускім Народам.

Таму ўсе ўмовы, ці аднабаковыя пастановы ўрадаў: СССР, былой Польшчы і сучаснага гэтак званага эміграцыйнага ўраду Польшчы, якія датычаць тэрыторыі Беларусі і Беларускага Народу і якія былі зроблены раней, або будуць зроблены ў будучыні, — Другі Усебеларускі Кангрэс абвясчае ня маючымі ніякай праўнай сілы; як ня будуць мець сілы і ўсялякія іншыя магчымыя спробы падзелу Беларусі з боку іншых дзяржаваў і народаў.

4. Адзіным праўным прадстаўніком Беларускага Народу і ягонага краю зьяўляецца сягоньня Беларуская Цэнтральная Рада з Прэзідэнтам Радаславам Астроўскім на чале. (Бурная авацыя).

Рэзалюцыя была пастаўлена на галасаваньне і аднагалосна прынята» (Другі Усебеларускі Кангрэс. — С. 67).

Пасля гэтага ўсплыла прапанова ўшанаваць уставаннем памяць нямецкіх жаўнераў, палеглых за вызваленне Беларусі. Па прапанове Прэзідэнта была выслана тэлеграма Перадчыну нямецкаму народу (БДА. Арк. 19, 20).

Правадыру Новай Эўропы Адольфу Гітлеру

Другі Усебеларускі Кангрэс, на які з'ехаліся ў сталічны горад Беларусі Менск 1039 прадстаўнікоў Беларускага Народу, 27.06.44 г. даручыў мне паслаць Вам, Фюрэр, прывітаньне і запэўніць Вас, што Беларускі Народ будзе нязломна змагацца побач з нямецкімі жаўнерамі супроць супольнага нашага ворага — бальшавізму. Мы спадзяемся і верым у канчатковую перамогу, каторая пад Вашым кіраўніцтвам, пры будове Новай Эўропы, прынесе шчасліваю будучыню Беларускаму Народу.

Няхай жыве перамога!

Р. Астроўскі. Менск, 27 чэрвеня 1944 г.

Пасля гэтага старшыня Я. Кіпель абвясціў, што Кангрэс закончаны. Паседжанне зачынілася нямецкім і беларускім гімнамі» (БДА. Арк. 20).

У мюнхенскім выданні замест гэтага паведамляецца, што ў заключнай прамове Прэзідэнт БЦР праф. Астроўскі запрапанаваў ўшанаваць уставаннем памяць беларусаў, аддаўшых жыццё за вызваленне Беларусі. Аркестр адыграў беларускі гімн (С. 68). Дзе ж прада?

ПРАВОВЫЯ ГАРАНТЫ ДЗЕЙНАСЦІ ПАЛІТЫЧНЫХ ПАРТЫЙ У РЭСПУБЛІЦЫ БЕЛАРУСЬ

На працягу 1991 – 1994 гг. часопіс друкаваў праграмныя дакументы палітычных партый, якія ў мінулым дзейнічалі на Беларусі. Чытачы пазнаёміліся з праграмамі беларускіх нацыянальна-дэмакратычных партый, якія, нягледзячы на кароткі перыяд дзейнасці і трагічны фінал, дамагаліся развіцця дэмакратычных традыцый на Беларусі, змагаліся за яе росквіт і шчасце народа. Значная ўвага была ўдзелена і агульнарасійскім палітычным партыям, якія актыўна праявілі сябе ў гісторыі Беларусі. У асноўным на падставе гэтых публікацый кафедра сусветнай і айчынай гісторыі Белдзяржуніверсітэта апублікавала ў 1994 г. вучэбны дапаможнік для студэнтаў «Праграмныя дакументы палітычных партый»¹.

Вывучэнне праграмных дакументаў палітычных партый мае выключнае значэнне ў цяперашні час, калі ў Рэспубліцы Беларусь ідзе актыўны працэс стварэння шматпартыйнай сістэмы. Многія з нараджаючыхся сёння партый бяруць назвы сваіх папярэднікаў. У чым іх падабенства і паўтаральнасць, што ўзялі яны ад сваіх папярэднікаў і што ўнеслі новага, ці не паўтараюцца былыя памылкі ў іх палітычных устаноўках?

Вывучаючы мінулае, шукаць правільны адказ для будучага — такая дыялектыка творчага пазнання гэтай праблемы.

Вось чаму мы прапануем чытачу ў далейшым знаёмства з праграмнымі дакументамі сучасных палітычных партый Беларусі. І пачаць гэта метаагодна з вывучэння Закона Рэспублікі Беларусь аб палітычных партыях, які ўступіў у сілу ў кастрычніка 1994 г. На падставе Пастановы Вярхоўнага Савета Рэспублікі Беларусь ад 5 кастрычніка 1994 г. палітычныя партыі, зарэгістраваныя да ўвядзення ў дзеянне Закона, абавязаны прывесці ў адпаведнасць з ім свае статуты і праграмы і прадставіць да 1 красавіка 1995 г. неабходныя дакументы для перарэгістрацыі, або рэгістрацыі ў Міністэрства юстыцыі Рэспублікі Беларусь.

У. К. Коршук

ЗАКОН РЭСПУБЛІКІ БЕЛАРУСЬ АБ ПАЛІТЫЧНЫХ ПАРТЫЯХ²

Раздзел I

АГУЛЬНЫЯ ПАЛАЗЖЭННІ

Артыкул 1. Пяняіцца палітычнай партыі.

Палітычнай партыяй з'яўляецца незалежнае, утворанае на аснове індывідуальнага добраахвотнага членства аб'яднанне грамадзян, якое дзейнічае ў рамках Канстытуцыі і законаў Рэспублікі Беларусь, садзейнічае выяўленню і выказванню палітычнай волі грамадзян і ўдзельнічае ў выбарах.

Артыкул 2. Права на аб'яднанне ў палітычныя партыі.

Грамадзяне Рэспублікі Беларусь маюць права на свабоду аб'яднання ў палітычныя партыі.

Артыкул 3. Забарона абмежавання правоў і свабод грамадзян у сувязі з іх прыналежнасцю або непрыналежнасцю да палітычных партый.

Прыналежнасць або непрыналежнасць грамадзяніна да палітычнай партыі не можа служыць падставай для абмежавання яго правоў і свабод ці для недапушчэння выканання ім устаноўленых законам абавязкаў, за выключэннем выпадкаў, прадугледжаных артыкулам 12 гэтага Закона.

Прыналежнасць або непрыналежнасць грамадзяніна да палітычнай партыі не можа служыць падставай для прадстаўлення ці не прадстаўлення яму дзяржавай ільгот і пераваг.

Не дапускаецца патрабаванне аб указанні ў афіцыйных дакументах на членства ў той ці іншай палітычнай партыі, за выключэннем выпадкаў, прадугледжаных артыкулам 12 гэтага Закона.

Артыкул 4. Асноўныя прынцыпы дзейнасці палітычных партый.

Палітычныя партыі дзейнічаюць на аснове прынцыпаў свабоды асацыяцый, дэмакратызму, самакіравання, законнасці, галоснасці і раўнапраўя ўсіх палітычных партый.

Палітычныя партыі засноўваюць сваю дзейнасць згодна са сваімі статутамі і праграмамі.

Дзейнасць палітычных партый не павінна перашкаджаць органам дзяржаўнай улады і кіравання, прадпрыемствам, арганізацыям і ўстановам у ажыццяўленні імі сваіх функцый.

Артыкул 5. Дзяржава і палітычныя партыі.

Дзяржава гарантуе абарону правоў і законных інтарэсаў палітычных партый, стварэнне ўмоў для выканання імі сваіх статутных мэт і задач, у тым ліку шляхам карыстання дзяржаўнымі сродкамі масавай інфармацыі.

Органам дзяржаўнай улады і кіравання, прадпрыемствам, арганізацыям, установам і іх службовым асобам забараняецца ўмешвацца ва ўнутраныя справы палітычных партый ці перашкаджаць у той або іншай форме іх дзейнасці, калі яна ажыццяўляецца ў адпаведнасці з законам і іх статутамі.

Артыкул 6. Абмежаванні пры стварэнні і дзейнасці палітычных партый.

На тэрыторыі Рэспублікі Беларусь не могуць стварацца і дзейнічаць палітычныя партыі іншых дзяржаў і іх тэрытарыяльныя адзінкі.

Забараняецца стварэнне і дзейнасць палітычных партый, якія маюць на мэце гвалтоўнае змяненне канстытуцыйнага ладу ці вядуць прапаганду вайны, нацыянальнай, рэлігійнай і расавай варожасці.

Ідэалогія палітычных партый не можа ўстанаўлівацца ў якасці абавязковай для грамадзян.

Артыкул 7. Спосабы дзейнасці палітычных партый.

Свае мэты і задачы палітычныя партыі ажыццяўляюць праз:

- распрацоўку і прапаганду палітычных праграм, зваротаў і заяў;
- правядзенне з'ездаў, канферэнцый і іншых партыйных сходаў;
- вылучэнне кандыдатаў на выбарах, удзел у выбарчых кампаніях, у тым ліку шляхам стварэння выбарчых блокаў з іншымі партыямі, а таксама кантроль за ходам і вынікамі выбараў;
- удзел у падрыхтоўцы дзяржаўных рашэнняў;
- актывізацыю ўдзелу грамадзян у кіраванні дзяржаўнымі і грамадскімі справамі, у фарміраванні прадстаўнічых органаў і органаў мясцовага кіравання і самкіравання;
- уздзейнічанне ў рамках існуючага заканадаўства іншымі дэмакратычнымі метадамі і спосабамі на стан грамадскай думкі.

Артыкул 8. Заканадаўства аб палітычных партыях.

Заканадаўства аб палітычных партыях складаецца з Канстытуцыі Рэспублікі Беларусь, гэтага Закона і іншых актаў заканадаўства Рэспублікі Беларусь.

Раздел II

ПАРАДАК СТВАРЭННЯ ПАЛІТЫЧНЫХ ПАРТЫЙ

Артыкул 9. Заснавальнікі палітычных партый.

У якасці заснавальнікаў палітычных партый маюць права выступаць грамадзяне Рэспублікі Беларусь, якія дасягнулі 18-гадовага ўзросту, валодаюць выбарчым правам, не абмежаваны судом у дзеяздольнасці і не знаходзяцца ў месцах пазбаўлення волі.

Артыкул 10. Умовы стварэння палітычных партый.

Для стварэння палітычнай партыі неабходна, каб яна мела не менш 500 заснавальнікаў.

Палітычныя партыі засноўваюцца на іх устаноўчых з'ездах, канферэнцыях (іншых устаноўчых арганізацыйных мерапрыемствах). Устаноўчы з'езд, канферэнцыя (іншае ўстаноўчае арганізацыйнае мерапрыемства) прымаюць рашэнне аб стварэнні палітычнай партыі, яе назве, зацвярджаюць статут, праграму і ўтвараюць выбарныя органы.

Палітычныя партыі будуцца выключна па тэрытарыяльнаму прынцыпу.

Артыкул 11. Статуты палітычных партый.

Статуты палітычных партый павінны быць адкрытымі для ўсеагульнага азнамлення і змяшчаць наступныя палажэнні:

- 1) мэты, задачы і метады дзейнасці;
- 2) поўную і скарачаную назву;
- 3) структуру партыі і выбарных органаў;
- 4) парадак прыёму ў партыю і выхаду з яе;
- 5) правы і абавязкі членаў партыі;
- 6) парадак утварэння выбарных органаў, іх кампетэнцыю і тэрміны паўнамоцтваў;
- 7) парадак прыняцця і абскарджання партыйных рашэнняў, іх ажыццяўлення і формы кантролю.
- 8) умовы членства, формы і тэрміны склікання членаў партыі і (або) іх прадстаўнікоў;
- 9) крыніцы ўтварэння сродкаў і маёмасці;
- 10) парадак унясення змяненняў і дапаўненняў у статут;
- 11) парадак рэарганізацыі або ліквідацыі партыі і вырашэння пытання аб лёсе яе маёмасці;
- 12) месца размяшчэння кіруючых органаў партыі.

У статуте могуць прадугледжвацца іншыя палажэнні, якія датычацца стварэння і дзейнасці палітычнай партыі, не супярэчаць заканадаўству Рэспублікі Беларусь.

Артыкул 12. Членства ў палітычных партыях. Колькасны склад палітычных партый.

Палітычныя партыі маюць фіксаванае членства.

Членамі палітычных партый могуць быць толькі грамадзяне Рэспублікі Беларусь.

Прэзідэнт Рэспублікі Беларусь прыпыняе членства ў палітычных партыях на ўвесь тэрмін паўнамоцтваў.

Не могуць быць членамі палітычных партый на ўвесь перыяд сваіх паўнамоцтваў судзі, пракурорскія работнікі, супрацоўнікі органаў унутраных спраў, Кантрольнай палаты Рэспублікі Беларусь, органаў бяспекі, ваеннаслужачыя і іншыя асобы, на якіх распаўсюджваецца статус ваеннаслужачых.

Член палітычнай партыі мае права свабоднага выхаду з партыі.

Колькасны склад палітычнай партыі не можа быць меншым за колькасць яе заснавальнікаў.

Артыкул 13. Назва і сімволіка палітычных партый.

Назвы палітычных партый, у тым ліку скарачаныя, іх сімволіка павінны адрознівацца ад назваў і сімволікі іншых палітычных партый і грамадскіх аб'яднанняў, зарэгістраваных у Рэспубліцы Беларусь, і не парушаць правоў на інтэлектуальную ўласнасць.

У назве палітычнай партыі не дапускаецца выкарыстанне ўказання на афіцыйныя назвы дзяржаў як поўныя, так і скарачаныя; назваў, выкарыстанне якіх супярэчыць заканадаўству або грамадскай маралі; уласных імён асоб, калі яны не супадаюць з імем заснавальнікаў і заснавальнікі не атрымалі дазволу такіх асоб (іх наследнікаў).

Не дапускаецца выкарыстанне ў якасці сімволікі палітычнай партыі дзяржаўнай сімволікі Рэспублікі Беларусь або сімволікі іншай дзяржавы.

Назвы і сімволіка палітычных партый не могуць служыць прапагандзе мэт, узаканых у частцы другой артыкула 6 гэтага Закона.

Назвы палітычных партый, у тым ліку скарачаныя, і іх сімволіка павінны адрознівацца ад назваў і сімволікі тых палітычных партый, якія ліквідаваны па рашэнню суда.

Сімволіка палітычных партый зацвярджаецца іх кіруючымі органамі ў адпаведнасці са статутамі і падлягае дзяржаўнай рэгістрацыі органам, які рэгіструе або зарэгіструваў палітычную партыю.

Раздел III

РЭГІСТРАЦЫЯ, РЭАРГАНІЗАЦЫЯ І ЛІКВІДАЦЫЯ ПАЛІТЫЧНЫХ ПАРТЫЙ

Артыкул 14. Парадак рэгістрацыі палітычных партый.

Рэгістрацыя палітычных партый ажыццяўляецца Міністэрствам юстыцыі Рэспублікі Беларусь.

Для рэгістрацыі палітычнай партыі ў месячны тэрмін з дня прыняцця статута падаюцца наступныя дакументы:

- 1) заява, падпісаная не менш чым трыма членамі кіруючага органа партыі;
- 2) статут;
- 3) праграма;
- 4) пратакол устаноўчага з'езда, канферэнцыі (іншага ўстаноўчага арганізацыйнага мерапрыемства);
- 5) дакументы, якія пацвярджаюць колькасць заснавальнікаў партыі;
- 6) дакумент банка, які пацвярджае аплату рэгістрацыйнага збору;
- 7) матэрыялы, якія пацвярджаюць выкананне патрабаванняў гэтага Закона, у тым ліку:

— звесткі аб членах выбарных органаў (прозвішча, імя, імя па бацьку, год нараджэння, месца жыхарства і работы, нумар тэлефона);

— заява асоб, узаканых у частцы другой артыкула 13 гэтага Закона, аб згодзе на выкарыстанне ў назве палітычнай партыі ўласнага імя грамадзяніна;

— рашэнне вышэйшага органа партыі аб наданні паўнамоцтваў членам кіруючага органа з надзяленнем іх правам прадстаўляць палітычную партыю ў працэсе рэгістрацыі ці ў выпадку спрэчак у судзе.

Заява аб рэгістрацыі палітычнай партыі разглядаецца ў месячны тэрмін з дня яе падачы. Па выніках разгляду прымаецца рашэнне аб рэгістрацыі палітычнай партыі, адтэрміноўцы ў рэгістрацыі або адмовы ў рэгістрацыі. Рашэнне выдаецца ці накіроўваецца па пошце кіруючаму органу палітычнай партыі не пазней чым у трохдзённы тэрмін з дня яго прыняцця.

З дня рэгістрацыі палітычная партыя набывае правы юрыдычнай асобы.

Пры ўнясенні змяненняў і дапаўненняў у асноўныя палажэнні статута, указаныя ў пунктах 1 і 2 артыкула 11 гэтага Закона, палітычныя партыі падлягаюць

рэгістрацыі ў парадку і тэрмін, прадугледжаныя гэтым артыкулам. Пры ўнясенні ў статут іншых змяненняў і дапаўненняў рэгістрацыі падлягаюць толькі гэтыя змяненні і дапаўненні.

Паведамленне аб рэгістрацыі палітычнай партыі друкуецца ў афіцыйным выданні.

Артыкул 15. Адтэрміноўка рэгістрацыі палітычнай партыі.

Рэгістрацыя можа быць адкладзена на тэрмін да трох месяцаў, калі парушаны парадак стварэння палітычных партый, прадугледжаны гэтым Законам.

У рашэнні аб адтэрміноўцы рэгістрацыі павінны быць указаны прычыны, па якіх адкладваецца рэгістрацыя палітычнай партыі.

Артыкул 16. Адмова ў рэгістрацыі палітычнай партыі.

Адмова ў рэгістрацыі палітычнай партыі адбываецца ў выпадках, калі:

1) статут сведчыць аб тым, што мэты, задачы і метады дзейнасці палітычнай партыі супярэчаць Канстытуцыі Рэспублікі Беларусь, гэтаму Закону і іншым актам заканадаўства Рэспублікі Беларусь;

2) у трохмесячны тэрмін не выкананы патрабаванні, указаныя ў рашэнні аб адтэрміноўцы рэгістрацыі.

У выпадку адмовы ў рэгістрацыі палітычнай партыі кіруючаму органу паведамляецца аб гэтым пісьмова ў межах тэрміну, устаноўленага для рэгістрацыі, з указаннем матываў адмовы і парушаных прававых норм.

Артыкул 17. Абскарджанне адмовы ў рэгістрацыі палітычнай партыі.

Калі рэгістрацыя палітычнай партыі ў прадугледжаны тэрмін не адбылася ці ў ёй адмоўлена па мыгтвах, якія кіруючым органам палітычнай партыі лічацца не маючымі падстаў, ён можа абскардзіць прынятае рашэнне ў Вярхоўны суд Рэспублікі Беларусь у месячны тэрмін з дня атрымання гэтага рашэння.

Артыкул 18. Парадак уліку арганізацыйных структур палітычных партый.

Мясцовыя органы юстыцыі бяруць на ўлік арганізацыйныя структуры палітычных партый, калі статутнымі дакументамі прадугледжана, што арганізацыйныя структуры з'яўляюцца юрыдычнымі асобамі.

Для пастаноўкі на ўлік кіраўніцтва партыі прадстаўляе ў месячны тэрмін гэтым органам адпаведныя дакументы аб стварэнні арганізацыйнай структуры.

Артыкул 19. Дзяржаўны рэстр палітычных партый.

Міністэрства юстыцыі Рэспублікі Беларусь вядзе Дзяржаўны рэстр палітычных партый.

Артыкул 20. Пасведчанні аб рэгістрацыі палітычных партый, іх сімволікі і арганізацыйных структур.

Міністэрства юстыцыі Рэспублікі Беларусь у трохдзённы тэрмін пасля прыняцця рашэння аб рэгістрацыі палітычнай партыі і (або) сімволікі выдае пасведчанні аб рэгістрацыі партыі і (або) яе сімволікі.

Мясцовыя органы юстыцыі выдаюць пасведчанні аб пастаноўцы на ўлік арганізацыйным структурам палітычных партый.

Артыкул 21. Збор за рэгістрацыю палітычных партый і іх сімволікі.

За рэгістрацыю палітычных партый і іх сімволікі, калі рэгістрацыя сімволікі адбываецца неадначасова з рэгістрацыяй партыі, бярэцца збор у парадку і памерах, устаноўленых Кабінетам Міністраў Рэспублікі Беларусь.

Артыкул 22. Рэарганізацыя і ліквідацыя палітычных партый.

Рэарганізацыя палітычных партый (зліццё, далучэнне, раздзяленне, выдзяленне або пераўтварэнне) ажыццяўляецца па рашэнню іх вышэйшых органаў. Рэгістрацыя новаўтвораных палітычных партый пасля рэарганізацыі ажыццяўляецца ў адпаведнасці з гэтым Законам.

Палітычныя партыі могуць быць ліквідаваны:

1) па рашэнню іх вышэйшых органаў;

2) па рашэнню Вярхоўнага суда Рэспублікі Беларусь на падставах, прадугледжаных артыкулам 35 гэтага Закона.

Прадстаўленне аб ліквідацыі палітычных партый уносіцца ў Вярхоўны суд Рэспублікі Беларусь Міністэрствам юстыцыі Рэспублікі Беларусь або Пракуратурай Рэспублікі Беларусь.

Сродкі і маёмасць ліквідаваных палітычных партый пасля задавальнення маёмасных прэтэнзій выкарыстоўваюцца ў парадку, прадугледжаным іх статутамі.

Рашэнне вышэйшага органа палітычнай партыі аб яе ліквідацыі або адпаведнае рашэнне Вярхоўнага суда Рэспублікі Беларусь накіроўваецца ў Міністэрства юстыцыі Рэспублікі Беларусь, адпаведны фінансавы орган і друкуецца ў афіцыйным выданні.

На падставах рашэнняў вышэйшага органа палітычнай партыі або Вярхоўнага суда Рэспублікі Беларусь Міністэрства юстыцыі Рэспублікі Беларусь выключыць ліквідаваную палітычную партыю з Дзяржаўнага рэстра палітычных партый, а мясцовыя органы юстыцыі здымаюць яе арганізацыйныя структуры з уліку.

ПРАВЫ І ўМОВЫ ДЗЕЙНАСЦІ ПАЛІТЫЧНЫХ ПАРТЫЙ

Артыкул 23. Права палітычных партый.

Палітычныя партыі з моманту іх рэгістрацыі маюць права:

- 1) свабодна распаўсюджаць інфармацыю аб сваёй дзейнасці, прапагандаваць свае ідэі, мэты і рашэнні;
- 2) утвараць свае друкаваныя выданні, ажыццяўляць выдавецкую дзейнасць, а таксама карыстацца ва ўстаноўленым парадку дзяржаўнымі сродкамі масавай інфармацыі;
- 3) праводзіць мітынгі, дэманстрацыі, сходны і іншыя масавыя мерапрыемствы ў парадку, ўстаноўленым заканадаўствам;
- 4) уплываць праз сваіх прадстаўнікоў у выбарных дзяржаўных органах на выпрацоўку адпаведных рашэнняў;
- 5) удзельнічаць у падрыхтоўцы і правядзенні выбараў, вылучаць кандыдатаў і весці агітацыю за іх; утвараць выбарчыя блокі для ўдзелу ў перадвыбарнай кампаніі і выбарах;
- 6) падтрымліваць сувязі з іншымі палітычнымі партыямі і грамадскімі аб'яднаннямі.

Палітычныя партыі могуць мець іншыя права, прадугледжаныя гэтым Законом і іншымі заканадаўчымі актамі Рэспублікі Беларусь.

Артыкул 24. Уласнасць палітычных партый.

Палітычныя партыі могуць мець ва ўласнасці любую маёмасць, неабходную ім для матэрыяльнага забяспячэння дзейнасці, прадугледжанай статутам, за выключэннем аб'ектаў, якія згодна з законам могуць знаходзіцца толькі ва ўласнасці дзяржавы.

Артыкул 25. Вытворча-гаспадарчая і камерцыйная дзейнасць палітычных партый.

Палітычныя партыі, установы і арганізацыі, якія ствараюцца імі, не маюць права засноўваць прадпрыемствы, за выключэннем сродкаў масавай інфармацыі, і займацца гаспадарчай і іншай камерцыйнай дзейнасцю, за выключэннем продажу грамадска-палітычнай літаратуры, іншых прапагандысцкіх і агітацыйных матэрыялаў, вырабаў з уласнай сімволікай, правядзення фестываляў, святаў, выставак, лекцый, іншых грамадска-палітычных мерапрыемстваў.

Дапускаецца выкарыстанне палітычнымі партыямі сваіх сродкаў на добрачынныя мэты, нават калі гэта не ўказана ў статутах.

Артыкул 26. Сродкі палітычных партый.

Крыніцамі грашовых і іншых сродкаў палітычных партый з'яўляюцца:

- 1) уступныя і членскія ўзносы;
- 2) даходы ад маёмасці, выдавецкай дзейнасці, распаўсюджвання друкаваных выданняў і публікацый, выкарыстання іншых сродкаў масавай інфармацыі;
- 3) паступленні ад правядзення культурна-масавых, дабрачынных і іншых мерапрыемстваў;
- 4) ахвяраванні і дарэнні;
- 5) іншыя паступленні, не забароненыя заканадаўствам.

Члены палітычных партый не маюць права на маёмасць і фінансавыя сродкі партыі і не нясуць адказнасці за яе даўгі. Палітычная партыя не нясе адказнасці па абавязателствах асобных яе членаў.

Артыкул 27. Абмежаванні ў фінансаванні палітычных партый.

Не дапускаецца фінансаванне партый з дзяржаўнага бюджэту.

Органы дзяржаўнай улады і кіравання, дзяржаўныя прадпрыемствы, установы і арганізацыі не маюць права фінансаваць палітычныя партыі.

Палітычным партыям, іх установам і арганізацыям забараняецца прама ці ўскосна атрымліваць сродкі і іншую маёмасць ад:

- замежных дзяржаў і арганізацый, міжнародных арганізацый, замежных грамадзян і асоб без грамадзянства;
- ананімных ахвярадаўцаў.

Не лічыцца атрыманнем незаконных сродкаў ўдзел прадстаўнікоў палітычных партый у навуковых канферэнцыях, партыйных з'ездах і іншых мерапрыемствах за кошт прымаючага боку.

Палітычныя партыі не маюць права атрымліваць даходы ад акцый і іншых каштоўных папер, ім забараняецца мець рахункі ў замежных банках і захоўваць у іх каштоўныя рэчы.

Ахвяраванні ці дарэнні, атрыманыя ў парадку, які не адпавядае патрабаванням гэтага артыкула, павінны быць перададзены ці пераведзены ў дзяржаўны бюджэт.

Артыкул 28. Абарона правоў палітычных партый.
Абарона правоў і законных інтарэсаў палітычных партый ажыццяўляецца ў судовым парадку.

Раздзел V

НАГЛЯД І КАНТРОЛЬ ЗА АДПАВЕДНАСЦЮ ДЗЕЙНАСЦІ ПАЛІТЫЧНЫХ ПАРТЫЙ ЗАКАНАДАЎСТВУ І ІХ СТАТУТАМ

Артыкул 29. Пракурорскі нагляд за адпаведнасцю дзейнасці палітычных партый заканадаўству.

Нагляд за адпаведнасцю дзейнасці палітычных партый Канстытуцыі Рэспублікі Беларусь і законам Рэспублікі Беларусь ажыццяўляюць Генеральны пракурор Рэспублікі Беларусь і падначаленыя яму пракуроры.

Артыкул 30. Кантроль за адпаведнасцю дзейнасці палітычных партый заканадаўству і іх статутам.

Кантроль за адпаведнасцю дзейнасці палітычных партый Канстытуцыі Рэспублікі Беларусь, дзеючаму заканадаўству і іх статутам ажыццяўляецца Міністэрствам юстыцыі Рэспублікі Беларусь.

Службовыя асобы Міністэрства юстыцыі Рэспублікі Беларусь, якія рэгіструюць палітычныя партыі, у межах сваіх службовых абавязкаў маюць права ўдзельнічаць ва ўсіх мерапрыемствах палітычных партый, знаёміцца з іх дакументамі і рашэннямі, патрабаваць і атрымліваць інфармацыю па пытаннях статутнай дзейнасці і колькасным складзе палітычных партый.

Артыкул 31. Кантроль за фінансавай дзейнасцю палітычных партый.

Кантроль за фінансавай дзейнасцю палітычных партый, за крыніцамі іх даходаў, памерамі атрыманых сродкаў і выплатай падаткаў ажыццяўляюць дзяржаўныя падатковыя органы. Палітычныя партыі штогод не пазней чым да 1 сакавіка наступнага года прадстаўляюць падатковым органам адпаведную справаздачу аб фінансавай дзейнасці з указаннем даходнай і расходнай частак свайго бюджэту.

Раздзел VI

АДКАЗНАСЦЬ ПАЛІТЫЧНЫХ ПАРТЫЙ ЗА ПАРУШЭННІ ЗАКАНАДАЎСТВА

Артыкул 32. Адказнасць за парушэнні заканадаўства.

Палітычныя партыі за парушэнні Канстытуцыі Рэспублікі Беларусь, гэтага Закона і іншых актаў заканадаўства нясуць адказнасць у адпаведнасці з заканадаўствам Рэспублікі Беларусь.

Палітычная партыя, якая нанесла незаконнымі дзеяннямі матэрыяльны або маральны ўрон грамадзянам, дзяржаве або юрыдычным асобам, абавязана пакрыць яго ў парадку, прадугледжаным заканадаўствам Рэспублікі Беларусь.

Артыкул 33. Віды спагнанняў.

За парушэнні Канстытуцыі Рэспублікі Беларусь, гэтага Закона, а таксама іншых актаў заканадаўства Рэспублікі Беларусь у дачыненні да палітычных партый могуць быць прыменены наступныя віды спагнанняў:

- 1) пісьмовае папярэджанне;
- 2) ліквідацыя палітычнай партыі.

Артыкул 34. Пісьмовае папярэджанне.

У выпадку ўчынення палітычнай партыяй дзеянняў, якія парушаюць Канстытуцыю Рэспублікі Беларусь, гэты Закон, іншыя акты заканадаўства Рэспублікі Беларусь і (або) статут, Міністэрствам юстыцыі Рэспублікі Беларусь выносіцца пісьмовае папярэджанне кіруючаму органу гэтай палітычнай партыі.

Папярэджанне выдаецца ці накіроўваецца па пошце кіруючаму органу палітычнай партыі не пазней чым у трохдзённы тэрмін пасля яго вынясення.

Артыкул 35. Ліквідацыя палітычнай партыі.

Палітычная партыя ліквідуецца па рашэнню Вярхоўнага суда Рэспублікі Беларусь у выпадках:

- 1) учынення партыяй дзеянняў, прадугледжаных часткай другой артыкула 6 гэтага Закона;
- 2) паўторнага на працягу года учынення дзеянняў, за якія было вынесена пісьмовае папярэджанне;
- 3) калі пры рэгістрацыі палітычнай партыі з боку яе заснавальнікаў былі дапушчаны такія парушэнні гэтага Закона, якіяносяць непапраўны характар.

**МІЖНАРОДНЫЯ СУВЯЗІ ПАЛІТЫЧНЫХ ПАРТЫЙ,
МІЖНАРОДНЫЯ ДАГАВОРЫ**

Артыкул 36. Міжнародныя сувязі палітычных партый.

Палітычныя партыі ў адпаведнасці з іх статутамі маюць права падтрымліваць сувязі з палітычнымі партыямі, міжнароднымі і іншымі арганізацыямі іншых дзяржаў.

Артыкул 37. Міжнародныя дагаворы.

Калі міжнародным дагаворам Рэспублікі Беларусь устаноўлены іншыя правілы, чым тыя, што змяшчаюцца ў гэтым Законе, прымяняюцца правілы міжнароднага дагавора.

Прэзідэнт
Рэспублікі Беларусь
5 кастрычніка 1994 г. г. Мінск

А. ЛУКАШЭНКА

¹ Праграмныя дакументы палітычных партый. Вучэбны дапаможнік. Мн.: «Белдзяржуніверсітэт», 1994.

² Закон Рэспублікі Беларусь. Аб палітычных партыях // Звязда, 1994, 28 кастр.

Рэцэнзіі

Праграмныя дакументы палітычных партый.
Мн.: «Белдзяржуніверсітэт», 1994. 100 с.

Новы ўзровень асэнсавання гістарычнага мінулага беларускага народа, да якога сёння імкнучца гісторыкі, выклікае неабходнасць пашырэння базы гістарычных крыніц, каб новае пакаленне магло больш аб'ектыўна пазнаць і ацаніць гістарычны шлях. Цалкам адносіцца гэта і да бурных падзей палітычнага жыцця пачатку ХХ ст. Абмежаванасць да апошняга часу магчымасці для шырокага кола вывучаючых гісторыю Беларусі зварнуцца да дакументаў таго часу стварала скажонае ўяўленне аб вытоках і сутнасці палітычных працэсаў. Неабходна пераадолець маніпалізацыю з боку камуністычнай партыі на тлумачэнне праграм і тэарэтычных поглядаў іншых палітычных партый, якія былі адназначна акресленыя як варожыя, буржуазныя, разглядаліся толькі як аб'ект барацьбы з боку большавікоў. Упарта стваралася ўяўленне, што дэмакратычныя патрабаванні ўтварэння рэспублікі, скарачэння працоўнага дня, вырашэння аграрнага пытання, дасягнення сацыяльнага і нацыянальнага раўнапраўя і інш. былі выключна ў большавісцкай партыі. Сама ж гісторыя палітычных партый пачатку ХХ ст., за выключэннем камуністычнай, разглядалася толькі як іхняе «банкруцтва», у выніку якога яны нібы апынуліся ў «сметніку гісторыі».

Але час распарэдзіўся інакш. Банкруцтва пацярпела менавіта тая сацыялістычная мадэль, якая была створана большавікамі, а адраджэнне палітычнага плюралізму прывяло да з'яўлення на палітычнай арэне палітычных партый, падобных на заснавання ў пачатку стагоддзя.

Таму зразумела не толькі гістарычная зацікаўленасць, але і практычная каштоўнасць выдання «Праграмныя дакументы палітычных партый». Складальнікі яго — гісторыкі У. К. Коршук, П. І. Брыгадзін, І. Ф. Раманоўскі падрыхтавалі добры дапаможнік не толькі для студэнтаў, якія вывучаюць гісторыю грамадскіх рухаў і палітычных партый, але і гісторыю Беларусі наогул. Змешчаным у ім арыгіналам праграмных дакументаў трынаццаці палітычных партый пададзены кароткія даведкі аб іх утварэнні і далейшым лёсе. Разам з папярэднім дапаможнікам для студэнтаў «3 гісторыі палітычных партый» (Мн., 1993) новая кніга стварае спрыяльныя ўмовы для вывучэння найбольш вы-

значальных працэсаў палітычнага жыцця на Беларусі пачатку ХХ ст.

У першай яе частцы змешчаны праграмныя дакументы беларускіх нацыянальна-дэмакратычных партый — Беларускай сацыялістычнай грамады, Беларускай партыі сацыялістаў-рэвалюцыянераў, Беларускай сацыял-дэмакратычнай партыі, Беларускай партыі сацыялістаў-федэралістаў, Беларускай сялянска-рабочай Грамады, Партыі Беларускай хрысціянскай дэмакратыі. У савецкіх выданнях усе яны вызначаліся як буржуазныя ці дробна-буржуазныя плыні, нібы варожыя сапраўдным інтарэсам беларускіх працоўных мас. А між іншым большасць з гэтых партый не адмаўляла ідэй сацыялізму ўвогуле, але яны не былі зашораны ідэямі дыктатуры пралетарыяту, неабходнасці рэвалюцыйнага перавароту, адстойвалі рэфарматарскі шлях развіцця грамадства. Магчыма сказаць, што гэтыя праграмы ўяўлялі сабою згустак палітычнай, эканамічнай, сацыялагічнай і адраджэнскай думкі Беларускай інтэлігенцыі, якая спалучала сацыялістычныя настрой з нацыянальнымі інтарэсамі беларускага грамадства. Праграмныя дакументы сведчаць, што Беларусь не была ў баку ад агульнага палітычнага працэсу, вызначальнага як для пачатку ХХ ст. цалкам, так і для грамадска-палітычнага жыцця ў той час Расійскай імперыі.

Не меншую зацікаўленасць выклікае і знаёмства з праграмнымі дакументамі агульнарасійскіх палітычных партый, што дзейнічалі на Беларусі, — РСДРП, Саюза рускага народа, Рускай манархічнай партыі, Саюза 17 кастрычніка, Партыі народнай волі, Партыі сацыялістаў-рэвалюцыянераў, Працоўнай народна-сацыялістычнай партыі. Тут, відавочна, неабходна зварнуць увагу на тое, наколькі іх праграмныя ўстаноўкі адпавядалі нацыянальным інтарэсам беларусаў, як яны ставіліся да вырашэння нацыянальнага пытання і міжнацыянальных адносін.

Безумоўна станюча вызначаючы неабходнасць і патрэбнасць названата выдання, зацікаўленасць у далейшым працягу публікацый на гэтую тэму, неабходна выказаць і некаторыя заўвагі. У назве дапаможніка патрэбна было б абзначыць, што друкуюцца праграмныя дакументы не сучасных, а палітычных партый пачатку ХХ ст. Разам з ужо больш-менш вядомымі беларускімі партыямі — БСГ, БПС-Р, БСДП, БПС-Ф, БСРГ, ПБХД, якія вызначаны як нацыянальна-дэмакратычныя, настаў час надаць належную ўвагу іншым беларускім палітычным

партиям і групам. Неабходна пераадолець і адмоўныя адносіны і да нацыянальных партый, дзейнасць якіх была адчувальна на Беларусі, і ў першую чаргу да Усеагульнага дзяржаўнага рабочага саюза (БУНД), які займаў вядучыя пазіцыі ў сацыял-дэмакратычным руху заходніх губерній. Дакументы гэтых партый значна пашыраць наша ўяўленне аб палітычнай палітцы беларускага грамадства пачатку ХХ ст.

М. К. Сакалоў

Н. В. Сильченко. Закон: Проблемы этимологии, социологии и логики / Под ред. С. Ф. Сокола. Мн.: «Навука і тэхніка», 1993. 119 с.

Если говорить образно, то главное в книге Н. В. Сильченко — ярко выраженное «лицо» ее автора. В ней предпринята попытка сконструировать новую в содержательном отношении концепцию верховенства закона путем выхода за чисто формальные параметры в понимании этого принципа и нахождения социологических, гносеологических начал, которые определяют особое положение закона в системе нормативно-правовых актов и иных источников права.

Поиском этих начал и обусловлена логика исследования. Поэтому не случайно монография открывается анализом этимологии слова «закон». Рассматривая происхождение данного термина, автор показывает, что современное его понимание как акта высшего органа законодательной власти является результатом длительной эволюции правовых систем, развития философских и политико-правовых представлений.

На основе сопоставления наиболее значимых черт объективного социального закона и закона юридического автор приходит к целому ряду выводов, которые настолько не сочетаются с общепринятыми, традиционными в юридической литературе, что, на первый взгляд, кажутся парадоксальными. Так, показывается несостоятельность теоретического положения, обосновывающего верховенство закона указанием на регулирование им важнейших вопросов государственной и общественной жизни; вскрывается внутренняя противоречивость хрестоматийного утверждения о стабильности, устойчивости закона как социального регулятора с одновременным требованием адекватного отражения в нем общественных процессов. Непривычным кажется и суждение о юридической силе закона как силе, определяемой в конечном счете не государством, а факторами, способными удерживать в определенных условиях необходимое отношение, регулируемое законом. Отличается от устоявшихся взглядов и утверждение автора о том, что авторитет и верховенство закона тем выше, чем реже юридический закон нуждается в государственном принуждении для своей реализации.

Новизной характеризуется и исследование проблем соотношения юридического закона и законов науки. Автор полагает, что вследствие неполноты и неточности отражения содержания объективных социальных законов в законах науки законодатель, вынужденный их использовать, приобретает в лице науки не только надежного помощника, но нередко и профессиональ-

ного «лжеца» (с. 70). В книге подчеркивается необходимость смягчения данной противоречивой ситуации путем поиска иных вариантов получения знаний о регулируемых общественных отношениях и максимально полного использования законодателем всего объема научных данных. Здесь же рассматривается проблема природы и механизма искажения научных данных в процессе их перевода на законодательный язык. Ее решение, по мнению Н. В. Сильченко, позволит предусмотреть в законах и правовой системе механизмы и процедуры, отчасти блокирующие эти искажения. Так, ряд известных источников права — прецедент, правовой обычай, договор — могут содействовать уменьшению отрицательных последствий «двойных искажений» в юридическом законе; кроме того, с помощью этих источников права усиливается и стабильность самого юридического закона.

В то же время автор по-иному, чем принято в теории права, рассматривает стабильность как определенное свойство юридического закона, считая существенной ошибкой заранее приписывать ему отмеченное качество. «Закон не может и не должен быть «вечно» стабильным и полностью адекватным регулируемым им общественным отношениям. У него есть мера стабильности и мера адекватности, выход за пределы которых подрывает верховенство закона» (с. 60).

Своеобразием отличается и заключительная глава монографии, посвященная исследованию механизма перевода противоречивой социальной действительности в логически непротиворечивый юридический закон. Правильное решение данной проблемы может быть найдено, по мнению Н. В. Сильченко, лишь при выходе за рамки узконормативного понимания права, с позиций различения права и закона. Эти различия основываются на том, что право порождается сферой материального производства, товарно-денежными отношениями, закон же является продуктом осознания правовой действительности и деятельности законодателя. Сердцевиной права является эквивалентность, складывающаяся в реальной действительности как результат преодоления множества отклонений от нее через столкновение многообразных потребностей и интересов. Поэтому автор убежден в невозможности существования непротиворечивой системы права, в то время как непротиворечивая система законодательства, считает он, может быть создана. Однако совершенная в формально-логическом отношении система законодательства склонна к быстрому моральному старению вследствие отрыва от подлинной правовой природы общественных отношений. Здесь вновь подчеркивается необходимость использования иных источников права — правового прецедента, правового обычая — для увеличения «продолжительности жизни» закона (с. 93).

К сожалению, работа не лишена некоторых упущений и противоречий. Не совсем ясен, например, принцип, которым руководствовался автор, излагая взгляды на проблемы соотношения объективного закона и закона юридического отдельных мыслителей древности и нового времени и оставляя вне поля зрения мыслителей Возрождения, средневековья. В некоторых местах автор допустил противоречивые, не совсем четкие формулировки. Так, на с. 13

высказывается предположение о том, что в качестве юридического закона будут означаться лишь нормативно-правовые акты законодательной власти, а на с. 66 речь идет о существовании в системе законодательства нормативно-правовых актов исполнительной власти. На с. 71 утверждается, что юридический закон занимает промежуточное положение между законами науки и объективными социальными законами, а на с. 80 говорится о том, что по основным своим параметрам юридические законы схожи с законами науки, являются разновидностью последних. В монографии, на наш взгляд, лишь конспективно наме-

чен подход к обоснованию эквивалентной природы права, равно как и к проблеме различия права и закона.

В целом же работа Н. В. Сильченко отличается точным, емким языком, безупречной логикой постановки и обоснования многих новых проблем теории права и законотворческой деятельности, оригинальным подходом к ряду устоявшихся положений правовой науки. Книга, несомненно, вызовет интерес у широкого круга читателей и станет заметным явлением в отечественной теории права.

В. В. Седелник

ЗМЕСТ

НАШЫ ЛАЎРЭАТЫ

6873 Юхо І. А. Развіццё навукі гісторыі дзяржавы і права Беларусі ў Беларускім дзяржаўным універсітэце 3

ГІСТОРЫЯ

18 Тогулева А. Д. Беларуская сацыялістычная грамада ў 1917–1918 гг. 7
184 Літвіноўскі І. А. У вытокаў электрыфікацыі народнай гаспадаркі Беларусі 10
185 Малогін О. И. Первые британские мученики 12
186 Никитин М. Г. К вопросу о добровольности присоединения белорусской шляхты к Тарговицкой конфедерации (1792 г.) 15

ФІЛАСОФІЯ

1874 Фурс В. В. Понятие Дискурса в «Археологии знания» Мишеля Фуко 19
Мизякина С. И. Критика классического идеала рациональности в философии Льва Шестова 22
1877 Пекарский Ф. В. Философия языка Велимира Хлебникова 25
1879 Горных А. А. Проблема текста: психоаналитические аспекты 28

ПАЛІТАЛОГІЯ, САЦЫЯЛОГІЯ

1878 Мельников А. П. Проблемы политологии в работе Аристотеля «Политика» 32
Абловацкая Н. В. Теоретические предпосылки социального конфликта в условиях современной Беларуси 35
1880 Елсукова Н. А., Кечина Е. А. Методологический анализ социального мониторинга 37

ЭКАНОМІКА

1881 Петровская Л. М. Тенденции экономического роста 40
1882 Ковалев А. В. Соотношение промышленных и сельскохозяйственных цен как условие равновесия экономической системы нэпа 43
1883 Кляня В. Л., Ян Лис. Экономические проблемы преобразования сельского хозяйства Польши в условиях рынка 46

ПРАВА

1884 Мартинович И. И. А. Ф. Кони как педагог и гуманист 49
1885 Третьякова И. П. Владение как самостоятельный институт права и как одно из правомочий права собственности 51
1886 Щемелева И. Н. Понятие и правовая природа договора банковского счета 56

НОВАЕ Ў ВУЧЭБНЫМ ПРАЦЭСЕ

5158 Карако П. С. Категории *целое и часть* в курсе философии (содержательные и методологические стороны изложения) 59

АКТУАЛЬНЫЯ СТАРОНКІ МІНУЎШЧЫНЫ (публікацыі і пераклады)

5159 Другі ўсебеларускі кангрэс 63
5160 Правыя гаранты дзейнасці палітычных партый у Рэспубліцы Беларусь 69

РЭЦЭНЗІІ

Сакалоў М. К. Праграмныя дакументы палітычных партый 76
Седелник В. В. Н. В. Сильченко. Закон: Проблемы этимологии, социологии и логики 77